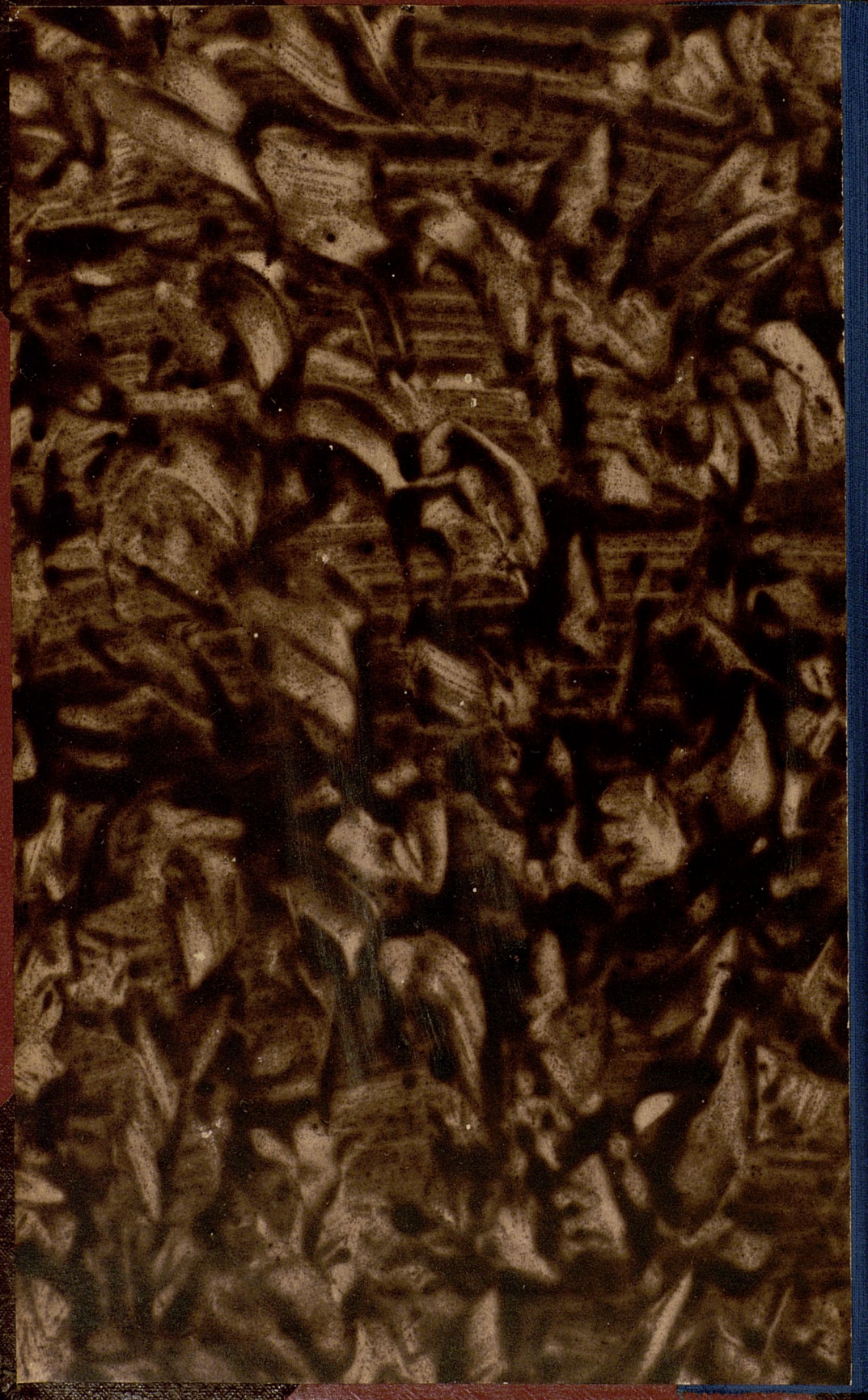


1853
1883
M.O.B.

Л. А. ЧАРСКАЯ.

КНИГИ ДЛЯ ДѢТЕЙ И ЮНОШЕСТВА,

ИЗДАННЫЯ Т-ВОМЪ М. О. ВОЛЬФЪ:

*Книги, отмѣченныя въ настоящемъ спискѣ одною звѣздочкою *, допущены Ученымъ Комитетомъ Мин. Нар. Пр. въ библіотеки учебныхъ заведеній.*

*Книги, отмѣченныя двумя звѣздочками **, признаны Ученымъ Комитетомъ Мин. Нар. Просв. заслуживающими вниманія при пополненіи библіотекъ учебныхъ заведеній.*

Книги, отмѣченныя въ настоящемъ спискѣ кружкомъ ○, рекомендованы Главнымъ Управленіемъ Военно-Учебн. заведеній для чтенія кадетъ и допущены въ ротныя библіотеки.

*○ **ЗАПИСКИ ИНСТИТУТКИ.** Повѣсть для юношества, съ илл. А. И. Сударушкина. Изд. 4-е. Ц. въ переплетѣ 3 р.

*○ **КНЯЖНА ДЖАВАХА.** Повѣсть для юношества, въ 2-хъ частяхъ, съ илл. В. А. Табурина и А. И. Сударушкина. Изд. 4-е. Ц. въ переплетѣ 3 р.

*○ **ЛЮДА ВЛАССОВСКАЯ.** Повѣсть для юнош., въ 2-хъ частяхъ, съ илл. В. А. Табурина. Изд. 3-е. Ц. въ переплетѣ 3 р.

ВТОРАЯ НИНА. Повѣсть для юношества, съ илл. И. В. Симакова. Изд. 3-е. Ц. въ переплетѣ 3 р.

** **ДЖАВАХОВСКОЕ ГНѢЗДО.** Повѣсть для юнош., съ илл. И. Гурьева. Ц. 3 р.

** **ВЕЧЕРА КНЯЖНЫ ДЖАВАХИ.** Сказанія старой Барбалэ. Съ рис. Н. Н. Каразина, И. Гурьева и др. Ц. въ пер. 2 р. 25 к.

○ **ЗА ЧТО? Моя повѣсть о самой себѣ, въ 4-хъ частяхъ, съ илл. И. Гурьева. Изд. 3-е. Ц. въ переплетѣ 3 р.

○ **БОЛЬШОЙ ДЖОНЪ.** Повѣсть для юношества, съ иллюстр. И. Гурьева. Изд. 2-ое. Ц. въ переплетѣ 3 р.

НА ВСЮ ЖИЗНЬ. Юность Лиды Воронской. Повѣсть для юнош., съ илл. И. Гурьева.

ЛѢСОВИЧКА. Повѣсть для юнош., съ илл. З. Шапиро. Изд. 2-е. Ц. въ пер. 3 р.

СЕСТРА МАРИНА. Повѣсть для юнош., съ илл. Е. П. Самокишъ-Судковской.

○ **ЗАЗАВАТЪ. Историческая повѣсть, съ илл. М. І. Смукровича. Изд. 3-е. Ц. въ переплетѣ 3 р. 50 к.

○ **ПАЖЪ ЦЕСАРЕВНЫ. Историческая повѣсть, съ илл. А. Бальдингера. Изд. 2-е. Ц. въ переплетѣ 3 р. 50 к.

** **СМѢЛАЯ ЖИЗНЬ.** Истор. пов. для юнош., съ илл. Е. П. Самокишъ-Судковской. Изд. 2-е. Ц. въ переплетѣ 3 р. 50 к.

** **ГРОЗНАЯ ДРУЖИНА.** Историч. повѣсть, съ иллюстр. худ. С. Панова. Изд. 2-е. Ц. въ переплетѣ 3 р. 50 к.

ЦАРСКІЙ ГНѢВЪ. Историческая повѣсть, съ илл. А. Бальдингера. Изд. 2-е. Ц. въ переплетѣ 1 р. 25 к.

ОДИНЪ ЗА ВСѢХЪ. Повѣсть о жизни великаго подвижника земли русской. Съ иллюстр. и снимками съ картинъ Нестерова, Новоскольцева, Брюллова. Ц. въ перепл. 2 р.

ЕВФИМІЯ СТАРИЦКАЯ. Историческій романъ. Изд. 2-е. Ц. 1 р.

○ **ТАКЪ ВЕЛѢЛА ЦАРИЦА.** Историческая повѣсть для дѣтей, съ илл. А. Бальдингера. Ц. въ переплетѣ 1 р. 50 к.

СИБИРОЧКА. Повѣсть для дѣтей, съ илл. И. Гурьева. Изд. 2-е. Ц. въ пер. 3 р.

○ **ГОЛУБАЯ ВОЛНА.** Стихи и пѣсни для юношества, съ илл. Ц. въ переплетѣ 1 р. 75 к.

* **ПЕРВЫЕ ТОВАРИЩИ.** Повѣсть для дѣтей, съ иллюстр. Э. Соколовскаго. Изд. 3-е. Ц. въ переплетѣ 1 р. 75 к.

ЮРКИНЪ ХУТОРОКЪ. Повѣсть для дѣтей, съ иллюстр. И. В. Симакова. Изд. 2-е. Ц. въ переплетѣ 2 р. 50 к.

** **ЗАПИСКИ СИРОТКИ.** Повѣсть для дѣтей, съ илл. Э. Соколовскаго. Изд. 3-е. Ц. въ переплетѣ 1 р. 75 к.

ЛИЗОЧКИНО СЧАСТЬЕ. Повѣсть для дѣтей, съ илл. В. А. Табурина и И. В. Симакова. Изд. 2-е. Ц. въ переплетѣ 2 р. 50 к.

ТАСИНО ГОРЕ. Повѣсть для дѣтей, съ илл. И. В. Симакова. Ц. въ переплетѣ 2 р. 50 к.

** **ЗАПИСКИ МАЛЕНЬКОЙ ГИМНАЗИСТКИ.** Повѣсть для дѣтей, съ иллюстр. А. Бальдингера. Изд. 2-е. Ц. въ переплетѣ 2 р. 50 к.

ДОМЪ ШАЛУНОВЪ. Повѣсть для дѣтей, съ иллюстр. А. Бальдингера, Ц. въ переплетѣ. 3 р.

СЧАСТЛИВЧИКЪ. Повѣсть для дѣтей, съ илл. худ. И. Гурьева. Ц. въ пер. 3 р.

ЩЕЛЧОКЪ. Повѣсть для дѣтей, съ рис. И. Гурьева.

** **СКАЗКИ ГОЛУБОЙ ФЕИ.** Съ рис. В. Мельникова, З. Шапиро и др. Изд. 3-е. Ц. въ переплетѣ 1 р. 75 к.

ТРИНАДЦАТАЯ. Повѣсть для дѣтей, съ рис. Спасскаго.

ПРОДАННЫЙ ТАЛАНТЪ. Повѣсть для юношества, съ илл. В. Полякова. Изд. 2-е. Ц. въ пап. переплетѣ 60 к.

ЛУЧШІЙ ДАРЪ. Волшебная картина въ одномъ дѣйствіи. Съ рис. М. Кипина. Ц. 15 к., въ папкѣ 30 к.

РЫЖИКЪ И ЧЕРНУШКА. Разсказъ для малютокъ. съ хром. карт. А. Гейера. Изд. 2-е. Ц. въ пап. переплетѣ 1 р. 50 к.

ВЕСЕЛАЯ ДЮЖИНКА. Книжка стишковъ для маленьк. дѣтей, съ илл. Изд. 2-е. Ц. въ папкѣ 50 к.

ВОВИКЪ. Полу-быль, полу-сказка, съ илл. барона Деметра. Ц. 50 к.

КОГДА МЫ БЫЛИ МАЛЕНЬКІЕ. Разсказы для маленькихъ дѣтей, съ хром. карт. Изд. 3-е. Ц. въ пап. переплетѣ 90 к.

НА КРАЙ СВѢТА. Разсказъ для маленькихъ дѣтей, съ илл. Б. К. Кильверта. Ц. 15 к.

СЧАСТЛИВЫЙ ЦВѢТОКЪ. Разсказъ для дѣтей мл. возр. съ рис. И. Гурьева. Ц. въ пап. 30 к.

— Сестра! Сестра! мнѣ жарко, очень жарко!.. шепчутъ пересохшія губки.

СЕСТРА МАРИНА

ПОВѢСТЬ ДЛЯ ЮНОШЕСТВА

Л. А. ЧАРСКОЙ

Съ 9 иллюстраціями Е. Самокишъ-Судковской

ИЗДАНІЕ
Т-ВА М. О. ВОЛЬФЪ
С.-Петербургъ | Москва
Гостин. Дв., 18 и Невскій, 13. | Кузн. Мостъ, 12 и Моховая, 22.
1913

ПЕЧАТЬ С ТИПОГРАФІИ
Т-ва М. О. ВОЛЬФЪ
С-Петербургъ · Вас. Остр. 16 линія соб. домъ
1913

Гос.
Публичная
Библиотека
в
Ленинграде

ГЛАВА I.

Въ домѣ генеральши Махрушиной встаютъ поздно. Даже прислуга позволяетъ себѣ нѣкоторую роскошь—подниматься не раньше восьми часовъ. Поэтому, когда на большихъ бронзовыхъ, въ видѣ скачущаго рыцаря, часахъ на каминѣ въ гостиной пробило шесть, въ огромной, роскошно обставленной барской квартирѣ всѣ еще спятъ крѣпкимъ сладкимъ утреннимъ сномъ.

Только въ дальней, находящейся въ самомъ концѣ коридора, комнаткѣ,—въ „Нютиной кельѣ“, какъ ее называютъ домашніе,—наблюдается нѣкоторая жизнь.

Электрическая лампа, подъ абажуромъ, въ углу, освѣщаетъ комнату. Все здѣсь просто и уютно: небольшой диванъ, кожаныя кресла, круглый столикъ, этажерка съ книгами, узенькое трюмо въ углу, за ширмой умывальникъ и кровать. На полочкахъ и стѣнныхъ этажероч-

кахъ—бюсты великихъ людей: Пушкина, любимаго Нютина поэта, Гёте, Шекспира.

Сама Нюта, тоненькая, стройная, невысокаго роста дѣвушка, съ очень худенькимъ, блѣднымъ лицомъ, которому мертвенный свѣтъ электричества придаетъ нѣсколько болѣзненный оттѣнокъ, съ большими дѣтскими, какъ бы что-то ищущими, пытливыми глазами подъ нахмуренными линіями темныхъ бровей, съ небрежно закрученнымъ на затылкѣ бѣлокурымъ узломъ непокорно вьющихся волосъ, стоитъ на колѣняхъ посреди комнаты надъ раскрытымъ ручнымъ саквояжемъ. Тутъ же, подлѣ нея, на диванѣ, разложены двѣ-три смѣны бѣлья, необходимыя принадлежности туалета, запасная блузка изъ темнаго люстрина для каждаго дня, пара мягкихъ туфель, полотенце, небольшая подушка-„думка“ и маленькій серебряный образокъ — благословеніе покойной матери.

Нюта, сосредоточенно хмуря темныя брови, убираетъ дрожащими руками вещи въ саквояжъ. Она замѣтно волнуется... Надо поспѣть, во что бы то ни стало, съ уборкой, пока не проснутся въ домѣ... Не дай Богъ, если кто-нибудь увидитъ... Хоть одна душа... Донесутъ, и тогда все пропало, все...

Эта мысль ударяетъ какъ молотомъ въ бѣлокурую головку дѣвушки, бросаетъ пятна румянца на ея худенькое лицо, съ нѣсколько крупными большими блѣдными губами.

— Господи, помоги мнѣ!—шепчутъ эти крупныя блѣдныя губы, а дрожащая рука усиленно крестится быстрыми мелкими крестами...

Наконецъ все готово. Необходимыя принадлежности багажа исчезли въ глубинѣ ручного саквояжа, и Нюта, съ легкимъ вздохомъ самоудовлетворенія, поднимается съ колѣнъ.

— Теперь одѣться скорѣе и... и съ Богомъ!

Она подходитъ къ трюмо. Гладко отполированная поверхность зеркала отражаетъ тоненькую, худенькую фигурку въ изящномъ (о, слишкомъ даже изящномъ, къ глубокому огорченію Нюты!), сшитомъ по послѣдней модѣ, платьѣ, дѣлающемъ ее похожей на барышню изъ аристократическаго дома.

Нюта смотритъ на свое нарядное платье, съ вычурнымъ фасономъ, и горькая усмѣшка скользитъ по ея губамъ, когда она шепчетъ:

— Еще бы! Нельзя было сдѣлать хуже, нежели у Женни. О, эта педантичная справедливость tante Sophie!.. Сколько стоила она мнѣ слезъ и горя! Вѣдь не любовь это, нѣтъ, а боязнь, чтобы свѣтъ (ахъ, этотъ свѣтъ!) не подумалъ: „родную дочь балуетъ и любитъ, а племянницу держитъ въ черномъ тѣлѣ“... Слава Богу, скоро... скоро теперь... сейчасъ избавлюсь отъ всего этого .. Никого, никого не жалѣю, только Марину... Милая она... Но чѣмъ же рискуетъ Мариночка?.. Душа моя! Отплачу ли я тебѣ когда-нибудь за все это!..

Зеркало отражаетъ взволнованное блѣдное лицо, дрожащія губы и блестящіе слезами сѣрые глаза. Нюта проворно смахиваетъ слезы, надѣваетъ шляпу... Шляпа эта—темнаго фетра съ большимъ страусовымъ перомъ.

Слишкомъ нарядная шляпа...

Но что дѣлать?! Она выбрала самую скромную. Другія—еще наряднѣе, свѣтлѣе. Эта хоть темнаго цвѣта, и то спасибо. Ахъ, тетя, тетя!

Шляпа заколота... перчатки надѣты... Длинный, покроя сюртука, англійскій жакетъ прикрылъ тоненькую миніатюрную фигурку. Саквояжъ въ рукахъ.

— Теперь, живо!

Въ послѣдній разъ Нюта окидываетъ глазами свою „келейку", небольшой диванъ, на которомъ такъ сладко грезилось съ томикомъ поэта въ рукахъ, письменный столъ, бюсты любимыхъ классиковъ... Милая келейка! Какъ трогательно отстаивала ея независимость Нюта, когда генеральша Махрушина хотѣла во что бы то ни стало устроить гнѣздышко племянницы по образцу комнаты ея дочери, высокой вертлявой свѣтской барышни Женни. Вся энергія Нюты обратилась тогда въ одинъ протестующій вопль. Пусть мучатъ ее самое, Нюту, модными покроями костюмовъ, изысканными фасонами шляпъ, но не уродуютъ ея „келейку" ненужными, бьющими на эффектъ, украшеніями, булями, столиками. Ей нуженъ свѣтъ и уютъ, и больше ничего.

Она подходитъ къ столу, беретъ съ него записку,

написанную еще наканунѣ съ вечера, и шопотомъ читаетъ ее:

„Дорогая тетя! Не сердитесь, умоляю васъ, на вашу злую, неблагодарную Нюту. Но такая жизнь мнѣ больше не по плечу... Я уѣзжаю къ бабушкѣ въ „Иринкино“... Забудьте меня. Благодарю васъ и Женни за все, что вы сдѣлали для меня.

Нюта“.

Прочитавъ записку, она кладетъ ее на прежнее мѣсто и легкимъ призракомъ, на цыпочкахъ, проскальзываетъ въ дверь.

□ □

Тихо въ коридорѣ... И во всей квартирѣ тихо, какъ ночью...

Робкій шелестъ Нютиныхъ юбокъ едва-едва нарушаетъ эту тишину.

— Скорѣе! Скорѣе!

Сердце Нюты стучитъ такъ громко, что, кажется, готово поднять на ноги весь домъ. Румянецъ то приливаетъ къ лицу, то отливаетъ къ сердцу. Шумъ въ головѣ, стукъ въ вискахъ и непріятная сухость въ горлѣ.

Слава Богу, коридоръ пройденъ. Сейчасъ гостиная, большая зала и японскій будуаръ Женни. Если кто-нибудь изъ прислуги производитъ въ этотъ ранній часъ уборку комнатъ, о... тогда—горе ей, Нютѣ... Ее задержатъ... Пойдутъ будить tante Sophie... Начнутся упреки,

обмороки... истерики... слезы... Нѣтъ! Нѣтъ! Невозможно!.. Сердце вдругъ перестаетъ биться въ груди Нюты... Она стремительно распахиваетъ дверь...

Въ тотъ же мигъ что-то теплое, мохнатое, огромное бросается на нее.

Громкій крикъ испуга готовъ сорваться съ устъ дѣвушки. Но она во-время подавляетъ его.

— Турбай! Голубчикъ! Не узналъ, глупый!

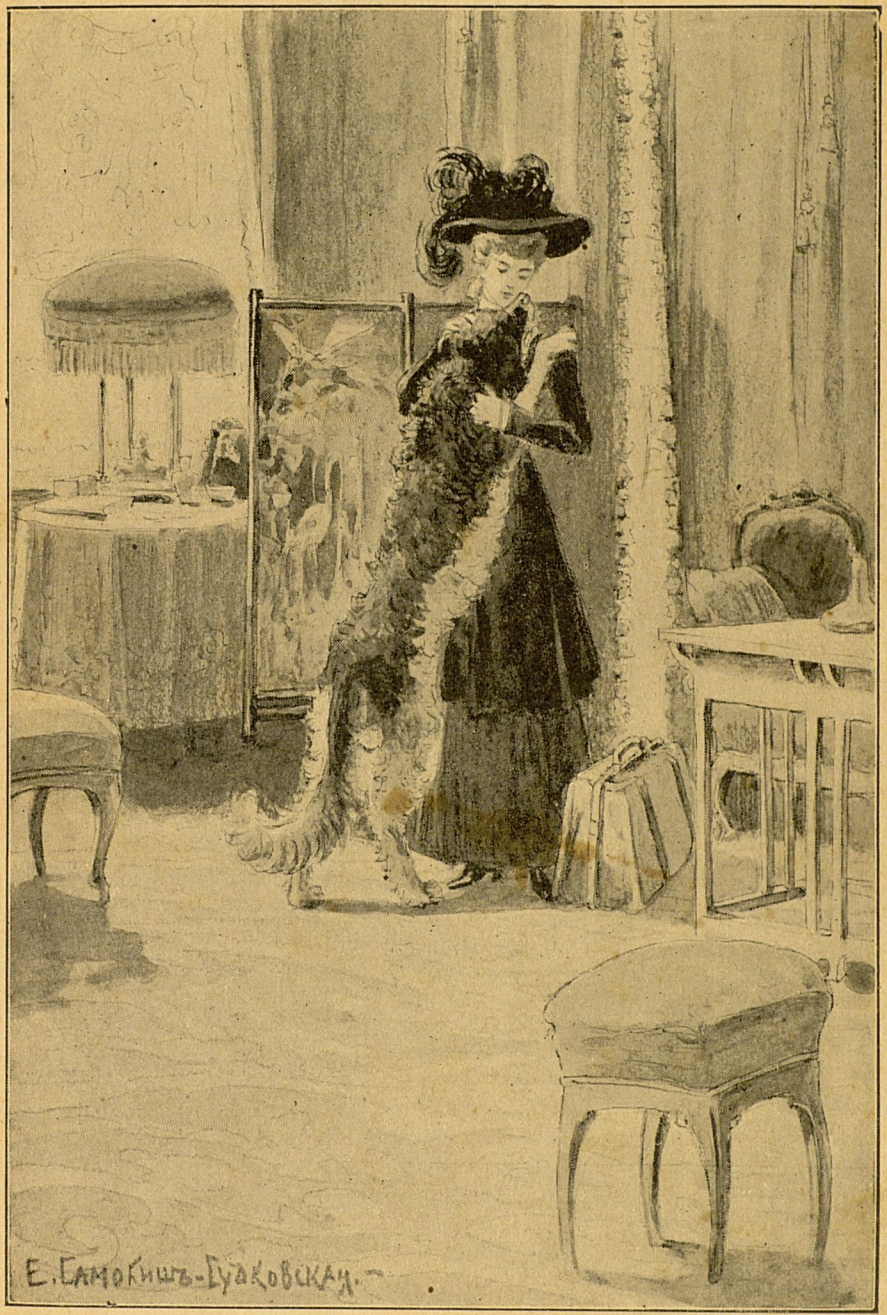
Ея дрожащія руки обхватываютъ мохнатую шею и прижимаютъ къ груди огромную голову геркулеса-ньюфаундлэнда.

— Милый! Милый! Одинъ ты любилъ меня здѣсь! Одинъ, голубчикъ! Прощай, Турбаинька! Уходитъ Нюта! Навсегда уходитъ отъ тебя!

Умные, преданные глаза собаки поблескиваютъ въ осенней утренней мглѣ гостиной. Горячій влажный языкъ уже успѣлъ облизать лицо, волосы и руки дѣвушки. Собака тихо визжитъ, точно понимая, что лаять нельзя.

Когда Нюта, нацѣловавъ вволю, сквозь слезы, мохнатыя бѣло-черныя уши и такую же пеструю голову, скользитъ по направленію къ передней по длинной амфиладѣ комнатъ, Турбай, безшумно ступая огромными мохнатыми когтистыми лапами по коврамъ, идетъ вслѣдъ за нею.

Въ передней—большой красной, подъ „адское пламя", комнатѣ, съ оленьими рогами, вмѣсто вѣшалокъ, и го-



Прощай, Турбанька! Уходить Нюта!..

Гос.
Публичная
Библиотека
в
Ленинграде

ловами-чучелами лосей по стѣнамъ — Нюта останавливается, еще разъ гладитъ Турбая и неожиданно распахиваетъ входную дверь. Распахиваетъ и захлопываетъ сразу. Этотъ неожиданный маневръ наполняетъ негодованіемъ преданное собачье сердце.

До сихъ поръ четвероногій другъ еще надѣялся, что его молоденькая хозяйка возьметъ его съ собою въ этотъ ранній часъ. Но, обманувшись въ своихъ ожиданіяхъ, Турбай громкими негодующими звуками заявляетъ свой протестъ...

Теперь онъ уже не стѣсняется больше. Громкій, неистовый лай огромнаго животнаго наполняетъ сразу весь домъ.

Турбай лаетъ ожесточенно, изо всѣхъ силъ, всѣмъ своимъ существомъ. Эти жуткіе звуки несутся вслѣдъ за Нютой, съ отчаянной стремительностью сбѣгающей съ лѣстницы.

— Силы небесныя! Онъ разбудитъ весь домъ!

Миніатюрная фигурка прыгаетъ черезъ три ступеньки внизъ, затаивъ дыханіе, прислушиваясь къ тому, что происходитъ за нею.

— Скорѣе! Скорѣе!..

Швейцаръ Модестъ, почтенный старикъ съ большою серебряною медалью на шеѣ, успѣвшій только что выпить стаканъ кофе, подмести лѣстницу и накинуть ливрею, съ удивленіемъ оглядываетъ барышню.

— Въ такой ранній часъ и одна? Куда могла

собраться въ такую рань генеральская племянница?—является невольно мысль въ головѣ старика.—Не мало не много, а вѣдь едва лишь пробило семь часовъ.

— Добраго утра, барышня,—говоритъ онъ своимъ нѣсколько хриплымъ голосомъ.

— Здравствуйте, Модестъ!—отвѣчаетъ Нюта.

Голосъ ея срывается и дрожитъ. Что, если остановитъ, не пуститъ, позоветъ прислугу? Что, если догадается старикъ?

Ей уже кажется, что глаза Модеста какъ-то особенно подозрительно впиваются ей въ лицо, а губы точно складываются для того, чтобы спросить:—„Куда это въ такую рань собрались, барышня?“

Но волненіе Нюты преждевременно. Ея страхъ напрасенъ.

Модестъ предупредительно распахиваетъ передъ нею дверь и, косясь на ручной саквояжъ, бросаетъ лаконическую фразу:

— Прикажете извозчика кликнуть?

Нюта вздрагиваетъ всѣмъ тѣломъ.

— Нѣтъ! Нѣтъ! Я сама. Не надо.

И какъ-то бокомъ протискивается въ дверь и быстро-быстро выбѣгаетъ на улицу.

На улицѣ осенній дождь, слякоть. Лужи воды на тротуарахъ. Утренній разсвѣтъ, мглистый и непріятный. Въ ближайшихъ булочныхъ свѣтъ. На углу дремлетъ съ гнѣдой лошаденкой извозчикъ.

Но нанять его нельзя на виду у Модеста. Модестъ услышитъ, куда его наняли, донесетъ...

Надо пройти еще немного, завернуть за уголъ.

Нюта робко оглядывается. Модестъ стоитъ у подъѣзда, смотритъ ей вслѣдъ и качаетъ головою. Или это такъ кажется, что качаетъ головою?..

— Извозчикъ, вы знаете N-скую улицу?

— Чего-съ?

Дрожь охватываетъ снова все тѣло Нюты. Что, если Модестъ слышалъ, куда она нанимаетъ возницу?..

Этотъ послѣдній съ изумленіемъ смотритъ на нарядную барышню, говорящую ему „вы“.

— N-скую улицу вы знаете, извозчикъ?

— Семь гривенъ,—вмѣсто отвѣта выпаливаетъ тотъ.

— Да... да... Только, пожалуйста, везите поскорѣе.

— Духомъ. Не извольте сумлѣваться, барышня. Одна нога здѣсь, а другая тамъ.

Извозчикъ веселый, жизнерадостный старикашка, но Нютѣ кажется почему-то подозрительной эта веселость. Что, если онъ въ заговорѣ противъ нея съ Модестомъ, съ tante Sophie, со всѣмъ міромъ?

— Какой вздоръ! — тутъ же успокоиваетъ себя дѣвушка. — Все предусмотрѣно... Я не доѣду до мѣста, пройду пѣшкомъ... И потомъ, вѣдь Нюта Вербина исчезаетъ съ этой минуты и до нея доберутся не скоро... Вѣдь ѣдетъ не Нюта, а Марина Трудова... Чего же я боюсь? Право, смѣшно!

И вздохнувъ задержаннымъ нервнымъ вздохомъ, Нюта прыгнула въ пролетку и скрылась подъ ея крытый верхъ...

ГЛАВА II.

— БУДЬТЕ добры сказать, какъ пройти въ квартиру госпожи начальницы?

Дворникъ, несшій лохань съ помоями по двору, пріостановился на минутку.

— Вамъ къ Ольгѣ Павловнѣ?

— Да.

— Идите все прямо по мосткамъ, садомъ. Налѣво, у главнаго зданія, дверь. На дощечкѣ прочтете. Подлѣ глазного барака.

Дворникъ снова зашагалъ по грязи, а Нюта пошла по указанному ей пути.

Въ саду царитъ мертвящая душу осень.

Полуобнаженныя, съ пожелтѣвшей листвой, стоятъ деревья, полныя тоски и осенней грусти.

Голодныя вороны съ жалобнымъ карканьемъ рѣютъ надъ верхушками могучихъ и жалкихъ въ то же время липъ и дубовъ. Мелкій дождь мороситъ тоскливо, нудно.

Въ углу сада—качели. Дальше скамейки для барачныхъ больныхъ, которые въ теплую лѣтнюю пору выходятъ изъ своихъ отдѣленій подышать свѣжимъ воздухомъ.

По настланнымъ черезъ дворъ и садъ деревяннымъ мосткамъ Нюта пробралась къ главному флигелю. Въ углу привѣтливо сіяетъ мѣдная дощечка поверхъ клеенчатой двери. На дощечкѣ надпись:

Ольга Павловна
ШУБИНА

Еще нѣсколько быстрыхъ шаговъ, и Нюта у двери. Робкій, чуть слышный звонокъ... Біеніе сердца... Шумъ шаговъ за дверями—и на порогѣ появляется пожилая горничная, въ бѣломъ фартукѣ и съ бѣлымъ же чепчикомъ на головѣ.

— Ольга Павловна принимаетъ?

Когда Нюта говоритъ это, ея пальцы конвульсивно впиваются въ ручку саквояжа и сердце перестаетъ стучать, замирая въ мукѣ ожиданія.

— Пожалуйте, барышня. Барыня сію минуту дѣлаютъ обходъ бараковъ; черезъ полчаса вернутся. Потрудитесь войти, обождать.

Горничная обдаетъ Нюту ласковымъ взглядомъ. Ея изысканный костюмъ, шляпа съ страусовыми перьями, и блѣдное, блѣдное, взволнованное лицо возымѣли свое дѣйствіе на старую служанку.

Такихъ посѣтительницъ не часто встрѣтишь въ квартирѣ начальницы N-ской общины сестеръ милосердія.

— Должно родственница Ольги Павловны изъ даль-

нихъ,—рѣшаетъ горничная и, особенно заботливо снявъ съ молоденькой посѣтительницы ея щегольской жакетъ-сюртукъ, вводитъ ее въ пріемную.

— Вотъ здѣсь, барышня, потрудитесь обождать. Когда барыня вернутся съ обхода, я доложу о васъ.

И шурша юбкою, она выходитъ изъ комнаты. Нюта остается одна.

Робкимъ взоромъ окидываетъ она незнакомую ей обстановку. Чопорная старинная кожаная мебель, посереди нѣ круглый столъ, на столѣ гигіеничная подъ зеленымъ абажуромъ лампа, вокругъ нея журналы, газеты, преимущественно медицинскаго содержанія. Тутъ и „Врачъ“, и „Врачебныя Извѣстія“, и „Первая Помощь“. Въ углу піанино, съ откинутой крышкой, и книжный шкапъ.

Жесткое кожаное кресло съ прямой спинкой кажется очень неудобнымъ. Нюта сидитъ въ немъ, вытянувшись, какъ стрѣла. Отъ безсонной ночи и ранняго сегодняшняго вставанья голова у нея слегка кружится, въ ушахъ звенитъ. Глаза слипаются помимо воли.

Она запрокидываетъ голову на жесткій переплетъ кресла и, поддавшись тихому настроенію покоя, погружается не то въ забытье, не то въ сонныя грезы еще не забытыхъ переживаній души.

Снова, какъ изъ тихаго безмятежнаго озера, болью всплываютъ милые дѣтскіе сны. Крошечное имѣньице-усадьба на берегу Волги, могучей и прекрасной, домъ

не домъ. хатка не хатка, старая бабушка, мать — учительница въ сельской школѣ... Милая мама! Такая упорная, стойкая въ достиженіи своихъ цѣлей, неутомимая въ трудѣ. Овдовѣла двадцати лѣтъ и осталась безъ гроша денегъ съ дочерью-малюткой на рукахъ. Поступила въ учительскій институтъ, сдавъ свою Нюту на руки старой матери.

У бабушки — бѣдность, почти нищета. „Иринкино“ заложено дважды. Хозяйство—въ убытокъ. Едва перебивается бабушка, изъ силъ выбивается мама... Не помнитъ этого Нюта, только по разсказамъ знаетъ. Бабушка говорила о своей дочери, какъ о святой...

Еще бы не святая! Молоденькая, почти дѣвочка, она уже бьется какъ рыба объ ледъ ради семьи. Добилась. Кончила учительскіе классы, пріѣхала въ „Иринкино“, выхлопотала себѣ тутъ же мѣсто въ сельской школѣ. Нюта съ этой минуты начинаетъ свои сознательныя воспоминанія...

Крошечная усадьба, село, школа, старая сѣдая хлопотунья-бабушка и молодое, вдохновенное, блѣдное лицо мамы—вотъ, что помнитъ Нюта изъ первой поры дѣтства.

Подрастаетъ Нюта... Ее, вмѣстѣ съ крестьянскими ребятишками, учитъ ея мать. Утро онѣ проводятъ въ сельской школѣ, а днемъ и въ теплые лѣтніе вечера гуляютъ по широкой степи и въ молодомъ березнякѣ, близъ оврага. На усталомъ лицѣ мамы Нюта видитъ сверкающія звѣзды большихъ вдохновенныхъ глазъ.

Мама постоянно твердитъ своей Нютѣ въ часы досуга:

— „Расти, учись, дѣтка... Вырастешь, выучишься, станешь, какъ мама, учить другихъ, помогать, чѣмъ можешь... Бѣдны мы, Нюточка, моя жизнь... Не можемъ пособить деньгами людямъ, отдадимъ же имъ то, что имѣемъ — самихъ себя. Чѣмъ только можешь, приноси пользу людямъ, моя птичка; не покладая рукъ работай на нихъ, дитя! Нѣтъ лучшаго чувства на свѣтѣ, какъ сознаніе, что ты не безъ пользы для другихъ проводишь дарованную тебѣ свыше жизнь...“

Не ограничивается своей учительской дѣятельностью мама... Ежедневно на дворѣ ихъ маленькой усадьбы толчется сѣрый деревенскій людъ. Это больные крестьяне, ихъ жены и дѣти, приходящіе ежедневно за помощью. Нютина мать умѣетъ лечить. Самоучкой дошла она до того, чтеніемъ врачебныхъ книгъ, и умѣетъ подать первую помощь, лечить несложныя болѣзни, ушибы, нарывы, лихорадки и прочее...

И Нюту она постепенно пріучала къ этому, зарождая въ душѣ дѣвочки желаніе быть полезной для людей.

Такъ жили онѣ всѣ трое, счастливыя своей необходимостью окружающимъ.

Но вотъ грянулъ громъ. Случилось несчастіе. Надъ крошечной ихъ усадьбой разразилась небесная гроза.

Нютина мать схватила пятнистый тифъ, заразившись отъ больной крестьянки, за которой она ухаживала съ

истинной заботливостью сестры милосердія, и, прометавшись безъ памяти около недѣли, умерла.

Тяжело отозвалась эта смерть въ душѣ Нюты. Ребенокъ едва не умеръ отъ горя.

Старая бабушка, потерявъ одно близкое существо, напрягла всѣ свои силы, чтобы удержать другое. Земскій докторъ, навѣщавшій нервно заболѣвшую Нюту, твердилъ одно:

— Перемѣна обстановки, во что бы то ни стало и какъ можно скорѣе, иначе я не ручаюсь за ея жизнь.

Долго думала старая бабушка прежде, чѣмъ рѣшиться на единственный, возможный для нея, исходъ, и наконецъ рѣшилась: собрала кое-какія крохи, сдала большой кусокъ земли въ аренду крестьянамъ и повезла Нюту въ Питеръ.

Много хлопотъ, тасканья по пріемнымъ вліятельныхъ сановниковъ, слезъ и униженія вынесла бабушка прежде, нежели ей удалось опредѣлить дѣвочку въ сиротскій институтъ.

Добилась своего старая бабушка, устроила Нюту и, обливъ слезами блѣдное, испуганное личико дѣвочки, уѣхала въ свое „Иринкино“ снова хозяйничать.

Быстрой, пестрой чередою пронеслись институтскіе годы, подруги... уроки... мечты о будущемъ въ тѣни стараго институтскаго сада... тихія, тайныя бесѣды въ темнотѣ дортуаровъ... прерывистый шопотъ о „святой мамѣ“ и несмѣло высказанныя надежды идти по ея

стопамъ — вотъ, чѣмъ жила дѣвочка Нюта... Сладкія воспоминанія былого счастья, восторженныя мечты о грядущемъ трудѣ,—вотъ, чѣмъ было заполнено хрупкое существо бѣлокурой, робкой, мечтательной юной институтки.

Во время лѣтнихъ вакацій, когда болѣе счастливыя изъ подругъ разъѣзжались къ родственникамъ, Нюта, съ ея менѣе счастливыми подругами, отдавала большую часть времени занятіямъ, чтенію и долгимъ задушевнымъ бесѣдамъ.

Ѣхать въ „Иринкино“ къ бабушкѣ было невозможно. Дорога стоила дорого, да и самая жизнь въ усадьбѣ представила бы теперь одни сплошныя лишенія для молодой дѣвушки. Старая бабушка не хотѣла подвергать имъ дѣвочку и рѣшила не брать больше Нюты къ себѣ.

Съ этою цѣлью она написала письмо генеральшѣ Махрушиной, своей дальней родственницѣ, прося ее принять на себя попеченіе о сироткѣ Нютѣ.

Генеральша Софья Даниловна считала себя благодѣтельницей всего живущаго на землѣ. Ея домъ кишѣлъ приживалками, ея дѣятельность на почвѣ благотворительности пріобрѣла уже громкую извѣстность. Къ тому же, единственная дочь вдовы-генеральши, Женни, скучала одна — и все это вмѣстѣ взятое и заставило госпожу Махрушину принять тотчасъ по окончаніи института въ свой богатый домъ бѣдную дѣвушку-сироту.

Прямо съ институтской скамьи Нюта Вербина очутилась въ кипучемъ водоворотѣ свѣтской жизни. Балы,

театры, рауты, пикники, выѣзды съ Женни и ея компаньонками въ модные магазины, съ визитами, на вечера и „журфиксы“,—вотъ чѣмъ наполнилась теперь Нютина жизнь.

Тихая, робкая, застѣнчивая дѣвушка, мечтавшая о трудѣ, самоотверженной работѣ, невыносимо страдала. Одна за другой летѣли, разбиваясь вдребезги, ея недавнія прекрасныя мечты о служеніи на пользу человѣчества, и въ душѣ Нюты закипали первыя муки жестокаго разочарованія.

Не жалѣя денегъ, вся преисполненная желаніемъ облаготворить молоденькую дѣвушку (которое она, кстати сказать, не забывала подчеркивать всѣмъ на каждомъ шагу), генеральша Софья Даниловна забросала Нюту подарками, бездѣлушками, всевозможными, ненужными дѣвушкѣ, мелочами. Она одѣвала племянницу такъ же роскошно и богато, какъ и собственную дочь, Женни, откровенно удивляясь при этомъ неблагодарности и нечуткости Нюты, которая нехотя принимала всѣ ненужныя ей бездѣлки и изящные костюмы и не разсыпалась за нихъ въ благодарности передъ теткой, не радовалась имъ.

Всегда тихая, угрюмая, сосредоточенная, Нюта мало соотвѣтствовала шумной, пустой праздничной жизни въ генеральскомъ домѣ.

Сама генеральша, воображавшая себя совершенно искренно благодѣтельницей племянницы, глубоко возму-

щалась этой послѣдней. И многочисленныя компаньонки и приживалки льстиво подчеркивали передъ Софьей Даниловной свое справедливое негодованіе, неудовольствіе Нютой. Все чаще и чаще слышались какъ бы случайно уроненныя фразы, долетая до ушей молодой дѣвушки:

— „Какъ волка ни корми—онъ все въ лѣсъ смотритъ". Или:—„Чуткости, гдѣ ея нѣтъ, насильно не привьешь, матушка-благодѣтельница".

Нюта слышала, смущалась, но пока все еще не рѣшалась дѣйствовать... Пока...

Новое, свѣтлое воспоминаніе яркимъ свѣточемъ вспыхнуло въ мозгу дѣвушки: случайная встрѣча съ Мариной Трудовой въ японской гостиной Женни. Онѣ сошлись и сдружились какъ-то сразу. Съ перваго же взгляда Марина поняла все. И она помогла Нютѣ. Помогла быстро, можетъ быть черезчуръ рискованно и быстро, осуществить Нютины горячія мечты.

При одной мысли о способѣ этого осуществленія яркій румянецъ зажегъ щеки Нюты. Ея вѣки, отягощенныя дремотною тяготою, поднялись съ усиліемъ. Она широко раскрыла глаза.

ГЛАВА III.

— ЧѢМЪ могу служить?

Въ двухъ шагахъ отъ кресла, на которомъ замечталась Нюта, стоитъ высокая худая женщина въ темно-коричневомъ форменномъ платьѣ, въ бѣломъ передникѣ съ нашитымъ на немъ ярко-краснымъ крестомъ на груди. На сѣдѣющихъ, гладко причесанныхъ, волосахъ надѣта скромная бѣлая косынка. И передникъ съ крестомъ, и косынка—все это ослѣпительной бѣлизны. Лицо тонкое, благородное, съ орлинымъ носомъ и проницательными свѣтлыми глазами. Блѣдныя сухія губы плотно сжаты. Густыя темныя брови придаютъ суровое, нѣсколько надменное, выраженіе пожилому лицу.

Нюта вскакиваетъ съ кресла. Румянецъ густыми пятнами бросается ей въ лицо. Смущенно опускаются длинныя рѣсницы, потомъ испуганно взмахиваютъ снова. Глаза вспыхиваютъ. Губы вздрагиваютъ.

— Я бы хотѣла... я бы желала... очень желала бы поступить въ вашу общину...

— Что?!.

Темныя брови сестры-начальницы поднимаются высоко. Глаза внимательно всматриваются въ смущенное, все облитое горячимъ румянцемъ, молодое лицо.

— Что?

Дрожащимъ голосомъ Нюта повторяетъ:

— Я бы просила васъ принять меня въ число ввѣренныхъ вашему попеченію сестеръ... принять меня въ вашу общину... Я хотѣла бы быть сестрою милосердія...

Начальница плотнѣе сжимаетъ губы. Окидываетъ стоящую передъ нею дѣвушку проницательнымъ взглядомъ. Потомъ медленно покачиваетъ головой.

— Этого нельзя сдѣлать, mademoiselle, никакъ нельзя...

— Нельзя?!.

Нютѣ кажется, что подъ ногами у нея раскрывается полъ и что она летитъ въ какой-то темный провалъ внизъ головою. Неужели все кончено, все?! Слезы щекотятъ ей горло. Рыданіе готово вырваться изъ груди. Но она дѣлаетъ сверхъестественное усиліе надъ собою, подавляетъ слезы, готовыя брызнуть изъ глазъ, и говоритъ прерывающимся на каждомъ словѣ голосомъ:

— Почему, почему вы не хотите этого сдѣлать?

Брови сестры-начальницы сдвигаются надъ блеснувшими недовольствомъ глазами. Она мелькомъ бросаетъ взглядъ на золотые часики, прикрѣпленные на груди. Времени у нея такъ мало, такъ убійственно мало, надо еще пройти въ операціонную, куда откомандировано нѣсколько сестеръ для помощи операторамъ, и въ амбулаторный пріемъ. А эта худенькая дѣвочка, въ нарядной шляпѣ, такъ мало соотвѣтствующей монашескому строгому облику сестеръ, задерживаетъ ее здѣсь пустыми, ненужными просьбами и болтовнею. Досада!

Эта „досада“ вспыхиваетъ въ глазахъ начальницы и отражается въ ея голосѣ, когда она говоритъ ледянымъ тономъ, обращаясь къ Нютѣ:

— Не хочу лгать, mademoiselle. Въ нашей общинѣ недавно освободилась вакансія вмѣсто умершей три мѣсяца тому назадъ сестры. Волею высокой попечительницы пріюта, дарованной мнѣ, я имѣю право принимать въ общину сестеръ по собственному моему усмотрѣнію. Вакансія открыта, мѣсто есть, но... ни я, ни кто другой не рѣшится привлечь васъ, именно васъ, mademoiselle, къ нашему дѣлу...

— Но почему же, почему?!—скорѣе стономъ, нежели вопросомъ, срывается съ поблѣднѣвшихъ губъ Нюты.

— А потому, mademoiselle,—звучитъ снова въ ушахъ ея тотъ же безстрастный, неподкупный голосъ, — а потому, что дѣло наше—великое, большое, трудное дѣло. Оно требуетъ большой затраты здоровья и силъ. Оно требуетъ на каждомъ шагу самоотреченія и жертвъ... Я должна сказать вамъ, что, пока вы дремали у меня здѣсь въ креслѣ, я успѣла хорошо разсмотрѣть васъ. Худенькая, слабая, безсильная, судя по внѣшности, развѣ вы сможете поднять взрослаго больного?.. Вы должно быть нервны и малокровны...

— Нѣтъ! Нѣтъ!—помимо ея собственной воли вырывается изъ глубины души Нюты протестующій крикъ.

— Какъ „нѣтъ“, mademoiselle! — еще больше нахмурившись, произнесла начальница. — Вамъ очевидно неизвѣстно, что жизнь сестры милосердія — сплошная мука... Безсонныя ночи, уходъ за умирающими, гнойныя раны, операціи—удары по нервамъ каждую минуту... Вы, судя по внѣшности, барышня изъ общества и не справитесь съ такой тяжелой задачей. Къ тому же вы болѣзненны и черезчуръ хрупки. Стало быть, объ этомъ не можетъ быть и рѣчи. Если хотите приносить пользу, изберите дѣятельность благотворительности на другой почвѣ. Учредите какой-нибудь новый комитетъ для бѣдныхъ, устраивайте въ пользу ихъ концерты, вечера, спектакли,—вотъ вамъ мой совѣтъ. А теперь... извините меня, mademoiselle, мнѣ надо идти, меня ждутъ.

И Ольга Павловна Шубина, вѣжливо поклонившись совершенно растерявшейся Нютѣ, направилась къ двери.

Она почти дошла до порога комнаты, какъ неожиданно тихое, заглушенное рыданіе донеслось до нея.

Начальница обернулась. Упавъ головою на столъ, вся скорчившись въ громоздкомъ неуклюжемъ креслѣ, всхлипывала тщедушная, маленькая фигурка.

Ольга Павловна замерла на мѣстѣ.

Все существо этой нарядной, свѣтской по виду барышни выражало теперь столько искренняго, безотраднаго горя, столько безнадежной муки чудилось въ этомъ

надорванномъ рыданіи, что суровое, закаленное всякими душевными бурями, лицо начальницы невольно дрогнуло. Неслышными легкими шагами подошла она къ Нютѣ, положила ей одну руку на плечо, а другою коснулась горячаго лба дѣвушки, заставивъ ее этимъ движеніемъ поднять голову и открыть залитое слезами, глубоко опечаленное лицо.

— Дитя мое! Дитя мое!—новымъ, совершенно инымъ, нежели незадолго до этого, голосомъ, заговорила Шубина,—въ чемъ же дѣло? Въ чемъ дѣло, родная моя?

Этотъ преобразившійся, смягченный, почти материнскими нотами зазвучавшій голосъ проникъ въ самую душу Нюты, захвативъ ее всю женской ласковой волной.

Въ одну минуту дѣвушка соскользнула съ кресла, упала къ ногамъ сестры-начальницы, схватила ея руки своими дрожащими ручками и залепетала, трепеща всѣмъ тѣломъ:

— Ради Бога... ради всего святого, выслушайте меня!.. Не отталкивайте меня!.. Умоляю васъ не отталкивайте!.. Примите меня къ себѣ!.. Если не въ сестры, то хоть въ сидѣлки... въ прислуги, только не гоните!.. Не судите меня по внѣшнему виду... Я не бѣлоручка. Нѣтъ! Нѣтъ!.. Я умѣю перевязывать раны, накладывать бинты, повязки... Я научилась этому еще въ дѣтствѣ, дома... въ деревнѣ... И затѣмъ въ институтѣ преподаватель гигіены училъ насъ оказывать первую помощь

и ухаживать за больными... Испытайте меня, попробуйте только мои силы... О, я не слаба!.. Худа, правда, но это отъ тоски, отъ невозможности жить такъ, какъ хочется... О, я окрѣпну!.. Съ дѣтства у меня было призваніе къ вашему дѣлу... моя мать была такая же... она передала мнѣ свою склонность... Съ дѣтства я мечтала о томъ, чтобы посвятить себя уходу за больными... Я хочу быть сестрою, сидѣлкой, больничной прислугой, если надо... Только, только не гоните меня!..

И неожиданно на тонкую, сухую руку сестры-начальницы упалъ поцѣлуй, смоченный слезами.

Что-то снова дрогнуло въ сухомъ, суровомъ лицѣ высокой женщины, мягкое пламя зажглось въ глубинѣ ея глазъ, проницательныхъ и строгихъ...

Рука начальницы невольно поддалась впередъ, легла на плечо дѣвушки.

— Встаньте,—произнесъ уже совсѣмъ мягко властный голосъ.

Нюта повиновалась.

Сестра-начальница, не выпуская ея плеча, подвела дѣвушку къ столу, усадила въ кресло. Сама пододвинула легкій бамбуковый стулъ.

— Какъ ваше имя? — произнесла она, не спуская глазъ съ лица Нюты.

Это лицо, блѣдное, какъ саванъ мертвеца, отъ только что пережитыхъ волненій, вспыхнуло вдругъ пурпуровымъ румянцемъ.

— Ради Бога... выслушайте меня!..

Гос.
Публичная
Библиотека
в
Ленинграде

— Мариной Трудовой зовутъ меня, — послышался тихій, робкій отвѣтъ.

— Вы сирота?

— Никого у меня нѣтъ на свѣтѣ.

— Гдѣ вы жили до сихъ поръ? У родственниковъ? У знакомыхъ?

Обливаясь потомъ, Нюта прошептала:

— Я недавно кончила институтъ, потомъ поступила на педагогическіе курсы... Но захотѣлось другой дѣятельности... вашей... Она мнѣ родная, близкая, мечта моей жизни... Мечта и цѣль...

Смущеніе сразу покинуло при послѣднихъ словахъ молодую дѣвушку. Лицо ея ожило, глаза заблестѣли.

Начальница еще разъ пристально взглянула на нее, потомъ проговорила коротко:

— Вашъ паспортъ съ вами?

— Да.

Нюта наскоро дрожащими руками отстегнула пуговки лифа. На груди лежала черная книжечка. Она схватила ее какъ-то ужъ слишкомъ быстро и подала начальницѣ.

— Вотъ.

„Марина Алексѣевна Трудова, дочь статскаго совѣтника, слушательница II курса педагогическаго института“, — прочла начальница почему-то вслухъ.

Потомъ вернула книжку Нютѣ.

— Хорошо. Я оставляю васъ въ общинѣ для испытанія сначала, — произнесла она прежнимъ сурово-дѣло-

вымъ тономъ,—если хотите, то сейчасъ же отведу васъ въ комнату, гдѣ вы поселитесь съ тремя другими сестрами. Вы займете мѣсто умершей сестры. Вытрите слезы и идемъ.

— О, какъ вы добры! Благодарю васъ отъ души!— произнесла Нюта.

— Подождите благодарить... Еще не время... Повторяю, мнѣ нужны сильныя, здоровыя дѣвушки и женщины... И если тяжелая работа въ общинѣ вамъ окажется не подъ силу, не пеняйте на меня, я принуждена буду вернуть васъ въ свѣтъ.

И говоря это, Ольга Павловна Шубина двинулась изъ пріемной, сдѣлавъ знакъ Нютѣ слѣдовать за нею.

ГЛАВА IV.

Длинный, длинный коридоръ съ каменнымъ поломъ. По обѣ стороны его стеклянныя двери съ черными дощечками. На черныхъ доскахъ выгравированы бѣлыми буквами названія покоевъ: „Амбулаторный пріемъ“, „Глазной пріемъ“, „Операціонная“, „Водолечебница“, „Сыпной“.

По дорогѣ Нютѣ и ея спутницѣ поминутно попадаются мужскія и женскія фигуры въ длинныхъ, отъ

шеи до самыхъ пятъ, бѣлыхъ передникахъ-балахонахъ. На головахъ женщинъ — бѣлыя же косынки. Всѣ онѣ низко кланяются сестрѣ-начальницѣ, удивленными глазами провожаютъ Нюту и пропадаютъ, какъ призраки, за стеклянными дверями. Сплошной гулъ, похожій на звуки разгулявшагося морского прибоя, наполняетъ зданіе. Гулъ несется изъ-за стеклянныхъ дверей.

— Это больные,—поясняетъ Ольга Павловна, поймавъ вопросительный взглядъ Нюты.—У насъ пріемъ ежедневно, не считая воскресенья и праздниковъ, отъ девяти до трехъ... Иной разъ до тысячи въ день перебываетъ всякой бѣдноты. Ну, вотъ мы и пришли, теперь направо.

Неожиданный яркій свѣтъ ударилъ по глазамъ Нюту. Полутемный коридоръ окончился. Она находилась теперь въ огромной швейцарской, откуда начиналась широкая лѣстница, ведущая въ общежитіе сестеръ. Все время озираясь по сторонамъ, Нюта, слѣдуя за начальницей, стала подниматься по крытымъ узкой дорожкой-ковриком ступенямъ.

И тутъ, на лѣстницѣ, какъ и въ коридорѣ внизу, имъ поминутно встрѣчались женскія фигурки, но уже не въ бѣлыхъ докторскихъ передникахъ до пятъ, а въ одинаковыхъ сѣрыхъ полотняныхъ домашнихъ платьяхъ, съ такими же фартуками и косынками, какъ и у сестры-начальницы. Впрочемъ, у нѣкоторыхъ изъ сестеръ были черныя косынки, у другихъ повязанныя какъ-то странно, угломъ.

— Это „испытуемыя“, то-есть принятыя на испытаніе, точно такъ же, какъ и вы, — пояснила Нютѣ начальница,—у нихъ черныя косынки, и пока онѣ не кончатъ теоретическаго курса знаній, требуемыхъ для сестры милосердія, онѣ не могутъ получить бѣлой косынки и креста. А тѣ, что носятъ косынки угломъ, — „курсистки“, то-есть сестры, уже занимающіяся съ профессорами въ аудиторіяхъ. Вамъ также придется посѣщать аудиторіи годъ, полтора, — произнесла Ольга Павловна, метнувъ неуловимымъ взоромъ на Нюту.

Когда онѣ поднялись на верхнюю площадку лѣстницы, Ольга Павловна остановилась передъ стеклянною дверью, за которою сіяли позолотой при свѣтѣ осенняго утра иконостасъ, хоругви и образа.

— Это наша домовая церковь,—произнесла начальница, осѣняя себя крестомъ,—а направо и налѣво идутъ помѣщенія общежитія, комнаты сестеръ. А вотъ пріемная, гдѣ можно принимать родственниковъ и знакомыхъ, а тамъ дальше, въ концѣ лѣваго коридора, лазаретъ сестеръ... Что, докторъ, вы ко мнѣ? — неожиданно прервала свои поясненія Шубина, увидя спѣшившую къ нимъ навстрѣчу по коридору высокую фигуру въ бѣломъ врачебномъ передникѣ-халатѣ.

Пожилой, румяный и очень крѣпкій по виду старичокъ, съ пѣгой бородкой, съ симпатичнымъ, сразу располагающимъ въ свою пользу, лицомъ, подошелъ къ Ольгѣ Павловнѣ.

— Я насчетъ сестры Есиповой... Надо бы ее перевести въ общій баракъ... Дѣло дрянь...

— Что же?

Нюта взглянула на Шубину. Суровое, какъ бы замкнутое въ самомъ себѣ, строгое лицо сестры-начальницы стало неузнаваемо.

Какая-то неуловимая черта страданія задрожала между складками рта и изгибомъ бровей. Глаза, спокойные и властно-строгіе за минуту до этого, затеплились теперь огнемъ страданія и тревоги.

— Сестра Есипова очень плоха, не хочу врать,— объяснилъ старичокъ.—Сестрицу нашу угораздило схватить злѣйшій тифъ. Право, лучше перевести въ баракъ, хлопотъ здѣсь больше съ нею...

— Ни за что!—рѣзкимъ голосомъ произнесла Шубина,—ни за что, Валентинъ Петровичъ!.. Здѣсь и уходъ особый, и свои рядомъ, и я въ случаѣ надобности каждую минуту могу... Сегодня буду сама всю ночь дежурить у постели Наташи... А пока не надо ли чего?.. Вина какого-нибудь хорошаго, подороже?.. Я пришлю...

Валентинъ Петровичъ развелъ руками.

— Слушаюсь и покоряюсь... Вамъ лучше знать... А насчетъ вина, пришлите ей токайскаго,—произнесъ онъ и, только тутъ замѣтивъ Нюту, прибавилъ совсѣмъ уже другимъ тономъ:

— Ага, никакъ новенькая сестрица... Ну, будемъ знакомы, барышня, будемъ знакомы... Небось, на пер-

выхъ порахъ-то все занятно у насъ кажется, а вотъ поживете маленечко, да попригляднтесь, можетъ потянетъ и обратно домой, а?

— Сестра Трудова принята въ разрядъ испытуемыхъ,—прежнимъ увѣренно-спокойнымъ тономъ произнесла начальница.

— Докторъ Козловъ,—отрекомендовался добродушный старикъ,—а то и попросту Козелъ, съ вашего позволенія. Меня давно сестрицы въ козлы произвели. Знаю и не обижаюсь. Козелъ, такъ козелъ. Говорятъ, золъ я, бодаться здоровъ, особенно на репетиціяхъ по анатоміи; отчасти, пожалуй, и правда... Впрочемъ, сами убѣдитесь... Такъ-съ... Итакъ, будемъ знакомы. Нашего полка, стало быть, прибыло. Очень радъ, очень радъ!

И докторъ съ какимъ-то рьянымъ ожесточеніемъ потрясъ худенькую ручку Нюты.

— Валентинъ Петровичъ, зайдите въ лазаретъ и подождите меня тамъ. Я сейчасъ отведу только новенькую сестру и пройду къ Наташѣ,—произнесла Ольга Павловна и, кивнувъ головою Козлову, снова зашагала по длинному коридору, по обѣ стороны котораго находились одностворчатыя двери съ черными дощечками, занумерованными бѣлыми цифрами.

— Вотъ ваша комната, mademoiselle Трудова,—сказала сестра-начальница, останавливаясь передъ дверью, отмѣченною номеромъ десятымъ. Она уже хотѣла нажать ручку ея, какъ неожиданно дверь распахнулась

настежь, и, столкнувъ съ пути своего Шубину и Нюту, изъ комнаты выскочила маленькая, очень растрепанная, румяная и хорошенькая дѣвушка, вѣрнѣе дѣвочка, съ огромнымъ чайникомъ въ рукахъ.

Нюта успѣла только замѣтить густые завитки льняныхъ, почти бѣлыхъ, волосъ, вздернутый носикъ, огромные, дѣтски-наивные глаза, малиновый смѣющійся ротъ и глубоко засѣвшія лукавыя ямочки на пухлыхъ, подѣтски румяныхъ, щекахъ. На ней было шерстяное коричневое, какъ у гимназистки, платье и черный передникъ съ краснымъ крестомъ на нагрудникѣ. Бѣлый воротничокъ и такія же батистовыя каемки манжетъ украшали этотъ полушкольный костюмъ.

Толкнувъ изо всей силы Шубину и Нюту и испустивъ испуганное „ахъ!“, дѣвушка съ чайникомъ бросилась бѣжать по коридору.

Она была уже у дверей, выходящихъ на площадку лѣстницы, какъ неожиданно рѣзкій, строгій, ледяной голосъ Ольги Павловны остановилъ ее:

— Сестра Розанова, назадъ!

Нюта видѣла, какъ моментально замерла на мѣстѣ маленькая юркая фигурка. Хорошенькое, дѣтски-свѣжее личико стянулось въ обиженную гримасу. Чайникъ описалъ неожиданный взлетъ въ рукахъ странной дѣвушки, и она нерѣшительными шагами приблизилась къ начальницѣ.

Суровымъ, почти жесткимъ взоромъ, проницатель-

нымъ и долгимъ, начальница обвела остановившуюся передъ нею въ двухъ шагахъ фигурку.

— Что угодно, Ольга Павловна?—не то капризно, не то наивно прозвучалъ совсѣмъ дѣтскій голосокъ.

—Почему вы позволяете себѣ бѣгать такъ, простоволосой, безъ косынки, вопреки уставу? Сестра Розанова, отвѣчайте мнѣ!—произнесла начальница.

Наивно взмахнули черныя пушистыя рѣсницы, синіе глазки блеснули въ полутьмѣ, а звучный голосъ задребезжалъ наивно:

— Я не знала... я думала... право, я думала, что не попадусь вамъ навстрѣчу, Ольга Павловна...

И лукавые глазки покосились въ сторону Нюты, какъ бы ища поддержки.

Дѣвушка была очень мила въ своемъ шаловливо-наивномъ задорѣ. По крайней мѣрѣ такою она показалась Нютѣ.

Но, очевидно, Ольга Павловна не раздѣляла мнѣнія дѣвушки. Ея брови свелись надъ переносицей, еще суровѣе и жестче стали черты.

— Премилый отвѣтъ, достойный школьницы приготовительнаго класса, а не взрослой дѣвицы и притомъ сестры! Стыдитесь! Точно маленькой приходится дѣлать вамъ замѣчаніе... Кстати, почему вы въ парадномъ платьѣ?

— Я выходила, Ольга Павловна... не надолго...

— Безъ отпуска? Вы вѣдь не брали разрѣшенія у меня... Значитъ, у Маріи Викторовны брали?

— И не думала...

— Стало быть, безъ спроса?

— Да, безъ спроса...

Упрямыя складки залегли въ обоихъ концахъ малиноваго свѣжаго рта и придали ему сразу недоброе, почти злое выраженіе. Синіе глаза вспыхнули ярче.

Шубина погрузилась взглядомъ въ ихъ сверкающую глубину и пожала плечами.

— Извольте измѣнить ваше поведеніе, сестра Розанова, иначе, какъ ни грустно, а мнѣ придется откомандировать васъ куда-нибудь подальше. Очевидно, жизнь здѣсь, въ столицѣ, плохо вліяетъ на васъ... Помните же: еще одна такая отлучка безъ моего разрѣшенія или разрѣшенія моей помощницы, и мы принуждены будемъ разстаться. Помните, сестра, я предостерегаю васъ въ этомъ въ послѣдній ра...

Сестра-начальница не успѣла договорить послѣдняго слова, какъ чайникъ выскользнулъ изъ рукъ бѣлокурой дѣвушки и съ грохотомъ покатился по коридору.

Маленькія бѣлыя ручки Розановой схватили конецъ чернаго передника, поднесли его къ лицу, и она громко, неудержимо, совсѣмъ уже по-дѣтски зарыдала на весь коридоръ.

При первыхъ же звукахъ этого всхлипывающаго голоса, всюду, вдоль всего коридора, раскрылись, расположенныя по обѣ стороны коридора, двери, и высунулись молодыя, совсѣмъ юныя, пожилыя и старыя лица

въ косынкахъ на черныхъ, русыхъ, бѣлокурыхъ и сѣдыхъ волосахъ.

— Что такое? Здравствуйте, Ольга Павловна! Что это, опять съ Розочкой несчастіе? Отчего Розочка плачетъ? Сестра Розанова, Розочка, кто обидѣлъ васъ?—слышались полувстревоженные, полуиспуганные голоса.

— Стыдитесь же! Идите въ свою комнату и перестаньте плакать и срамить своими выходками меня и общину, вы, большое дитя!—строгимъ голосомъ произнесла начальница, быстро распахивая дверь десятаго номера и почти силой вталкивая въ нее плачущую сестру.

ГЛАВА V.

НЮТА вошла вслѣдъ за начальницей.

Она съ удовольствіемъ оглядѣла большую свѣтлую комнату съ двумя широкими окнами, выходящими въ садъ. Полуобнаженныя деревья сада, набережная рѣки, расположенная за высокой бѣлой оградой, и самая рѣка, подернутая осеннимъ слезливымъ туманомъ,—вотъ что въ первую минуту представилось ея взорамъ.

Обстановка комнаты поражала своей скромностью и изысканной, почти педантичной, чистотой. Четыре, застланныя бѣлоснѣжными пикейными одѣялами, по-

стели ютились вдоль стѣнъ, сомкнутыя одна съ другой изголовьями.

Большой платяной шкапъ скромно возвышался въ углу. Четыре маленькихъ ломберныхъ столика съ письменными принадлежностями—по-двое у каждаго окна, раздѣленные между собою этажерками. Въ противоположномъ углу, у печки, поверхъ застилавшаго добрую четверть пола комнаты линолеума,—умывальникъ. Оттоманка и диванъ, крытые кожею, четыре такихъ же, обитыхъ кожею, кресла, отдѣленныхъ отъ кроватей низенькой ширмой. Туалетъ въ одномъ изъ угловъ, бѣлый кисейный, поражающій тою же изысканной чистотой, съ венеціанскимъ зеркаломъ, безъ рамы на немъ.

У письменныхъ столиковъ—бамбуковые табуреты, у туалета—темный пуфъ. Посреди комнаты—небольшой круглый столъ; надъ нимъ—висячая лампа.

На стѣнахъ картины—зимній пейзажъ, тройка, мчащаяся въ мятель, и море, миніатюрная копія Айвазовскаго. Между оконъ огромный портретъ двухъ очаровательныхъ малютокъ, мальчика и дѣвочки, лѣтъ четырехъ, улыбающихся и свѣжихъ, какъ маленькіе херувимы.

При входѣ начальницы съ поклономъ поднялись сидѣвшія у стола за чайнымъ приборомъ двѣ женщины. Обѣ онѣ были въ костюмахъ сестеръ милосердія.

Одна высокая, стройная, лѣтъ 28, съ правильными чертами измученнаго желтоватаго, безъ примѣси румянца,

лица, красивыми грустными чёрными глазами, тонкой нитью пробора въ густыхъ пушистыхъ, цвѣта вороненой стали, волосахъ.

Другая—широкоплечая, крѣпко сложенная, съ очень некрасивымъ веснущатымъ лицомъ, толстыми губами, маленькими, какъ бы заплывшими, глазками и гладко причесанными, почти прилизанными, волосами. Ей по виду можно было дать приблизительно лѣтъ тридцать, а то и всѣ тридцать пять.

Увидѣвъ рыдавшую Розанову, черноглазая молодая женщина поднялась ей навстрѣчу, протягивая руки:

— Дѣтка, милая дѣтка, о чемъ?..

Толстыя губы старшей обитательницы десятаго номера сложились въ добродушную насмѣшку.

— Эвона! Опять! Ну, будетъ же нынче до поздняго вечера море разливанное! Господи, помилуй мя! Хоть на уборку амбулаторіи, что-ли, уйти? Здравствуйте, Ольга Павловна!—поворачиваясь всѣмъ корпусомъ въ сторону начальницы, грубоватымъ, какъ у мужчины басистымъ, голосомъ проговорила она.

И низко, совсѣмъ по-мужски, вторично поклонилась Шубиной.

— Здравствуйте, барышня,—такимъ же точно тономъ привѣтствовала она и Нюту и отвѣсила ей точно такой же поклонъ.

— Сестра Копонова и сестра Юматова,—произнесла, отвѣтивъ на поклоны толстухи и блѣдной женщины,

начальница, — вотъ вамъ новенькая испытуемая сестра, вмѣсто покойной Рудиной. Поручаю ее вашему покровительству Познакомьте ее съ уставами нашей общины, научите всему, что надо дѣлать на первыхъ порахъ. Съ завтрашняго дня она съ прочими испытуемыми начнетъ посѣщать лекціи. А пока, до свиданья, сестры! Мнѣ еще надо навѣстить больную сестру Есипову. Ей хуже сегодня, говоритъ докторъ Козловъ...

При послѣднихъ словахъ, уткнувшаяся было въ плечо черноглазой Юматовой, Розанова отпрянула отъ подруги и, обративъ къ начальницѣ залитое слезами лицо, проговорила, всхлипывая и обрываясь на каждомъ словѣ:

— Хуже Наташѣ? Вы сказали, хуже?.. Ольга Павловна!.. Сестрица, милая... позвольте, ради Бога, продежурить у нея сегодняшнюю ночь... Ради Бога! Я знаю... ей станетъ лучше со мною... Ужъ навѣрно знаю... Пустите только на сегодняшнюю ночь въ сестринскій лазаретъ! Да?

— Но вѣдь до трехъ ночи вы дежурите въ тифозномъ баракѣ, сестра,—напомнила Шубина.

— Это ничего. Я смѣняюсь въ три ночи. Переодѣнусь и приду къ Наташѣ,—молилъ дрожащій, совсѣмъ еще дѣтскій, голосокъ.

— А когда же спать?..—не мѣняя ни на іоту строгаго выраженія на суровомъ лицѣ, спросила начальница.

— Спать? Ни-ни... На томъ свѣтѣ всѣ отоспимся вволю,—весело, сквозь слезы, разсмѣялась дѣвочка-сестра,

играя всѣми ямочками своего лица и блестя синими, какъ васильки, глазами.

Сухія костлявыя плечи начальницы приподнялись немного.

— Хорошо, сестра Розанова. Я сама продежурю у Наташиной постели до трехъ. Ровно въ четверть четвертаго буду васъ ждать для смѣны.

И сдѣлавъ общій поклонъ, Шубина вышла изъ десятаго номера, оставивъ Нюту одну завязывать новыя знакомства.

□ □

— Садитесь-ка сюда, давайте знакомиться,—своимъ грубымъ, басистымъ голосомъ проговорила сестра Кононова, усаживая Нюту у стола.—Чаю, можетъ, хотите, а? Съ утра, поди, отъ страха передъ новой жизнью не ѣвши, не пивши, а? Розанова, перестали хныкать?... Такъ тащите кипятку сюда. Да, глядите, косынку напяльте, милая, не то опять влетитъ по первое число...—добродушно обратилась она къ хорошенькой сестрѣ.

— И такъ сбѣгаю... Прихорашиваться долго. Ушла наша инфлюэнца ходячая... Развѣ „козелъ“ одинъ шмыгаетъ теперь по коридору...

— Надѣнь косынку, котикъ,—нѣжнымъ груднымъ бархатнымъ голосомъ произнесла блѣдная Юматова и обдала хорошенькую Розанову мягкимъ, ласковымъ взглядомъ.

— Для тебя, Елена, не только косынку, извозчичій кафтанъ надѣну, вотъ что, солнышко ты мое райское!

И Катя Розанова, бросившись на шею блѣдной женщинѣ, принялась цѣловать ее.

— Ну, пошла-поѣхала. Теперь вплоть до ужина кипятку не дождешься,—заворчала Кононова.—Нѣжностей у нея этихъ самыхъ полный карманъ. Да отпихните вы ее, сестра Юматова. Вѣдь, прости Господи, конца-краю ея лизанью не будетъ, — не то добродушно, не то съ досадой продолжала она ворчать, недоброжелательно косясь на дѣвочку своими медвѣжьими глазами, совсѣмъ заплывшими среди толстаго, дышавшаго здоровьемъ лица.

Но Катя уже была у двери.

У порога она остановилась. Красивое личико ея въ минуту отразило невыразимый испугъ, почти ужасъ.

— Батюшки мои!—въ отчаяніи всплеснувъ руками, шепнула она, — что я натворила!.. Чайникомъ нагрохотала, бѣлугой ревѣла, а у Наташи-то все слышно въ лазаретѣ! Ахъ, ты, Господи, Боже мой!

И схватившись за голову, она юркнула за дверь коридора.

Все послѣдовавшее затѣмъ время, съ его новыми, ежеминутно смѣнявшимися впечатлѣніями, прошло, промелькнуло для Нюты сплошнымъ стремительнымъ сномъ. Она точно жила и не жила въ одно и то же время... Казалось, что вотъ-вотъ, стоитъ ей только сдѣлать усп-

ліе и проснуться, и она снова увидитъ роскошную квартиру tante Sophie, сладко вопрошающія лица ея многочисленныхъ компаньонокъ-приживалокъ, оригинальное, японскаго типа, личико кузины Женни, большую пеструю гостиную, толпу гостей генеральши и до-нельзя наскучившія свѣтскія лица. Услышитъ пустую, банальную болтовню о скачкахъ, о театрахъ, о новомъ тенорѣ Маріинской сцены, о новомъ платьѣ княжны Нины, о новой муфтѣ какой-нибудь баронессы.

Время шло, а Нюта не просыпалась... Сонъ окутывалъ ее все плотнѣе, все глубже... Оцѣпляла цѣпкимъ кольцомъ существующая дѣйствительность... Сонъ граничилъ съ реальностью, и въ душѣ Нюты умиралъ постепенно гнетущій ее страхъ.

Вернулась Катя Розанова, ликующая, задорная, шаловливая, какъ веселый котенокъ, и, сіяя своими ямочками, заявила съ уморительной гримасой на лицѣ:

— Кушайте, сестрицы! Чай будетъ особенный. Я чуть Семочку впопыхахъ въ коридорѣ этимъ самымъ кипяткомъ не обварила.

— Вы съ ума сошли, Розанова, что ли! — ударивъ по столу тяжелымъ кулакомъ, вскричала толстая Кононова. — Носитесь, какъ угорѣлая кошка, а намъ всѣмъ послѣ за васъ отвѣчай...

— Полегче, сестрица, а то, неровенъ часъ, столикъто и сломаете,—хихикнула Катя. — Ишь, кулачокъ-то у васъ какой благодарный.

— Малышъ вы этакій, дѣвчонка!—добродушно-презрительно пробасила толстуха.

— Ну, понятно, не мальчишка. Насколько мнѣ извѣстно, мальчишекъ въ общину не берутъ. А Семочкато и впрямь чуть горячій душъ у меня не принялъ,— хохотала Катя...—Идетъ это онъ по коридору къ Наташѣ въ лазаретъ, фалдочками помахиваетъ, усики въ струнку, глазки за стеклышками горятъ, а я несусь. „Берегись“ кричу, а онъ—ноль вниманія, фунтъ презрѣнія. Развоображался очень. Невелика птица,—всего младшій врачъ. Ну, я и налети на него на всемъ скаку. А онъ остановился, глаза выпучилъ, да и выпалилъ мнѣ прямо въ лицо: — „Вамъ бы, говоритъ, сестрица, въ кавалеріи, а не въ общинѣ быть. Вы, говоритъ, ведете себя, какъ казакъ, сестрица... Вамъ бы лошадь сюда“.

— Ну, а ты что? — съ трудомъ сдерживая улыбку на блѣдномъ усталомъ лицѣ, спросила Юматова.

— А я ему:—„Ничего, говорю, — я бы и не такую лошадь, какъ вы, объѣздила, у меня характеръ крутой“.

— Ха, ха, ха! Такъ и отрѣзала?—расхохоталась басомъ Кононова и изо всей силы ударила Катю по плечу.— Молодецъ, котенокъ! Не суйся въ нашу частную жизнь! Небось, въ амбулаторіи, да въ баракѣ всѣ мы другія.

— Ай-ай, какъ больно! Ключицу сломала, Кононіха! Силища этакая неописуемая! — притворно простонала Катя, потирая плечо,—ну, да пустое, чаемъ съ вареньемъ залечу. Елена, есть у насъ еще земляничное варенье?

— Съ утра-то, побойся Бога!

— Бога боюсь, но это не мѣшаетъ мнѣ адски хотѣть варенья. А вы насчетъ этого какъ?—неожиданно обратилась къ Нютѣ шалунья.—Да, кстати, какъ васъ зовутъ?—спохватилась она.

— Ан... Ма... Марина Трудова, — несмѣло отвѣтила та.

— Рада познакомиться. Сестра Марина, значитъ... А я, Розанова, Катя, еще Котикъ, еще Розочка... Какъ хотите, такъ и называйте. Впрочемъ, Котикомъ не смѣйте. Это исключительное право называть меня такъ пріобрѣла сестра Юматова, Леля, мой другъ.

— Ахъ!..—неожиданно вырвалось у нея.—Господи, помилуй мя, грѣшную! Совсѣмъ забыла! Дежурная я въ глазномъ нынче. Батюшки, Фикъ-Фокъ меня дойметъ своимъ вниманіемъ!—„Гдѣ же это фи, милостивій хосударь, госпожа сестрица, мейнъ фрейлейнъ, пропадали... Я искаля васъ по всѣмъ угламъ... и нигдэ не нашла васъ ни капли“,—скорчившись въ три погибели, сморщивъ лицо и сощуривъ глаза, затянула въ носъ Катя.

Должно быть, веселая дѣвушка очень походила на изображаемое ею лицо, потому что толстая Кононова прыснула со смѣха, а на тонкихъ губахъ блѣдной Юматовой появилась улыбка.

— Перестань, Котикъ, перестань!

— Улетаю. Прощайте, сестрицы... Передникъ только надѣну... Чай съ вареньемъ, такъ и быть, мысленно

выпью и поцѣлую васъ также въ душѣ. Новенькая, прощайте и вы!

Она быстро завязывала, стоя уже на порогѣ комнаты, длинный халатъ-передникъ, набрасывала на голову косынку, безпечно смѣялась и вытанцовывала на мѣстѣ какое-то замысловатое па, умудряясь продѣлывать все сразу, одновременно.

— Иду! Бѣгу! Не плачьте обо мнѣ!

И юркнувъ было за дверь, снова просунула сквозь нее свою милую, всю въ мелкихъ кудряхъ, головку и розовое, ставшее вдругъ неожиданно серьезнымъ и печальнымъ, лицо.

— Леля... Сестра Юматова... не забудь къ ночи приготовить мнѣ крѣпкаго чаю, голубчикъ. Страхъ ко сну послѣ дежурства клонитъ... А въ три надо къ Наташѣ идти... Припасешь, Юматъ, чаю?

— Понятно. Иди ужъ, иди скорѣе!

Бѣлокурая головка въ бѣлой косынкѣ давно уже скрылась за дверью, а черные печальные прекрасные глаза Елены Юматовой все еще глядѣли ей вслѣдъ.

Нюта съ усиліемъ глотала чай, едва удерживаясь отъ дремоты.

Пережитыя за послѣдніе дни волненія, безсонныя ночи сдѣлали свое дѣло. Ея вѣки слипались помимо воли; въ какой-то неясный туманъ окутывались предметы въ глазахъ.

— Спать хотите?.. Прилягьте вотъ на диванъ, до завтрака далеко... Сосните... Господь съ вами. Я вотъ свою подушку вамъ одолжу...

Точно сквозь сонъ увидѣла Нюта склоненное надъ нею лицо Юматовой... Черные ласковые, печальные глаза... грустную улыбку...

— Ложитесь, милая, не стѣсняйтесь...

Двѣ тонкія, блѣдныя, съ голубыми нѣжными жилками, руки помогли ей подняться со стула. Другія подхватили ее и бережно довели до дивана. Нюта опустилась, обезсиленная, полусонная, на пріятно холодившую ей затылокъ клеенку дивана.

Тѣ же заботливыя, нѣжныя руки приподняли ея голову, подсунули подъ нее подушку и снова опустили на нее отяжелѣвшую головку дѣвушки. Еще разъ склонилось желтовато-блѣдное лицо надъ Нютой, темные, грустные глаза блеснули ей лаской, и... желанный сонъ распласталъ надъ нею свои благодѣтельныя крылья.

Что было потомъ, Нюта помнитъ смутно. Сквозь сонъ, чуткій, но тяжелый, вслѣдствіе переутомленія нервовъ, она слышала все же, какъ раскрывались двери комнаты номеръ десятый, какъ входили осторожно какія-то незнакомыя фигуры въ сѣрыхъ форменныхъ платьяхъ и передникахъ съ красными крестами на груди и бѣлыми косынками на головахъ.

Приходили, спрашивали о чемъ-то шопотомъ хозяекъ „десятаго номера“, смотрѣли подолгу на спавшую Нюту,

дѣлились впечатлѣніями и снова уходили чуть слышнымъ, едва шелестящимъ, какъ бы монашескимъ шагомъ.

Сквозь прижмуренныя вѣки что-то краснымъ свѣтомъ заиграло передъ закрытыми глазами Нюты. Она мгновенно раскрыла глаза.

Лампа подъ краснымъ абажуромъ, стоявшая на одномъ изъ письменныхъ столиковъ, освѣщала комнату. Былъ вечеръ, можетъ быть ночь... Сквозь темныя шторы пробиралась осенняя мгла... Гдѣ-то, вдали, мерцали золотисто-красныя точки зажженныхъ фонарей.

— Проснулись,—услышала Нюта бархатистый нѣжный голосъ...—Долго спали. Отдохнули хорошо?

Дѣвушка смутилась.

Какъ могла она спать такъ долго, цѣлый день?!

— Который часъ?—робко освѣдомилась она, поднимая голову.

— Скоро шесть часовъ... Сейчасъ пойдемъ обѣдать... Сестра Кононова отпросилась въ отпускъ до вечера... Котикъ у Есиповой въ лазаретѣ, навѣстить пошла. А я васъ караулила, чтобы не убѣжали,—заключила съ легкой улыбкой сестра Юматова, глядя на Нюту.

Послѣдняя съ благодарностью взглянула на молодую женщину, такъ заботливо отнесшуюся къ ней съ первой же встрѣчи.

При свѣтѣ электрической лампы, прикрытой матовымъ розовымъ колпакомъ, въ видѣ исполинскаго цвѣтка мака, лицо сестры Елены казалось много моложе

и свѣжѣе, нежели днемъ. Ея странная, особенная какая-то, одухотворенная красота поразила Нюту. Это было лицо мученицы, пережившей свои страданія и приблизившейся черезъ нихъ къ Богу.

Что-то знакомое показалось въ этомъ лицѣ вдругъ Нютѣ.

Смутная догадка мелькнула въ освѣженномъ долгимъ покоемъ мозгу. Глаза поднялись машинально къ картинѣ, на которой была изображена очаровательная пара дѣтей-погодокъ.

— Какая прелестная картина! — произнесла вдругъ дѣвушка.

— Не правда-ли?—и глаза Юматовой поднялись къ портрету.—Когда-то эта картина была живою, воплощенною четою дорогихъ малютокъ. Это мои дѣти,—съ неизъяснимой любовью и нѣжностью произнесла сестра.— Они оба умерли отъ дифтерита, въ одинъ день, въ одинъ часъ, пять лѣтъ тому назадъ.

И черные печальные глаза Юматовой опустились внизъ.

Острая жалость пронизала сердце Нюты. Теперь она поняла, откуда взялась эта чудная, одухотворенная, грустная красота во всемъ существѣ молодой женщины. И это сходство ея съ дѣтьми, изображенными на портретѣ, стало ей понятно.

Мать, потерявшая двухъ прелестныхъ, любимыхъ, родныхъ малютокъ, сама такая молодая, такая хрупкая

и прелестная, невольно своимъ видомъ трогала ее. Бѣдная, несчастная женщина! Что должна была она пережить! Какое горе!

— Бѣдная!—прошептали помимо воли губы Нюты,— какъ вы должны были страдать!

— Да... Это былъ адъ...—произнесла Юматова, еще больше блѣднѣя и волнуясь,—вѣдь я ихъ потеряла въ одинъ мигъ!.. Вотъ въ чемъ ужасъ!.. И какъ они страдали, бѣдняжки!.. Оба такіе малюсенькіе, такіе терпѣливые мученики-крошки... Мой мужъ чуть не помѣшался отъ горя, когда узналъ... Онъ былъ на войнѣ. Я отправилась туда же сестрой-волонтеркой... Искала смерти... Бросалась на аванпосты перевязывать раненыхъ, подъ самыя пули... Страстно желала умереть... И что же?.. Осталась жива... Награжденная Георгіевскимъ крестомъ, вернулась въ Петербургъ здравой и невредимой и по совѣту одной изъ нашихъ сестеръ, бывшихъ на войнѣ, укрылась здѣсь, въ общинѣ, отъ своего горя, отъ лютыхъ страданій...

— А мужъ?

— Убитъ на войнѣ.

Нюта затихла, преисполненная уваженія къ чужому горю. Она казалась себѣ теперь такой жалкой, такой ничтожной въ сравненіи съ этой женщиной, сумѣвшей такъ безропотно снести свой тяжелый крестъ.

Юматова сидѣла нѣсколько минутъ молча, уронивъ на колѣни свои нѣжныя, испещренныя голубыми жил-

ками, тонкія руки и задумчиво устремивъ подернутый глубокою грустью взоръ на портретъ дѣтей. Потомъ заговорила тихо:

— Вотъ всѣ осуждаютъ меня за мое влеченіе къ Розочкѣ... За баловство дѣвочки... Но... поймите меня: я—мать. Судьбѣ угодно было отнять у меня мои сокровища... Я не могу жить безъ заботы о комъ-нибудь родномъ, миломъ... Мои больные и Розочка заполняютъ теперь всю мою жизнь...

ГЛАВА VI.

— СЕСТРИЦА Юматова, къ столу!

— Новенькая сестрица, пожалуйте обѣдать.

Дежурная по столовой дѣвушка, проходя быстрымъ шагомъ по длиннымъ коридорамъ общежитія и стуча въ каждый номеръ, приглашала сестеръ.

Вслѣдъ за этимъ захлопали двери, и изъ каждой комнаты, въ одиночку, парами и группами, стали выходить сѣро-бѣлыя фигуры и спускаться по лѣстницѣ, ведущей къ нижнимъ коридорамъ, амбулаторіямъ, квартирѣ начальницы и столовой. Эта послѣдняя представляла собою большую, продолговатую комнату съ нѣсколькими столами, составленными вмѣстѣ, съ накрытыми восемьюдесятью приборами для сестеръ.

Составъ N-ской общины содержалъ въ себѣ вчетверо большее число членовъ. Но сестры частью находились на частной практикѣ, частью были откомандированы въ клиники и больницы или усланы въ дальніе города и санаторіи южныхъ врачебныхъ пунктовъ.

Когда Нюта вошла въ просторную длинную комнату, венеціанскія окна которой почти касались земли, всѣ головы сидѣвшихъ за столомъ сестеръ сразу, какъ по командѣ, повернулись въ ея сторону.

— Ишь, вылупились!.. И чего вонзились, спрашивается только? Вы на нихъ не больно-то глядите. Фыркните, коли что не такъ, — шептала подоспѣвшая къ обѣду сестра Кононова тихонько Нютѣ.

Та не успѣла отвѣтить на слова своей новой знакомой, какъ надъ ея ухомъ послышался рѣзкій голосъ:

— M-elle Трудова... Пожалуйте сюда. Я хочу представить васъ моей помощницѣ, Маріи Викторовнѣ.

Нюта подняла голову. Передъ нею стояла Шубина, а подлѣ нея любезно кивавшая ей головой еще молодая, очень недурная собой, женщина лѣтъ 35-36.

— Вотъ, Марья Викторовна, наша новая испытуемая, — сказала Шубина, указывая на Нюту.

— Очень пріятно, — отвѣтила собесѣдница начальницы, подавая руку.

Ея губы съ дѣланной любезностью улыбались Нютѣ, а глаза съ непріятной пронзительностью въ одинъ мигъ обѣжали ея лицо, костюмъ, волосы, руки.

Нютѣ почему-то стало сразу неловко подъ этимъ взглядомъ. Она поспѣшила пожать руку „помощницѣ“ и нерѣшительно остановилась посреди комнаты, не смѣя сама себѣ выбрать мѣсто за столомъ.

— Трудова, идите сюда къ намъ, здѣсь у насъ все свои — теплые ребята...—услышала она въ этотъ мигъ звонкій теноръ уже знакомаго голоска.

Въ концѣ стола сидѣла, подлѣ сестры Юматовой, Катя и посылала по адресу Нюты веселыя улыбки своего дѣтски-шаловливаго лица.

— Сюда, сюда! Къ намъ поближе!

— Садитесь, что-жъ вы зѣваете, мамочка,—и подоспѣвшая Кононова добродушно-грубовато подтолкнула Нюту къ указанному мѣсту.

Нюта машинально повиновалась. Сидя подлѣ рѣзвой Розочки, болтавшей что-то съ ея сосѣдкой Еленой, она могла исподволь наблюдать кипѣвшую вокругъ нея жизнь.

Дежурная по кухнѣ сестра разливала супъ изъ огромной миски за маленькимъ, въ сторонѣ стоявшимъ, столомъ.

Дѣвушки-служанки разносили тарелки по приборамъ.

Сестра-начальница прошла къ концу стола и, обернувшись къ висѣвшему въ углу, какъ разъ противъ ея мѣста, образу, прочла предобѣденную молитву. Вставшія при первыхъ же словахъ молитвы, сестры тихо, про себя, повторяли ее.

Потомъ всѣ сѣли. Марья Викторовна—по правую сторону Шубиной. По лѣвую—самая старая, древняя

86-тилѣтняя сестра Мартынова, прозванная „бабушкой“ и живущая уже здѣсь въ общинѣ на покоѣ.

Нюта взяла въ руку ложку и принялась за супъ. Ей, привыкшей къ изысканно-тонкому столу, не могла никоимъ образомъ понравиться эта мутная, сѣро-желтая жижица, съ крѣпкими, какъ камень, клецками и кусочками разварного жилистаго мяса, въ полъ-ладони величиной, которые подавались подъ названіемъ „супа“ и „мясного блюда“.

Не понравился ей и макаронный пуддингъ съ бѣлой подливкой. И она уже хотѣла отказаться отъ молочнаго киселя, какъ неожиданно слухъ ея уловилъ негромкій говоръ сосѣдки по лѣвую отъ нея руку.

— Удивляюсь я, сестрицы,—говорила смуглая черноволосая женщина, съ длиннымъ носомъ и цыганскими глазами, не лишенными своеобразной прелести,—удивляюсь я „свѣтскимъ“ нашимъ. Идетъ, примѣрно, къ слову сказать, къ намъ въ общину всякая нервная барынька-заморышъ, чуть живая малокровная барышня, а на что онѣ намъ, спрашивается? На что? Вѣтеръ дунетъ—свалится. Рану увидитъ—ахи, охи, дурно, воды! На кой шутъ лѣзутъ, спрашивается? Вотъ сестра Есипова, примѣрно, отъ тифознаго заразилась, не могла уберечь себя... Все понедоглядкѣ, конечно... Теперь умираетъ, вслѣдствіе этого... А оттого, что свѣтская, къ примѣру сказать, дѣвица, на лебяжьемъ пуховикѣ выросла... Папаша полковой командиръ, жилось хорошо, привольно,—нѣтъ, въ общину захотѣлось...

И долго еще сестра Клементьева (такъ звали черноватую, съ цыганскими глазами, женщину) продолжала свои укоры.

— Видите ли, мало ей всего этого довольства: въ общину пожелала... Ну, вотъ и расплачивайся! Эхъ-ма! Тоненькая, вѣтеръ дунетъ—свалится, тальице въ два обхвата, лицо—какъ платокъ... И не одна она... Другія то же... Ни здоровья, ни силъ, а туда же служить людямъ на пользу рвутся... А какая польза, спрашивается, отъ нихъ? Сидѣли бы дома у мамашиной юбки, куда какъ хорошо: въ два часа вставать съ постели, прогуливаться по набережной до пяти, въ этакой шляпѣ, въ видѣ корзины опрокинутой, съ перьями, что твой парусъ, а тамъ придти да съ французскимъ романчикомъ на кушеткѣ полеживать. Куда какъ пріятно! Да!..

Черноглазая женщина говорила все громче и громче. Если въ началѣ ея рѣчи у Нюты могло явиться какое-либо сомнѣніе, то теперь этого сомнѣнія быть уже не могло: слова черноглазой предназначались ей и только ей. Вся кровь бросилась въ голову дѣвушки. Къ горлу подкатился нервный клубокъ спазмъ, глаза обожгло слезами. Она быстро повернулась всѣмъ корпусомъ налѣво; два цыганскіе, изсиня-черные глаза съ явнымъ недоброжелательствомъ вцились въ нее. Смуглое рябоватое лицо женщины улыбалось ей, Нютѣ, вызывающе, недоброжелательно.

Эти глаза, эта улыбка какъ бы ударили ее. Пристально,

остро взглянула она въ вызывающе-улыбающееся лицо черноглазой смуглянки и просто и громко, такъ что всѣ окружавшія ихъ сестры могли слышать ее, спросила:

— Вы это обо мнѣ говорите?..

Цыганскіе глаза на мгновеніе скрылись въ полосахъ рѣсницъ. Потомъ широко раскрылись снова, и откровенно, уже усмѣхнувшись въ лицо Нюты, женщина проговорила:

— Не о васъ въ частности я говорила, а о всѣхъ тѣхъ бѣлоручкахъ, что поступаютъ въ общину отнимать трудъ и хлѣбъ отъ другихъ...

Нюта поблѣднѣла, смутилась, но не надолго. Внимательнымъ взоромъ оглянула она ближайшихъ сосѣдокъ по столу. Онѣ молча смотрѣли на нее, и вѣрнѣе, не на нее, а на ея черезчуръ модный, разсчитанный на эффектъ, костюмъ, на ея тоненькую, изящную, миніатюрную фигурку и на бѣлыя выхоленныя руки, съ розовыми, тщательно отполированными, ногтями. Особенно на руки, на ногти, розовые, нѣжные и такіе изящные, непривычные для глазъ сестеръ. И показалось ли это Нютѣ, или нѣтъ, но одна изъ напротивъ сидѣвшихъ наклонилась къ плечу своей сосѣдки и проговорила довольно громко:—„Ловко отдѣлала сестра Клементьева институточку нашу“.—„Подѣломъ... Не лѣзь въ общину... Бѣлоручкамъ здѣсь не мѣсто“,—также шопотомъ, со злой усмѣшкою, отвѣчала сосѣдка.

А цыганскіе глаза, между тѣмъ, все смотрѣли и смѣялись, смѣялись и смотрѣли явнымъ недоброжелатель-

нымъ взглядомъ прямо въ глаза Нютѣ. Вся блѣдная, она сидѣла подъ этимъ взглядомъ, какъ на горячихъ угольяхъ.

Подлѣ нея Розочка оживленно шепталась о чемъ-то съ сестрой Юматовой, и обѣ онѣ, казалось, забыли о ней, Нютѣ. Другія сестры сосредоточенно занимались ѣдою, торопясь покончить съ обѣдомъ, какъ съ ненужной и праздной вещью, чтобы снова поспѣшить къ своимъ дѣламъ. Иныя вскользь поглядывали на Нюту съ холоднымъ любопытствомъ, другія—съ участливымъ соболѣзнованіемъ, третьи—съ явнымъ недоброжелательствомъ, какъ и ея черноглазый недругъ. Отъ этихъ взглядовъ, бѣглыхъ и безучастныхъ, лицо Нюты то пылало яркимъ румянцемъ, то блѣднѣло и снова вспыхивало, какъ кумачъ.

Вдругъ чья-то пухлая, мягкая рука тяжело опустилась на плечо Нюты, и она почувствовала приближеніе кого-то сильнаго, большого у себя за спиной.

— Что это, сестра Клементьева, вы запугали совсѣмъ нашу барышню,—услышала надъ своимъ ухомъ Нюта знакомый низкій басъ Кононовой,—небось, еще можетъ статься, въ дѣлѣ-то она и насъ съ вами проворствомъ да ловкостью своей за поясъ заткнетъ. Вы по наружности не судите, сестрица... Видала я такихъ-то: съ виду хлябенькая, въ чемъ только душа держится, а въ амбулаторіи, либо въ баракѣ, на дежурствѣ—молнія, такъ и носится и всюду поспѣваетъ... Смотрѣть любо... Ей-Богу!.. Господь съ ними! Не сестра, а кладъ!

Умиротворяющимъ бальзамомъ, небесной музыкой звучали слова эти въ ушахъ Нюты. Каждый звукъ мужицкаго грубоватаго голоса сестры Кононовой падалъ каплей врачующаго лекарства на душу дѣвушки.

— „О, милая! милая! Спасибо тебѣ, спасибо!“ — мысленно твердила Нюта, дѣлая невѣроятное усиліе надъ собою, чтобы не расплакаться навзрыдъ.

Она не помнила, какъ встали изъ-за стола сестры, какъ прочли послѣобѣденную молитву, какъ вышли всѣ и она вмѣстѣ со всѣми, изъ столовой.

Опомнилась она только въ своей комнатѣ, гдѣ горѣла та же электрическая лампа подъ краснымъ абажуромъ и гдѣ вѣяло уютомъ и тепломъ. Она сидѣла на диванѣ между Юматовой и Розановой, и Розочка своимъ дѣтскимъ голосомъ разсказывала ей:

— Завтра вамъ дадутъ казенныя тряпки, полотно для платьевъ и передниковъ, коленкоръ и прочую гадость. Надо шить самой, но такъ какъ вы шить именно не „горазды“ (это любимое выраженіе нашей Кононихи, замѣтьте!), то наша Дуняша, дѣвушка-прислуга, стяпаетъ-сляпаетъ вамъ всю эту музыку въ какіе-нибудь два дня за три цѣлкача, не больше. И въ швахъ не разлѣзется. Чинно, благородно, все какъ слѣдуетъ быть. Совсѣмъ, какъ въ свѣтѣ. За три императора только... А потомъ, сегодня вы, душенька, въ аудиторію не ходите. Козелъ Козловичъ и безъ васъ сумѣетъ напичкать головы нашихъ курсистокъ всякой ученой мудростью.

Вы устали. Возьмите лучше у Лели, т. е. я хотѣла сказать у сестры Юматовой, какую-нибудь душеспасительную книжку и почитайте, пособеритесь съ мыслями... А послѣ вечерняго чая и на боковую... Да. Ну, кажется, все сказала, что надо, а теперь извините меня. Я должна задать храповицкаго. Впереди—безсонная ночь.

И сестра-дѣвочка граціознымъ движеніемъ соскользнула съ дивана, чмокнула мимоходомъ задумчиво сидѣвшую Юматову и кошечкой подобралась къ своей постели. Черезъ минуту, крикнувъ тономъ избалованнаго ребенка:—„Лелечка, закрой мнѣ ноги пледомъ“,—она уже крѣпко спала, подложивъ маленькую ладонь подъ свою кудрявую голову.

Теперь она казалась болѣе чѣмъ когда-либо мирно спящимъ ребенкомъ. Пухлыя щечки ея разгорѣлись во снѣ. Пушистыя рѣсницы падали на нихъ мягкой тѣнью. Ея ямочки улыбались, а полуоткрытый ротъ что-то беззвучно шепталъ.

Нюта не безъ удивленія смотрѣла на спящую, невольно поддавшись очарованію, производимому на всѣхъ и каждаго этимъ прелестнымъ ребенкомъ-дѣвушкой.

— Не правда-ли, какъ она мила? — обратилась къ ней, замѣтивъ ея взглядъ, Юматова и тутъ же заговорила, не дожидаясь ея отвѣта:

— Розочка общая любимица здѣсь... Но вы не думайте, что ее любятъ за счастливую внѣшность, за миловидность и красоту.

— Розочку любятъ не за счастливую внѣшность, не за миловидность,—продолжала Юматова.—О, нѣтъ! Правда, Розочка, самая молоденькая изъ сестеръ—ей едва минуло восемнадцать лѣтъ — и самая прелестная. По своему характеру она дитя, а по виду—очаровательный безпечный мотылекъ, а между тѣмъ, видѣли бы вы этого мотылька въ дѣлѣ, на работѣ! Мало того, что она готова дни и ночи ухаживать за больными, не имѣя ни минуты отдыха: она умѣетъ однимъ своимъ веселъемъ, жизнерадостнымъ видомъ вдохнуть силу и бодрость духа самымъ труднымъ больнымъ. Капризная, шаловливая, взбалмошная въ частной жизни, она олицетвореніе кротости и терпѣнія въ баракѣ... Самое поступленіе ея въ общину окружено дымкой ореола. У Розочки есть родители. Она дочь военнаго. Дѣвочка съ самаго ранняго дѣтства какою-то фанатическою любовью любила своего отца, какъ-то болѣзненно-чутко, до обожанія. И вотъ, когда разгорѣлась русско-японская война, отецъ Кати, капитанъ Розановъ, долженъ былъ идти со своимъ полкомъ на Дальній Востокъ. Онъ командовалъ ротой въ самомъ жаркомъ дѣлѣ и его ранили опасно. И тутъ... Розочка дала обѣтъ Богу отдать свою молодую жизнь на служеніе страдающему человѣчеству въ случаѣ, если выздоровѣетъ ея отецъ. Розановъ выжилъ, а его дочь, имѣя всего шестнадцать лѣтъ отъ роду, поступила къ намъ, въ общину сестеръ милосердія. Ну, вотъ вы и знаете теперь, кто такая наша Розочка,—не безъ

гордости заключила сестра Юматова свой разсказъ. Затѣмъ помолчавъ съ минуту, она проговорила снова:

— Если бы вы знали, какъ трудно бѣдной дѣвочкѣ, такой живой, огневой, кипучей, привыкать къ педантично-суровому строю нашей жизни... Мелочи допекаютъ Розочку... Характеръ у нея буйный, непокорный, а сердечко—чистое золото. Попадаетъ ей отъ начальства, что и говорить. Зато работой своей все искупаетъ Розочка. Поживете, увидите, что это за чудесный маленькій человѣчекъ.

Легкій стукъ въ дверь прервалъ сестру.

— Войдите!—поспѣшила сказать Юматова и машинально оправила на головѣ косынку.

— Ольга Павловна зоветъ сестру Трудову, новенькую, на медицинскій осмотръ, — проговорила дежурная сестра, останавливаясь на порогѣ.

— Идите съ Богомъ, душенька!—ласково отпустила Нюту Юматова.

Нюта вышла вслѣдъ за рыженькой сестрой.

□ □

Въ эту ночь плохо спалось Нютѣ. Какъ въ калейдоскопѣ, чередовались событія въ ея, усталой отъ смѣны впечатлѣній пережитаго дня, головѣ.

Съ какимъ ужасомъ вспоминалась сцена въ пріемномъ покоѣ, когда два доктора въ присутствіи начальницы и рыженькой сестры тщательно выстукивали, выслушивали

ее, смотрѣли глаза, десны, пробовали ея мускулы, испытывали нервы.

Блѣдная, испуганная предчувствіемъ того, что ее должны будутъ забраковать, забраковать во что бы то ни стало, Нюта, какъ къ смерти приговоренная, машинально исполняла все, что требовалось отъ нея, едва переводя дыханіе, точно стараясь не дышать.

— Ну, что?—коротко освѣдомилась Ольга Павловна у старшаго изъ докторовъ, уже знакомаго Нютѣ Козлова.

И сердце Нюты перестало биться въ ожиданіи его отвѣта...

— А то, что барышня наша здоровѣй всѣхъ насъ троихъ, взятыхъ вмѣстѣ, даромъ что жидка и хрупка на видъ,—съ довольной улыбкой произнесъ тотъ, потирая руки.

— Замѣчательно крѣпкій, повидимому, субъектъ,—вставилъ свое слово его молодой помощникъ, черненькій, тоненькій, гладко и тщательно причесанный человѣкъ, въ черепаховомъ пенснэ, съ небольшими усиками, закрученными въ струнку,—„Семечка“ по прозвищу, въ дѣйствительности же докторъ Семеновъ.

— Ну, и слава Богу... Завтра къ шести пожалуйте въ аудиторію ко мнѣ на съѣденіе, вновь испеченная сестрица,—довольнымъ голосомъ сказалъ ей тутъ же Козловъ.—Вы какъ насчетъ анатоміи, гигіены и прочей, подобной имъ, мудрости? А?

Но Нюта отъ охватившей ее радости, что она не

забракована, принята въ составъ общины, не могла выговорить ни слова.

Эта радость заполонила ее всю.

И весь вечеръ эта радость доминировала надъ ея душою. Она же не давала ей задремать, уснуть и сейчасъ, когда все общежитіе погрузилось въ сонъ, столь желанный, сладкій и недолгій для утомленныхъ, измученныхъ за день работой, труженицъ-сестеръ.

Принята!.. Желаніе исполнено!.. Теперь только силы. „Господи, пошли мнѣ силы справиться съ моей задачей, оправдать довѣріе начальницы, докторовъ!..“—мысленно шепчетъ Нюта и вдругъ, вся блѣдная, обливаясь потомъ, сразу садится на постели.

А паспортъ? А чужое имя? А ея проступокъ передъ людьми и закономъ? Что съ нею станется, если кто-либо узнаетъ о томъ, что она, Нюта, обмѣнялась паспортомъ съ Мариной Трудовой, слушательницей педагогическихъ курсовъ, и выдаетъ себя за эту Трудову. Вѣдь это преступленіе, подлогъ!

Дыханіе сперлось въ груди дѣвушки, когда она вспомнила обо всемъ этомъ.

Правда, она паспортомъ обмѣнялась на время только, на какой-нибудь годъ. И все-таки это обманъ. Но иначе она поступить не могла: Приди она, Нюта Вербина, въ общину подъ своимъ собственнымъ именемъ, генеральша Махрушина отыскала бы ее сразу и вернула обратно домой. О, вернула бы, безспорно, навѣрно!

Когда Нюта просила неоднократно отпустить ее въ сельскія учительницы, въ сестры, или на фельдшерскіе курсы, tante Sophie приходила въ ужасъ, кричала на нее, плакала, впадала въ истерику и упрекала Нюту въ неблагодарности, говоря, что она такимъ поступкомъ опозоритъ ее, Женни и весь домъ.

И Нюта терпѣла, терпѣла, ожидая подходящаго случая, чтобы уйти. Слишкомъ прочно запали въ ея душу добрыя сѣмена, посѣянныя съ дѣтства ея матерью и бабушкой, чтобы она могла отрѣшиться отъ своей заманчивой и прекрасной цѣли—посвятить себя всю какому-нибудь большому, самоотверженному дѣлу, какъ это сдѣлала ея мать. И она рѣшилась.

Случай представился.

Марина Трудова, единственная пріятельница Нюты, изъ знакомыхъ генеральши Махрушиной, съ которой она сумѣла сойтись, какъ разъ въ это время бросала курсы и уѣзжала на родину въ деревню, къ больному отцу-помѣщику, нуждавшемуся въ тщательномъ за собою уходѣ. И Марина, зная завѣтныя мечты Нюты и ея горячее желаніе поступить въ сестры милосердія, предложила ей обмѣняться паспортами потихоньку отъ всѣхъ.

— Если вы не можете поступить въ сестры милосердія подъ вашею фамиліею, возьмите на время мою. Назовитесь Мариной Трудовой. Это такъ просто. А чтобы не было сомнѣнія, я вамъ передамъ мой паспортъ. Вотъ

вы и поступите въ общину подъ моимъ именемъ, привыкнете, подучитесь. Мнѣ паспортъ совершенно не нуженъ въ нашей глуши, гдѣ и становой-то по два раза въ годъ едва бываетъ. Да я возьму вашъ, на всякій случай, въ дорогу... Это дастъ вамъ возможность достигнуть вашей цѣли... Вѣдь никто же не узнаетъ... А станете сестрой милосердія—милости прошу къ намъ. У насъ въ тридцати верстахъ есть село съ больницей. Вы сначала къ намъ, а тамъ мы съ папочкой васъ въ больницу и пристроимъ. Разумѣется, подъ вашимъ настоящимъ именемъ. Не правда ли, хорошо придумано, милая Нюта?

Но Нютина совѣсть говорила иное... Все было далеко не такъ хорошо, какъ это рисовала ей безпечная Марина. Пахло преступленіемъ, подлогомъ, обманомъ, за который строго караетъ законъ. Но выбора другого не было. И невольно приходилось принять опасный совѣтъ Марины...

Долго не могла уснуть въ эту ночь Нюта. А когда, наконецъ, желанный сонъ сомкнулъ отяжелѣвшія вѣки, черный гнетущій кошмаръ чудовищнымъ рядомъ видѣній опуталъ ослабѣвшее существо дѣвушки, давя, терзая ее во снѣ. Чудились страшныя сумбурныя вещи. Какія-то огромныя не то комнаты, не то катакомбы, по нимъ скользили сѣрые призраки въ бѣлыхъ косынкахъ и, жутко лязгая зубами, что-то шипѣли, какъ змѣи.

Ольга Павловна Шубина въ одеждѣ полицейскаго чина шла къ ней и издали кричала:

„Гдѣ вашъ паспортъ, Анна Вербина? Гдѣ ваши документы? Подайте ихъ сюда! Сію же минуту сюда!..“

И чудовища шипѣли снова:

„Она не Трудова, нѣтъ, нѣтъ! А за это мы ее разорвемъ на части“.

И съ дикимъ воплемъ и скрежетомъ они ринулись на нее.

Обливаясь потомъ, съ замершимъ на губахъ крикомъ, Нюта проснулась.

Въ комнату пробирался промозглый, хмурый разсвѣтъ уродливаго осенняго утра. Въ головахъ Нюты, сладко и громко похрапывая, спала Кононова, раскинувъ вдоль кровати свои широкія рабочія мозолистыя руки.

Противъ нея, черезъ комнату, лежала и, казалось, дремала блѣдная Юматова. Густая черная коса молодой женщины свѣсилась до полу. Она дышала трепетно и нервно. Посреди комнаты стояла Розочка въ коротенькой нижней юбочкѣ, дѣлавшей ее похожей на подростка. Обычно розовое личико ея было сейчасъ блѣдно. Глаза, не то разсѣянно, не то задумчиво, вперились въ уголъ комнаты, гдѣ у группы иконокъ-складней теплилась розовая лампада.

Услыша, что Нюта шевелится на своей постели, хрустя пружинами матраца, она улыбнулась ей нехотя блѣдной улыбкой и кивнула головой.

— Что вы такъ рано? Спите. Еще шесть часовъ только. Васъ разбудятъ ровно черезъ часъ.

— Не спится... И сонъ ужасный видѣла... Ну, что ваша больная? Сестра Есипова, кажется?—внезапно вспомнивъ, спросила Нюта.

Розочка отвела глаза отъ Нюты. По ея красивому личику пробѣжала тѣнь... Губы дрогнули... Она опустила голову на грудь и тихо, чуть слышно, прошептала:

— Сегодня... въ четыре утра... сестра Наташа Есипова скончалась... Ужасно!.. Ужасно!..

И закрывъ лицо своими дѣтскими ручонками, какъ снопъ упала на постель...

ГЛАВА VII.

— НОВЕНЬКУЮ сестру Трудову зовутъ въ амбулаторію внутренняго пріема, на помощь сестрамъ Клементьевой, Кононовой и Двопольской,—услышала Нюта звонкій голосъ позади себя.

Она живо обернулась. Передъ нею стояла плотная широкоплечая сестра съ простоватымъ некрасивымъ лицомъ и пухлыми щеками.

— Я—Снуркова, познакомимся,—наскоро проронила она.—Вотъ вамъ халатъ. Надѣвайте поверхъ платья... Эхъ, бѣда, вы еще не въ казенномъ платьѣ,—досадливо поморщилась она.

— Еще не сшито,—какъ бы извиняясь, смущенно произнесла Нюта.

— Ну, это неважно. Но вотъ что: у васъ суконное платье. Жаль. Не гигіенично. Къ шерсти-то пристаетъ скорѣе всякая зараза, грязь. Впрочемъ на нѣтъ и суда нѣтъ. Давайте я застегну вамъ халатъ сзади, сестрица. Да косынку повяжите, не то отъ шубы нашей... тьфу, я хотѣла сказать отъ Ольги Павловны... какъ разъ влетитъ.

Сестра вспыхнула, улыбнулась и показала прекрасныя бѣлыя крупныя миндалины зубовъ. Эта улыбка сразу скрасила и смягчила непривлекательную внѣшность Снурковой.

— Ну, идемте... Да вы завтракали?—спохватившись спросила она.

— Да.

Нюта вспомнила, какъ она, ссылаясь на отсутствіе аппетита, отказалась только что отъ нѣсколькихъ горячихъ картофелинъ съ масломъ и селедкой, которыя подавались за столомъ въ 12 часовъ, къ немалому неудовольствію сестры-экономки, проворчавшей что-то о французской кухнѣ и поварахъ.

Въ полутемномъ амбулаторномъ коридорѣ сестра наскоро забрасывала шагавшую подлѣ нея Нюту отрывистыми фразами.

— Ната Есипова умерла... Слышали?.. Славная была дѣвушка... сердечная... Заразилась отъ тифознаго больного... Богъ знаетъ, зачѣмъ судьбѣ понадобилась эта смерть... Ее вся община любила... Какъ Розочку... Милая

дѣвушка... И что мы теперь Бѣльской скажемъ... Не уберегли Наташи. Эхъ!...

— Кто это Бѣльская? Попечительница, да?—поинтересовалась Нюта.

— Бѣльская-то? Неужто вамъ никто еще про Бѣльскую не говорилъ?

— Нѣтъ.

— Ахъ, ты, Господи! Да вѣдь Ольга Бѣльская восьмое чудо міра. Героиня въ полномъ смыслѣ слова и другъ закадычный покойной Наташи... Сейчасъ она въ дальней командировкѣ. Съ часу на часъ ожидается назадъ. Ну, вотъ мы и пришли, однако... Входите смѣло и Богъ вамъ въ помощь, сестра.

Спутница Нюты распахнула стеклянную дверь, и дѣвушки сразу очутились въ огромной свѣтлой комнатѣ посреди гудящей толпы народа.

Въ первую минуту глаза Нюты разбѣжались. Отъ гула и шума, наполнявшихъ амбулаторію, у нея закружилась голова, руки безсильно опустились вдоль тѣла. Невольная растерянность охватила Нюту. Сопровождавшая ее Снуркова затерялась сразу въ толпѣ, и Нюта почувствовала себя здѣсь всѣмъ чуждой, лишней, безпомощной, одинокой. Она растерянно оглядѣла окружавшую ее толпу.

Казалось, вся петербургская бѣднота сбѣжалась сюда, въ эту свѣтлую, чисто выбѣленную комнату, съ сѣрымъ каменнымъ поломъ, обильно политымъ дезинфеціующ-

щимъ средствомъ, предохранителемъ отъ заразы. Это дезинфецирующее средство терпкимъ, непріятнымъ запахомъ ударяло въ носъ и чуть кружило голову.

Больные стояли, больные сидѣли на лавкахъ, больные безпокойно сновали взадъ и впередъ. Тутъ были старики и старухи, молодые и пожилые люди, дѣвушки и женщины. Были и дѣти. Отставные солдаты, мелкіе уличные торговцы, прислуга, фабричные рабочіе, извозчики, нищіе, торговки-мѣщанки, бродяги. Кого-кого только не увидѣла здѣсь Нюта! У каждаго въ рукахъ былъ занумерованный билетикъ, выдаваемый молоденькой сестрой.

Особенно бросился въ глаза Нютѣ одинъ посѣтитель, не совсѣмъ обыкновенный среди всей этой сплошной бѣдноты.

Это былъ мальчикъ-итальянецъ, оборванный, лохматый и грязный, съ ручной шарманкой на спинѣ, лѣтъ десяти. Его лицо, главнымъ образомъ, поразило Нюту. Такія лица рѣдко встрѣчаются въ жизни. Ихъ можно только, пожалуй, увидѣть на старинныхъ картинахъ итальянскихъ мастеровъ. Каждая черточка жила и говорила въ этомъ, поистинѣ прекрасномъ, лицѣ. Изсиня-черные кудри обрамляли живописной рамкой пылающія лихорадочнымъ румянцемъ правильныя, безъ единаго промаха, точно изваянныя, черты. Черные глаза, огромные, лукавые и мечтательные въ одно и то же время, казалось, отразили всю прелесть знойнаго итальянскаго юга.

Мальчикъ, повидимому, страдалъ. Съ безсознательной, такъ свойственной его народу, граціей онъ прислонился плечомъ къ стѣнѣ и съ усиліемъ сжималъ отбивающіе дробь озноба крупные бѣлые зубы.

— Бѣдняжка, какъ онъ боленъ! — пронеслось въ мысляхъ Нюты, и она уже направилась въ сторону мальчика, чтобы предложить ему сѣсть на освободившееся позади него мѣсто, какъ неожиданный рѣзкій окрикъ заставилъ Нюту вздрогнуть всѣмъ тѣломъ.

— Такъ вотъ зачѣмъ вы явились сюда, сестрица!.. Чтобы любоваться непривычной вамъ обстановкой! Позвольте васъ спросить, что вы въ театръ или циркъ явились или для дѣла? Могли бы не приходить... Это было бы много цѣлесообразнѣе, сестра, нежели стоять такъ-то, разиня ротъ и опустивъ руки.

Хлестко, больно, падало слово за словомъ на опущенную голову Нюты. Цыганскіе глаза сестры Клементьевой прожигали, казалось, насквозь смущенно поникшую фигурку дѣвушки.

Видя это смущеніе, эту покорную позу и испуганное лицо, сестра Клементьева смягчилась.

— Ну, ладно, нечего киснуть... Вы на меня не претендуйте, барышня, — нѣсколько спокойнѣе заговорила она.—Ужасно не люблю бѣлоручекъ. Идите за мной. Вонъ нашъ хирургъ докторъ Аврельскій лубки накладываетъ... Тамъ вы нужны, ступайте... Снесите ему эти бинты, марлю и вату.

И она слегка подтолкнула Нюту въ сторону невысокаго, худощаваго старика, желчнаго вида, съ рѣденькими бачками по обѣ стороны сердито-нахмуреннаго, морщинистаго лица, суетившагося подлѣ блѣднаго какъ смерть человѣка, полулежавшаго на скамьѣ, съ обнаженной вспухшей и посинѣвшей ниже колѣна ногой.

Увидѣвъ подошедшую Нюту и не обративъ никакого вниманія на новое незнакомое для него лицо, хирургъ кратко и рѣзко приказалъ дѣвушкѣ, какъ-будто зналъ ее Богъ знаетъ сколько времени и уже давно-предавно работалъ съ нею:

— Ага! бинты принесли?.. Давайте... Да подержите ногу. Вотъ безпокойный объектъ попался... Дергается невозможно... Нельзя работать... Держите.

Нюта покорно опустилась на колѣни и осторожно коснулась руками распухшей ноги больного.

Съ губъ послѣдняго вырвался пронзительный вой.

— Больно... матушка-сестрица, ой, силушки моей нѣтъ, больно!.. Ой, смерть моя пришла!

Нюта, такъ храбро было приступившая къ дѣлу, при первыхъ же звукахъ этого неожиданнаго вопля, живо отдернула руку, точно обжегшись у огня.

— Это что такое?!—вспылилъ Аврельскій,—да что вы шутки сюда пришли шутить, барышня, либо дѣлать дѣло... Нѣжности какія! Держите ногу, вамъ говорятъ! А ты не кричи, голубчикъ,—сразу мѣняя тонъ на болѣе мягкій и гуманный, обратился къ больному врачъ;—

знаю, что больно, безъ этого нельзя никакъ обойтись... А ты возьми себѣ въ толкъ, братецъ: здѣсь васъ до шестисотъ набралось, и если всѣ вы орать начнете, будетъ, братецъ ты мой, не амбулаторія, а базаръ. Такъ, сдѣлай милость, ужъ воздержись маленько... А вы, сестрица, держите ногу крѣпко, не бойтесь. Поняли?

И—странно!—что-то словно ударило въ эту минуту въ самое сердце Нюту. И ударъ этотъ прошелъ магическимъ токомъ по всему ея существу. Прежняя Нюта точно исчезла, скрылась, провалилась сквозь землю, а на мѣстѣ ея появилась новая Нюта, и не Нюта даже, а сестра Марина Трудова, принявшая свое первое боевое крещеніе въ этотъ слезный, хмурый, осенній день.

Эта Марина Трудова держала теперь ногу больного, не обращая вниманія на стоны и вопли мужика, затягивала концы марли, сдерживавшей лубки у щиколотки, потомъ подавала лекарство, отсчитывала капли успокоительнаго средства для особенно нервничавшихъ больныхъ.

— Сестра Трудова, сюда!—кричала Клементьева съ противоположнаго конца пріема, и Нюта стремглавъ летѣла на ея зовъ.

Цыганскіе глаза старшей сестры разгорѣлись, лицо багрово пылало, темныя сросшіяся брови хмурились сурово.

— Скорѣе! Скорѣе шевелитесь, сестра!—торопила

она Нюту, и та какъ вкопанная останавливалась передъ нею.

— Вотъ, раздѣньте мнѣ этого ребенка. Нужно осмотрѣть...—коротко приказала она, передавая Нютѣ свертокъ какого-то грязнаго ветхаго тряпья, изъ глубины котораго раздавался чуть слышный писк, похожій скорѣе не на дѣтскій плачъ, а на мяуканье больного котенка.

Нюта, въ дѣтствѣ помогавшая матери лечить больныхъ деревенскихъ ребятишекъ, быстро и ловко справилась со своей задачей. Черезъ двѣ-три минуты на лавкѣ передъ сестрой лежалъ голенькій трехмѣсячный ребенокъ, безпомощно махая въ воздухѣ крошечными ручонками и неумолчно вытягивая свое безконечное „уа, уа, уа“.

Подъ-мышкой у ребенка зіяла большая нагноившаяся рана.

Увидѣвъ эту рану, сестра Клементьева ахнула и цѣлый потокъ негодованія и упрековъ полился изъ ея устъ.

— Злодѣи! Изверги! Каменныя души! — кричала она, сверкая глазами. — Сгноили ребенка. Душеньку неповинную загубили зря... Да васъ за это!.. Ты что это натворила, а?! Да какъ ты могла, какъ смѣла запустить болѣзнь, а?! Да о чемъ ты раньше думала!?— неожиданно накинулась она на дрожавшую передъ ней, испуганную молодую бабенку, въ клѣтчатомъ платкѣ, принесшую ребенка.

— Да мы, сестрица... мы, сестрица, — растерянно бормотала бабенка, —бѣднота у насъ, конечно... Мы...

— Бѣднота... а, бѣднота! — не слушая ея, снова кричала Клементьева,—а ноги у тебя есть?.. Ноги, говорю, тебѣ отъ Бога зачѣмъ даны... а? Не могла сюда дитятко раньше принести, показать?.. Зачѣмъ ждала, запустила?.. Сестра Трудова, обмойте рану, вотъ сулема въ цилиндрѣ, вата въ коробкѣ... Да руки сами вымойте предварительно сулемой. Готово будетъ, доктора Семенова зовите, Аврельскому некогда... и не добраться до него...

Послѣднія слова старшей по пріему сестры уже застали Нюту за дѣломъ. Она тщательно обмывала рану ребенка, потомъ бѣжала за Семеновымъ („Семечкой", какъ его прозвали въ общинѣ), какою-то мазью обмазывала ранку больного малютки и бинтовала ее.

Едва успѣла она справиться съ этимъ, какъ густой, низкій басъ Кононовой раздался за ея плечами:

— Сестрица, № 127 вызовите, термометръ ему поставьте... Да придержите термометръ-то сами, мальчишка обезсилѣлъ совсѣмъ, валится съ ногъ.

Черезъ минуту нѣжный голосъ Нюты прозвучалъ высокой, звенящей нотой на всю пріемную:

— Нумеръ сто двадцать седьмой!

Въ слѣдующее же мгновенье передъ нею стоялъ красивый, маленькій итальянецъ, съ пылающимъ отъ жара лицомъ и нестерпимо горящими глазами.

— Сними шарманку... разстегни куртку... Садись... Ты понимаешь по-русски?—роняла она.

— Si... *), совсѣмъ малость... Немножко...

— Подними руку... Такъ... Не бойся, тебѣ не причинятъ зла... Видишь, холодное, маленькое стеклышко? Надо его поставить тебѣ подъ-мышку. Ты понялъ? Да?

— Si, signorina **).

— Называй меня сестрой.

— Si...

— Тебѣ худо, да?

Мальчикъ не отвѣтилъ и безсильно склонился къ Нютѣ на плечо. Черные кудри упали ему на лобъ. Зрачки закатились, обнаживъ два страшные, синеватые бѣлка...

Термометръ выскользнулъ у него изъ-подъ руки, упалъ на полъ и разбился.

— Господи! Этого еще недоставало! Руки-крюки! Ужъ сидѣли бы дома, если не умѣете дѣла дѣлать. Не лѣзьте на пріемъ!—крикнула съ раздраженіемъ подоспѣвшая Клементьева и, замѣтивъ неестественно вытянувшееся на рукахъ Нюты тѣло маленькаго итальянца, нахмурилась, схватила его руку, просчитала пульсъ и, помолчавъ минуту, коротко приказала встревоженнымъ голосомъ:

— Позовите служителей съ носилками. Ребенка надо отнести въ тифозный баракъ.

---

*) Да.
**) Да, барышня.

ГЛАВА VIII.

Въ тотъ вечеръ Нюта буквально не чувствовала ногъ подъ собою. Усталость давала себя знать. Послѣ пріема ей пришлось убирать амбулаторную палату, прятать пузырьки, колбочки съ лекарствами, мыть инструменты, свивать бинты и скрести щетками полъ вмѣстѣ съ двумя такими же „испытуемыми“, на обязанности которыхъ, по принятому въ общинѣ обычаю, до посвященія ихъ въ чинъ сестеръ, была вся черная работа.

И все время неотлучно стоялъ передъ мысленнымъ взоромъ Нюты маленькій итальянецъ-шарманщикъ, котораго замертво отнесли два служителя на носилкахъ въ тифозный баракъ.

— Ну, что, приняли, матычка, первое крещеніе? Не сладко, я чаю, на первыхъ-то порахъ показалось, поди? — спросила ее во время обѣда сестра Кононова, и ея грубоватое лицо освѣтилось необычайно мягкой улыбкой.

— А новенькая-то сестренка у насъ, Ольга Павловна, молодецъ! Ей-Богу же, совсѣмъ молодецъ!—неожиданно обратилась она къ сестрѣ-начальницѣ.

— А кому, Ольга Павловна, счетъ разбитаго градусника представить? Я слышала, градусникъ въ амбулаторіи разбили, — любезно улыбаясь глазами и ехидно

поджимая губы, обратилась къ Шубиной ея помощница, Марья Викторовна.

— Ахъ, оставьте! Непремѣнно вамъ нужно кого-нибудь обидѣть!—прошептала со сдержанною злостью Кононова и, видя, какъ Нюта вся вспыхнула отъ смущенія, зардѣвшись яркимъ румянцемъ, она зашептала ей тихонько на ушко: — Ничего, матычка-сестрица... Проглотите... Не кто иной вѣдь язвитъ, какъ Маришка наша. Всѣ мы ее за ехидство не терпимъ... Не обращайте на нее вниманія, сестреночка.

Но не обращать вниманія Нюта не могла. Воспитанная, чуткая и впечатлительная отъ природы, она была глубоко смущена и происшедшимъ съ нею промахомъ, и замѣчаніемъ помощницы начальницы.

Предложить же заплатить за градусникъ изъ небольшой суммы карманныхъ денегъ, оставшихся у нея въ портмонэ, она не рѣшалась. Могло выйти еще болѣе непріятное недоразумѣніе. И волей-неволей Нюта проглотила обиду.

Къ счастью, разговоръ за столомъ вертѣлся вокругъ печальнаго случая минувшей ночи. Говорили о Наташѣ Есиповой, о ея послѣднихъ минутахъ. Она умерла на рукахъ Розочки и Ольги Павловны, ни на минуту, въ послѣднюю ночь, не покидавшихъ больную. Говорили о желаніи отца Наташи хоронить дочь самому, помимо принятаго обычая отпѣвать въ общинѣ усопшихъ сестеръ.

— За нею пріѣдутъ вечеромъ сегодня и ее увезутъ отъ насъ, нашу милую Наташу,—произнесла Ольга Павловна, и Нюта снова не узнала обычно спокойнаго и сурового лица ея.

Вѣки Шубиной были красны отъ слезъ, лицо осунулось и за однѣ сутки постарѣло лѣтъ на десять, по крайней мѣрѣ. Тяжелая, продольная складка залегла между темныхъ бровей.

— А „бабушка“ наша читаетъ надъ покойницей... До увоза ея читать будетъ,—сказалъ кто-то изъ сестеръ.

— Да. И Розочка съ нею, и Юматова. Не оставляютъ бѣдной Наташи,—произнесъ еще кто-то за столомъ.

Тутъ только, поднявъ голову, замѣтила Нюта, что мѣста Розановой, Юматовой и старѣйшей изъ сестеръ Кириловой заняты другими.

— А Бѣльской дано знать?—снова услышала она тутъ чей-то вопросъ.

— Какъ же! Я ей утромъ еще телеграмму послала,—отозвалась Ольга Павловна и поникла сѣдѣющей головой надъ тарелкой.

И Нютѣ послышалось, какъ будто сестра-начальница не то вздохнула, не то прошептала тихо, тихо, чуть слышно самой себѣ:

— Бѣдная Наташа! Бѣдная Наташа!

□ □

— Курсистки-испытуемыя, въ аудиторію пожалуйте! Валентинъ Петровичъ давно ожидаетъ!—раздался громкій голосъ.

Когда Нюта вошла въ небольшой свѣтлый покойчикъ со столами и скамейками, какъ въ школѣ, съ черной аспидной доской-мольбертомъ въ углу и съ каѳедрой для лектора посрединѣ, ей живо пришелъ на память институтскій классъ, такіе-же столы-пюпитры, такія же длинныя скамейки, такія же каѳедра и доска.

Въ аудиторіи находились всѣ пять „испытуемыхъ“, въ ситцевыхъ платьяхъ и полосатыхъ синихъ рабочихъ передникахъ, съ черными косынками на головахъ. Нюта быстрымъ взглядомъ окинула ихъ. Была здѣсь и пожилая, сѣдовласая сестра, съ худыми, морщинистыми щеками, и крѣпкая, здоровая, купеческаго типа, краснощекая женщина, съ простоватымъ лицомъ, и три совсѣмъ молоденькія, почти юныя сестры, съ веселыми, по-дѣтски довольными лицами, хихикавшія чему-то въ углу комнаты.

— Ну, вотъ и вы, сестренка! Теперь можно и начинать,—привѣтствовалъ Нюту знакомый уже ей докторъ Козловъ, наскоро пожимая дѣвушкѣ руку.—Вы, сестричка, умудрились какъ разъ въ „самую центру вгодить“, какъ говоритъ мой почтенный коллега докторъ Ярменко... Ваше поступленіе въ нашу богоспасаемую обитель какъ разъ совпало съ началомъ лекцій... А что, небось, не больно-то ладно, сестричка, на школьную скамью возвра-

щаться? Ну, да ничего не подѣлаешь. Черезъ шесть недѣль косынку уголкомъ носить станете и себя ухъ какой мудрой дѣвицей считать будете!—и внезапно сдѣлавшись серьезнымъ, теряя обычную шутливую улыбку на своемъ свѣжемъ по-стариковски лицѣ, Козловъ произнесъ совсѣмъ уже инымъ тономъ:

— А вы, сестричка, насчетъ анатоміи какъ?

— Я ее проходила въ институтѣ. У насъ для желающихъ существовалъ особый классъ, былъ устроенъ курсъ анатоміи, гигіены и первой помощи. Послѣдней, впрочемъ, меня мама еще въ дѣтствѣ, когда я была десятилѣтнею дѣвочкою, выучила,—смущенно вспыхнувъ, произнесла Нюта.

— Ого!—промолвилъ Козловъ такимъ тономъ, что Нюта не поняла, обрадовался онъ или посмѣялся надъ нею.—Ого! Да вы совсѣмъ у насъ ученая барышня. Васъ, пожалуй, и проэкзаменовать можно. А? Только чуръ! Я бодаться золъ какъ и всякій козелъ. Берегитесь ошибаться, сестрица!

Три молоденькія „испытуемыя“ смѣшливо фыркнули при этой шуткѣ. Пожилая сердито нахмурилась. Румяная „купчиха“ съ откровеннымъ благоговѣніемъ взглянула на Нюту. Она наканунѣ только спутала два понятія, анатомія и астрономія, и, будучи дежурной, крикнула на весь коридоръ: „На лекцію астрономіи пожалуйте, сестры“,—къ немалому удовольствію молодыхъ сестеръ.

— Ну-съ, ученая сестричка,—снова обратился къ Нютѣ Козловъ,—пожалуйте-ка сюда. Вотъ вамъ анатомическій атласъ. Разскажите, что вы знаете о сухожиліяхъ, ась?

Вся красная отъ смущенія, Нюта сначала робко, потомъ все смѣлѣе и смѣлѣе передавала все, что знала по заданному вопросу.

Она не хотѣла сознаться Козлову, какъ долго и усидчиво приходилось ей сидѣть послѣдніе мѣсяцы за учебниками, передъ тѣмъ какъ поступить въ общину.

Козловъ слушалъ дѣвушку внимательно, не прерывая ея ни на минуту.

Когда она кончила, онъ посмотрѣлъ на нее строго, почти недоброжелательно, сердито, что такъ мало гармонировало съ его радушнымъ улыбающимся лицомъ, и сурово бросилъ вопросъ:

— А насчетъ гигіены какъ? Первое предостереженіе заразы знаете, при оспенномъ заболѣваніи напримѣръ?

Нюта успѣла почерпнуть и эти свѣдѣнія въ послѣдній мѣсяцъ пребыванія дома. Разсказала кратко и просто то, что требовалось отъ нея. Слушая ея отвѣтъ, Козловъ моталъ головой и отъ времени до времени испускалъ многознательное „гм! гм!“.

— А повязку, бинты на лубки наложить умѣете?

— Умѣю,—робко проронила Нюта.

— Ужъ будто?—прищурился Козловъ.—И по хирургіи значитъ сильна. А вотъ, посмотримъ: сдѣлайте на

мнѣ повязку; у меня карбункулъ *) на плечѣ, т.-е. вѣрнѣе на сюртукѣ... Можете вы себѣ представить, что у меня на сюртукѣ карбункулъ?

Нюта взглянула на доктора. Лицо его было совершенно серьезно, даже сердито, брови сурово сдвинуты, а глаза смѣялись.

— Вотъ вамъ бинтъ,—вынимая изъ ящика стола бѣлый свертокъ и подавая его Нютѣ, проговорилъ онъ отрывисто,—жарьте повязку.

Волнуясь, какъ школьница, Нюта взяла марлю и ловко засновала пальцами поверхъ сюртука доктора. Черезъ минуты двѣ-три плечо Козлова оказалось забинтовано марлевымъ бинтомъ самымъ искуснымъ образомъ.

— Готово!—сорвалось застѣнчиво съ губъ Нюты. Въ душѣ ея закипѣлъ невольный страхъ:—„А вдругъ не такъ что-нибудь?“ „Вдругъ не понравится?..“ „Засмѣетъ, разсердится, пожалуй“.

Козловъ между тѣмъ, подумавъ немного, ударилъ кулакомъ по столу каѳедры и крикнулъ на всю аудиторію громкимъ, свирѣпымъ голосомъ:

— И на кой лядъ вы лѣзете сюда!?

Нюта вздрогнула съ головы да ногъ. „Вотъ оно! Не угодила! Сплоховала! Все пропало! Все!“ — мысленно произнесла дѣвушка, блѣднѣя и трепеща.

— И на кой лядъ... вы...—снова загремѣлъ Козловъ

*) Очень серьезный, опасный нарывъ.

и вдругъ звонко, весело и добродушно расхохотался. Все лицо его смѣялось, смѣялись губы, смѣялись глаза, смѣялись безчисленныя морщинки, бороздившія кожу.

— Шутъ знаетъ что! Готовая сестра. Хоть сейчасъ на самое отвѣтственное дежурство посылай ее, а она въ курсистки, изволите ли видѣть, лѣзетъ! Да, сестричка-голубушка, знаете ли, что ученаго учить только портить. Ступайте вы къ Ольгѣ Павловнѣ, сестричка, и скажите вы ей, что пусть она васъ по спеціальностямъ разнымъ, на лекціи по глазнымъ болѣзнямъ, зубнымъ и массажу посылаетъ, а меня отъ себя избавьте. И знать васъ не хочу!—и онъ замахалъ обѣими руками на Нюту и отскочилъ отъ нея съ такимъ видомъ, точно передъ нимъ находилось какое-нибудь чудовище, а не дѣвушка-сестра съ молодымъ, привѣтливымъ, теперь исполненнымъ счастья, лицомъ.

Не слыша ногъ подъ собою, вышла изъ аудиторіи Нюта.

Лишь только миніатюрная, тоненькая фигурка дѣвушки скрылась за дверью, Козловъ, окинувъ глазами своихъ немногочисленныхъ слушательницъ, развелъ съ комическимъ видомъ руками.

— Вотъ тебѣ на, сестрицы! Неожиданность, могу сказать, девяносто шестой пробы!.. Вотъ, поди-жъ ты, „сурпризъ“ какой, какъ выражается сидѣлка Аннушка... Думалъ, грѣшнымъ дѣломъ, какъ увидѣлъ сестру Трудову: „куда тебѣ, матушка, въ сестры идти, у тебя

платьице у француженки первоклассной сшито, а ногти на розовыя помадки похожи; тебѣ „файфъ-клоки“ разные, да рауты посѣщать, да лепетать, какъ сорока, на французскомъ діалектѣ, бѣлоручка ты, барышня великосвѣтская; небось, двумя пальчиками, оттопыривъ мизинчики, будешь больныхъ приподнимать...“ А она то... ахъ, семь тебѣ восемь, просто сконфузила меня, старика. Ей Богу! И не будь я, вашъ старый ворчунъ, докторъ Козелъ бодливый, если она, Трудова то есть эта самая, еще не отличится такъ, что вы ахнете всѣ!—съ теплой улыбкой заключилъ мягкими, задушевными звуками рѣчь свою Валентинъ Петровичъ.

□ □

Въ это время Нюта спѣшила въ квартиру начальницы по длинному коридору, гдѣ теперь, благодаря вечернему часу, горѣли рѣдкіе электрическіе рожки.

Смутно помня дорогу, дѣвушка шла наугадъ. Вотъ стеклянная знакомая дверь. Она почему-то открыта. Нюта неслышно входитъ въ нее. Крошечная походная комната... За нею другая... Темно... Только изъ третьей льется струя свѣта. Нюта, не отдавая себѣ отчета, входитъ туда и замираетъ на порогѣ...

У иконъ, помѣщенныхъ въ старинномъ угловомъ кіотѣ, теплится лампада. А передъ кіотомъ, распростершись на полу, какъ бы замеревъ въ земномъ поклонѣ, лежитъ Шубина.

Смущенная Нюта хочетъ повернуть обратно, уйти незамѣтно и точно какая-то сила приковываетъ ее къ мѣсту. Ольга Павловна поднимаетъ голову. Нюта видитъ ея лицо въ профиль и не узнаетъ его. Оно залито слезами. Слезы текутъ непрерывно, сбѣгаютъ по щекамъ, падаютъ на сухую, плоскую грудь начальницы.

— Боже, Великій и Милосердный!—шепчетъ сестра-начальница,—чѣмъ я прогнѣвила Тебя?! Новая смерть!.. новая жертва!.. О, Всесильный, Милостивый Господь! услышь мою молитву, сбереги мнѣ дѣтей моихъ, любимыхъ моихъ, дорогихъ дѣтей-сестеръ!.. Если нужно, понадобится новая жертва Тебѣ, Создатель, понадобится новое испытаніе, возьми мою старую ненужную жизнь, Боже Всемогущій, и огради отъ гибели и смерти ввѣренныхъ мнѣ сестеръ. Возьми мою жизнь, Господи! Не дай погибнуть сестрамъ моимъ, какъ Наташѣ...

Внезапно она поднялась съ колѣнъ, высокая, прямая, съ лицомъ, исполненнымъ самоотверженія, жажды подвига, готовности принести всю себя въ жертву за другихъ. Изъ ея влажныхъ, залитыхъ слезами, глазъ исходилъ свѣтъ, дѣлавшій все ея некрасивое пожилое лицо молодымъ, вдохновеннымъ, почти прекраснымъ. Чистая, красивая душа этой женщины смотрѣла изъ ея глазъ, изъ ея лица, обычно такого суроваго, строгаго, жесткаго, почти отталкивающаго своей недоступностью. Нюта неудержимо потянуло упасть къ ея ногамъ, цѣловать ея руки.

Такъ вотъ какая теплота, невыразимая, самоотверженная любовь царили въ душѣ этой женщины, по виду такой сухой и холодной!

Легкій вздохъ вырвался изъ груди Нюты; но какъ ни тихъ былъ этотъ вздохъ, онъ достигъ до чуткаго слуха Ольги Павловны.

— Что вамъ угодно, сестра Трудова? — сразу принимая свой обычный ледяной видъ, произнесла начальница. И брови ея нахмурились. Въ глазахъ мелькнулъ огонекъ досады.

Но Нюта не успѣла отвѣтить, такъ какъ въ это время вбѣжала запыхавшаяся, черненькая, какъ мушка, сестра Двоепольская.

— Ольга Павловна... Наташу увозятъ... Литію въ амбулаторіи сейчасъ будутъ служить...—проговорила она и исчезла такъ же быстро, какъ появилась, за дверью.

— Идемъ, сестра... Вы ея не знали, но, какъ усопшему другу страдающаго человѣчества, воздадите ей послѣдній долгъ... — произнесла Шубина, взявъ подъ руку Нюту и выходя съ нею изъ своей квартиры.

Въ амбулаторіи, гдѣ работала покойная Есипова, собралась вся община, всѣ сестры, бывшія налицо, доктора, администрація, прислуга. Нюта видѣла закрытый наглухо гробъ, тихо покачивавшійся на плечахъ сестеръ, пожелавшихъ нести до воротъ усопшую подругу, и высокаго старика, съ лицомъ, закаменѣвшимъ отъ горя, печальнаго, какъ сама смерть. То былъ отецъ

умершей. Передъ ней мелькнуло заплаканное личико Розочки, блѣдное, серьезное, строгое лицо Юматовой. взволнованныя лица другихъ сестеръ.

Священникъ, престарѣлый, библейскаго вида, старецъ, дрожащимъ голосомъ читалъ молитвы. Сестры пѣли. И протяжный, трогательный напѣвъ „Святый Боже“ наполнялъ собою, казалось, каждый уголокъ огромнаго бѣлаго зданія общины.

Когда литія кончилась, сестры вынесли гробъ на улицу, гдѣ служителя помѣстили его въ заранѣе заготовленный свинцовый ящикъ, который поставили на ожидавшіе у воротъ дроги.

Сестры пропѣли въ послѣдній разъ, и дроги тронулись по направленію къ желѣзнодорожному вокзалу, такъ какъ отецъ умершей сестры милосердія рѣшилъ увезти въ родовое имѣніе тѣло единственной дочери, чтобы опустить его тамъ въ фамильный склепъ.

— Была Наташа и нѣтъ Наташи! — прозвучалъ вблизи Нюты голосъ одной изъ сестеръ.

Дѣвушка взглянула на сестру-начальницу. Но лицо Ольги Павловны снова замерло въ его ледяномъ покоѣ. На немъ не было видно ни тѣни волненія и недавнихъ слезъ...

Оно было замкнуто, холодно и спокойно.

ГЛАВА IX.

ПРОШЛИ двѣ недѣли.

Вихремъ пронеслись дни, смѣняясь и чередуясь, какъ въ калейдоскопѣ. Жизнь вертѣла неустанно, день и ночь, свое быстрое, неутомимое колесо, и въ этомъ колесѣ вертѣлась, кружилась, кипѣла и горѣла Нюта. То, что приходилось переживать ей теперь, казалось какой-то сплошной горячей вакханаліей работы.

Бурливая своею кипучею дѣятельностью наступила теперь новая эра Нютина существованія.

Поднимаясь ежедневно въ семь часовъ, она спѣшно причесывалась, мылась, одѣвалась и, проглотивъ наскоро чай, послѣ общей молитвы летѣла въ амбулаторный пріемъ.

Необходимо было приготовить инструменты, теплую воду, дезинфекцію и лекарства къ пріему больныхъ, облить и тщательно еще разъ обтереть растворомъ сулемы скамьи и столы, вымытые наканунѣ.

Въ девять собирались больные. Ихъ иной день бывало до тысячи человѣкъ.

Тутъ-то и начиналось самое пекло горячечной работы. Не чуя ногъ подъ собою, Нюта носилась изъ одного конца пріема на другой. Здѣсь перевязывала, тамъ обмывала раны, отсчитывала капли лекарствъ, помогая докторамъ и старшимъ сестрамъ, какъ могла и умѣла.

Отъ лекцій въ аудиторіи она была освобождена, кромѣ спеціальныхъ по глазнымъ, зубнымъ и горловымъ болѣзнямъ. Но это были нетрудные, легко усвоиваемые предметы, и просидѣть и прослушать эти предметы было скорѣе удовольствіемъ, нежели трудомъ для Нюты. Точно также было пріятно изучать и массажъ. Труднѣе чувствовалась общинная жизнь при иныхъ обстоятельствахъ.

Каждую субботу младшія и испытуемыя сестры должны были производить полную, основательную уборку пріемныхъ покоевъ, до мытья половъ включительно. И тутъ-то жутко приходилось Нютѣ съ непривычки: таскать тяжелыя ведра съ водою, разведенной крѣпкимъ дезинфецирующимъ составомъ, скрести цѣлыми часами полъ, ползая на колѣняхъ, оставаться подолгу на вѣтрѣ и сквознякахъ при открытыхъ форточкахъ. Хуже всего допекали дѣвушку острые, ѣдкіе дезинфецирующіе составы, къ которымъ приходилось прибѣгать во время уборки. Крѣпкій растворъ сулемы и карболки разъѣдалъ ея нѣжныя руки. Бѣлая кожа потрескалась и сморщилась на пальцахъ, ладони покрылись мозолями и загрубѣли.

Да и вся Нюта, не только руки ея, измѣнилась до неузнаваемости въ этотъ короткій срокъ. Новый скромный полотняный халатикъ, платье и широкій докторскій передникъ скрадывали теперь тонкую и врожденную грацію ея изящной фигурки. Черная косынка, покрывавшая голову, придавала дѣвушкѣ видъ послушницы изъ монастыря.

Изрѣдка останавливалась она передъ туалетомъ Розочки, заглядывала въ зеркало и не узнавала себя.

— Г'осподи! Да неужели же это я? Я—Нюта Вербина, та самая Нюта, что еще двѣ недѣли тому назадъ разливала чай въ японской гостиной и любезной улыбкой свѣтской барышни отвѣчала на шутки гостей?!

Сестры, которыя вначалѣ косо поглядывали на „барышню-бѣлоручку“, которую онѣ предполагали встрѣтить въ Нютѣ, теперь, внимательно приглядѣвшись къ трудолюбивой, выносливой, работавшей не покладая рукъ дѣвушкѣ, измѣнили, казалось, свое первоначальное мнѣніе о ней. Одна только ни чѣмъ не довольная, грубоватая сестра Клементьева все еще недоброжелательно поглядывала на Нюту и то и дѣло грубо „шпыняла“ ее за всякій самый незначительный промахъ. Да еще сестра-помощница Марія Викторовна почему-то не взлюбила ея и, встрѣчаясь съ нею, ехидно поджимала свои и безъ того тонкія губы и роняла мимоходомъ:

— Преуспѣваете, сестрица! Слышала, слышала... Только вотъ какъ дальше-то на дежурствахъ пойдетъ... Это еще что—цвѣточки, сестрица; ягодки впереди, впереди... Да... Трудненько вамъ придется. Не привыкли вы съ дѣтства къ труду. Въ холѣ росли, очевидно...

Ахъ, какъ не терпѣла Нюта эту притворно-любезную, но таившую въ себѣ змѣиное жало, сестру! Впрочемъ, не одна Нюта не выносила Мартыновой: вся община

единодушно ненавидѣла „Марихенъ“ и „ехидку“, какъ сестры окрестили ее.

Тяжелый физическій трудъ, вѣчное стремленіе успѣть во-время съ работой, постоянная напряженность дѣлали то, что къ вечеру измученная до полусмерти Нюта едва добиралась до постели, падала на нее какъ снопъ и засыпала мертвымъ сномъ.

Она не слышала, какъ собирались въ ихъ комнатѣ сестры, предпочитая „десятый номеръ“ всѣмъ прочимъ помѣщеніямъ общежитія. Не слышала, какъ приходила сестра Двоепольская съ гитарой и, наигрывая на ней цыганскія и русскія пѣсни, подтягивала симпатичнымъ, тоненькимъ, чуть надтреснутымъ голоскомъ. Не слышала, какъ Розочка, разойдясь иногда, проходила павой подъ звуки „по улицѣ мостовой“ русскую, къ общему удовольствію сестеръ, или какъ блѣдная, тонкая, грустная Юматова нѣжно и красиво декламировала Надсона, любимаго своего поэта, съ захватывающимъ выраженіемъ произнося стихи. Не слышала, какъ толстая Кононова разсказывала про свое родное село, гдѣ она жила у отца-дьякона, доводившагося ей дядей, и пекла просфоры, прежде нежели поступить сюда.

Нюта ничего не слышала, не видѣла, не ощущала въ такія минуты.

Она спала, какъ мертвая, безъ всякихъ сновидѣній и грезъ.

□ □

— Ну, Мариночка, цѣлуйте меня. Я принесла вамъ радость. Цѣлуйте скорѣй!—и вбѣжавшая въ комнату Розочка подставила Нютѣ одну за другой свои свѣжія, смѣющіяся и сіяющія обычными лукавыми ямочками щеки.

Нюта, присѣвшая послѣ долгаго, утомительнаго рабочаго дня въ покойное мягкое кресло и сшивавшая длинные, казалось, безконечные бинты изъ марли, подняла на вошедшую свои большіе сѣрые вопрошающіе глаза.

— И все-то она вретъ, Розочка... Не слушайте вы ея, языкъ безъ костей, мелетъ, что хочетъ,—грубовато пошутила Кононова, отдыхавшая на постели послѣ дневного дежурства.

Юматовой не было. Она отпросилась на кладбище навѣстить могилки дѣтей.

— Ну, ужъ вы бы помалкивали, госпожа просфирня,— задорно надувая губки, произнесла Катя.—Вы на бѣдную Розочку всегда рады напасть, а Розочка, дѣйствительно, принесла новость. Очень хорошую, очень желанную для кого-то новость!

И сдѣлавъ лукавую рожицу, Катя покосилась на Нюту.

— Что такое, сестра?

Большіе сѣрые глаза Вербиной вспыхнули. Румянецъ залилъ блѣдное лицо.

— Не томите, Катюша,—шепнула она чуть слышно.

— Ну, ужъ такъ и быть, смилостивлюсь, скажу!

Ольга Павловна васъ нынче на ночное дежурство въ баракъ на помощь сестрѣ Клеменсъ назначитъ. Что, не ожидали? Да?

— Ахъ!

Въ этомъ „ахъ“ сказалась вся, бурная, алчущая, давно ждавшая этого случая, душа Нюты.

Дежурство въ баракѣ! Такъ вотъ она, такъ долго желанная цѣль!

Какъ она мечтала объ этомъ, всю эту недѣлю, мечтала робко, несмѣло въ тайникахъ своей души, въ самыхъ потаенныхъ глубинахъ мыслей.

Первое дежурство!

Только настоящая, закаленная сестра, „крестовая“, дѣятельница общины, могла надѣяться на такое лестное довѣріе со стороны начальницы.

— Полно, Катюша, вы не ослышались ли?—застѣнчиво освѣдомилась она, боясь повѣрить своимъ ушамъ,— дѣйствительно меня, а не кого другого назначили на ночное?

— Она великолѣпна, эта Мариночка! Сестра Кононова, Кононіха, просфирня заспанная, взгляните вы только на этотъ экземпляръ! Не вѣритъ своему счастью! Кононова, вамъ я говорю или нѣтъ?—тормошила Розочка снова задремавшую было сестру.

Та разсердилась.

— Ужо, постойте, я въ васъ запущу подушкой,— говорила Кононова.—Спать невмоготу хочется, а она

не даетъ покоя. Да отстань ты отъ меня, верченная, тьфу, прости меня Богъ.

— Какая есть, не взыщите-съ,—комически, по-мужски расшаркиваясь передъ Кононовой, хохотала Розочка, и, сморщивъ свой хорошенькій носикъ, оттянувъ углы рта и задравъ голову, она мелкими шажками затрусила по комнатѣ и затянула тоненькимъ голоскомъ съ ехидно-любезной улыбочкой на лицѣ:

— Вы, сестрица, немножечко изволили провиниться передъ уставомъ нашей глубоко почитаемой общины... И вы, сестрица, осмѣлюсь васъ предупредить, нарушили этимъ одно изъ...

— Ха-ха-ха! Да вѣдь это Марихенъ наша! Сразу узнать! Какъ ты это ее ловко! Ай да Розочка!—захохотала своимъ грубымъ, добродушнымъ смѣхомъ Кононова, тяжело поднимаясь и садясь на постели.—Ну тебя, довольно, уморила, не могу!

— Уморила, уморила, уморила!—запѣла вдругъ на все общежитіе Розочка, будя и вспугивая, какъ притаившуюся птицу, нѣмую тишь коридоровъ и комнатъ.

Въ ту же минуту пріоткрылась дверь, и въ десятый номеръ просунулась голова помощницы.

— Вы, сестрица, немножечко изволили...—затянула съ ехидной улыбочкой Марья Викторовна и не докончила фразы. Розочка прыснула и, бросившись въ уголъ между шкапомъ и печкой, тряслась отъ смѣха, надрывавшаго все ея существо. Толстая Кононова уткнулась

въ подушку носомъ и, давясь отъ хохота, тоже тряслась вся, всѣмъ своимъ огромнымъ тѣломъ.

— Вы, сестрица, изволили нарушить...—тянула въ дверяхъ Мариxенъ, удивленно-негодующими глазами переходя отъ одной смѣющейся фигуры къ другой.

И вдругъ, понявъ причину общаго смѣха, багрово покраснѣла и пробормотала себѣ подъ носъ:

— Невозможно выносить больше этого! Въ десятомъ номерѣ сестра Розанова республику какую-то устроила! Стыдъ и срамъ!

И разсерженная скрылась за дверью. Нюта, едва сдерживая улыбку, смотрѣла ей вслѣдъ.

ГЛАВА X.

— Ну, вотъ и театръ военныхъ дѣйствій! Съ Богомъ, поручикъ! Сестра Клеменсъ, вотъ вамъ помощница на сегодняшнюю ночь.

И Розанова отвѣсила низкій, поясной, умышленно-форсированный поклонъ пожилой дежурной сестрѣ, женщинѣ, съ подвязанною щекою и съ выраженіемъ тупого страданія на лицѣ.

— Что это, у васъ зубы болятъ?—неожиданно переходя на иной тонъ, сочувственный и теплый, освѣдомилась у нея Катя.

— Да, флюсъ... Пломбировать идти къ сестрѣ Богда-

новой надо,—съ чуть замѣтнымъ не-русскимъ акцентомъ произнесла сестра.—Всю ночь ноетъ сегодня... А больные, какъ на зло, неспокойные нынче. Ужасъ!

— Хотите, смѣню васъ?—живо предложила Розанова.

— Ахъ, нѣтъ, что вы. Вы предыдущую ночь дежурили, Богъ съ вами! -сконфузилась нѣмка.

— Ну, какъ хотите... Пойду Юматову ублаготворять. Тоже сегодня глазъ не сомкнетъ ночью... Наплакалась на кладбищѣ, бѣдняжка. Счастливо оставаться, Мариночка. Прощайте, сестра Клеменсъ, доброй ночи.

— Доброй ночи, милое дитя.

Нѣмка долго смотрѣла вслѣдъ Катѣ, до тѣхъ поръ пока миніатюрная фигурка сестры-дѣвочки не скрылась за дверью тифознаго барака.

— Ну, въ добрый часъ! Начинайте съ Богомъ!—обернувшись къ Нютѣ, проговорила она.—Прежде всего надо термометры поставить и компрессы перемѣнить на ледяные мѣшки. А я пойду поить чаемъ номера второй и восьмой, а потомъ въ мужское отдѣленіе пройти надо. Вы справитесь одна? У меня здѣсь двадцать шесть больныхъ женщинъ и одинъ ребенокъ.

— Справлюсь... дастъ Богъ...—тихо проронила Нюта и вошла въ баракъ.

Электрическія лампочки подъ матовыми колпаками освѣщали бѣлыя, яркія, окрашенныя клеевой краской, стѣны. По обѣ стороны широкой входной двери, ве-

дущей въ коридоръ, изголовьями къ стѣнамъ стояли два ряда кроватей съ больными, образуя посреди комнаты большой, свободный проходъ.

Надъ изголовьемъ каждой койки, на высокомъ металлическомъ прутѣ, была прибита черная дощечка съ бѣлою, сдѣланною латинскими буквами, надписью—названіемъ болѣзни. Между кроватями въ узенькихъ проходахъ стояли шкапики-столики. Въ углу висѣлъ большой образъ, изображающій Вознесеніе Господне, съ мерцающей передъ нимъ лампадой. У дверей находилась постель дежурной сидѣлки. Въ окна съ опущенными бѣлыми шторами проникала петербургская ночь.

Все это Нюта успѣла осмотрѣть однимъ взглядомъ, когда съ крайней постели неожиданно послышались стоны.

Нюта поспѣшила туда.

На высоко взбитыхъ подушкахъ покоилось блѣдное, желтое, высохшее какъ пергаментъ, лицо старухи, съ заострившимися чертами, съ двумя пятнами лихорадочнаго, багроваго румянца, выступившими на рѣзко выдававшихся скулахъ, обтянутыхъ желтой, сморщенной кожей. Сѣдыя космы волосъ выбивались изъ-подъ чепца. Губы, потрескавшіяся отъ жара, неслышно шептали что-то.

— Что, тебѣ, бабушка, плохо?.. Да? — наклонилась надъ старухой Нюта.

— Плохо... сестрица... Плохо, милосердненькая... Ой,

смертушка никакъ идетъ ко мнѣ... Маятно мнѣ, сестричка... Родименькая, ой, маятно мнѣ... Охъ, маятно, сердешная, все нутро горитъ... Испить бы...

— Попей, бабушка, Господь дастъ, полегче станетъ.

И Нюта, осторожно приподнявъ отяжелѣвшую голову старухи, другою беретъ кружку съ питьемъ, стоящую тутъ же на столикѣ, и подноситъ къ ссохшимся отъ жара губамъ, потомъ быстрыми и ловкими руками разбинтовываетъ больной животъ старухи (у нея былъ брюшной тифъ въ затяжной формѣ), снимаетъ нагрѣвшійся какъ печь, сухой компрессъ, смачиваетъ его у крана въ коридорѣ и, плотно выжавъ, снова укладываетъ на прежнее мѣсто, прикрывъ его клеенкой съ фланелью, и быстро забинтовываетъ животъ.

— Пошли тебѣ Господь, сестринька, родненькая... Полегше будто,—залепетала, успокаиваясь, старуха.— Ишь ты, молоденькая какая, годочковъ-то семнадцать есть ли? — внезапно, засмотрѣвшись на Нюту, освѣдомляется она.

— Девятнадцатый ужъ кончается, бабушка, старуха уже я,—шутитъ Нюта, кивнувъ съ ободряющей улыбкой больной, ставитъ ей градусникъ подъ-мышку и спѣшитъ къ другой больной.

По сосѣдству съ койкой старухи лежитъ молодая дѣвушка изъ фабричныхъ. Она мечется безъ памяти и бредитъ запекшимися губами.

Нюта зоветъ сидѣлку и при ея помощи мѣняетъ

пузырь на головѣ больной, перебинтовываетъ ее и поитъ водою.

Дальше обходитъ Нюта баракъ. Старыя и молодыя, изможденныя недугомъ, лица. Больные стонутъ, кричатъ. У иныхъ широко раскрыты лихорадочно сверкающіе глаза. Иные спятъ, другіе мечутся безъ памяти, выговаривая безсвязныя, дикія слова. Какой-то сплошной сумбуръ смѣшанныхъ, рѣзкихъ, невнятныхъ звуковъ наполняетъ тифозный покой. Странно и жутко ихъ слышать съ непривычки.

И вдругъ громкій, пронзительный вопль острымъ, рѣжущимъ звукомъ пронизываетъ покой. Вопль несется съ крайней койки, что у окошка. Нюта, испуганная, потрясенная, бѣжитъ туда.

На койкѣ сидитъ маленькая, скорчившаяся фигурка. Сидитъ и кричитъ въ одну ноту пронзительнымъ, тягучимъ воплемъ, раздирающимъ душу.

Нюта видитъ наголо остриженную, какъ шаръ круглую, черную головенку, огромные, сверкающіе безумнымъ огнемъ, черные, какъ двѣ ямы глубокіе, глаза и ссохшіяся искривленныя губы. Ослѣпительно бѣлые зубы, чуть покрытые желтоватымъ налетомъ, эти огромные прекрасные глаза напоминаютъ кого-то Нютѣ.

— Боже, да вѣдь это давешній итальянецъ!.. Маленькій шарманщикъ! Какъ я раньше не узнала его!— просыпается въ головѣ дѣвушки неожиданная догадка.

Она поднимаетъ глаза на черную дощечку и читаетъ:

„Джіованни Маркони, шарманщикъ, уроженецъ Венеціи; девяти лѣтъ“.

— Тебѣ худо, милый?—наклоняется она къ мальчику.

Черные глаза поднимаются на нее съ безумнымъ выраженіемъ, созданнымъ нечеловѣческой мукой, и вдругъ что-то похожее на сознаніе пробуждается въ нихъ. Вопль, разрывающій грудь, прерывается на мгновеніе. Двѣ худыя, какъ плеточки, измученныя жестокимъ недугомъ ручки внезапно обвиваются вокругъ шеи Нюты.

— Mia sorella! *) — шепчутъ пересохшія губки и пышутъ нестерпимымъ жаромъ въ лицо Нюты.

Блаженная улыбка скользитъ по нѣжнымъ чертамъ маленькаго больного и исчезаетъ въ безднахъ его черныхъ сверкающихъ глазъ.

Онъ такъ впился ручеиьками въ шею Нюты, что трудно вырваться отъ него. Съ сосѣдней койки приподнимается женская голова.

Это выздоравливающая. Видъ у нея не такой слабый, хотя изможденное, исхудалое, какъ тѣнь, лицо говоритъ безъ словъ о недавно пережитыхъ жестокихъ страданіяхъ.

— Вотъ онъ все такъ... Итальянчикъ этотъ,—говоритъ шопотомъ женщина,—сестру Юматову „madre“ **)

*) Моя сестра.
**) Мать.

величалъ; васъ по-иному, сестрица. И безпокойный какой, страшное дѣло: его намедни сестрица-дежурная привязывала къ постели... Вскакивалъ все, да и ну бѣжать, только смотри... Жаръ у него, 41°, сказывали, показывало поутру...

Но Нюта и безъ этого объясненія знала, что мальчикъ въ жару. Его горячее тѣльце буквально палило, какъ солнце юга въ полдень. Было душно и жутко отъ этой ужасной температуры въ маленькомъ, безпомощномъ человѣческомъ тѣлѣ.

Вдругъ Джіованни заметался снова...

— Mia testa!.. Mia testa! *) — завопилъ онъ, хватаясь обѣими руками за голову, на которой лежалъ прикрѣпленный ремнемъ ледяной пузырь.

— Та molts colds! Та molts colds! **) — кричалъ онъ, изступленно бросаясь изъ стороны въ сторону.

И опять громкій, быстрый лепетъ:

— Non sto froppo bene! Angelo mio! ***).

Нюта не безъ труда уложила его снова на подушку, поправила съѣхавшій на бритой головкѣ пузырь и, обернувшись, спросила тихо сосѣдку Джіованни.

— Неужели онъ все время такъ мучится?

— Да, сестрица. Говорятъ, его дѣло плохо. Докторъ этого бѣдняжку особо навѣщаетъ помимо обхода. Жаль

---

*) Моя голова! Моя голова!
**) Очень жарко! Очень жарко!
***) Я не совсѣмъ здоровъ. Ангелъ мой!

мальченка... Извѣстно—дите... Малое еще... Умирать рано быдто... А красавчикъ-то какой, заглядѣнье просто... Писаный...

— А вы кто, больная?—обратилась ласково Нюта къ женщинѣ, ставя ей термометръ.

— Мы прачки... Матреша Сидорова... Работала по осени, да видно нутро застудила... Страсть разболѣлось... Спасибо докторамъ да сестрицамъ, отходили, пошли вамъ всѣмъ здоровья Господь,—заключила женщина и стыдливымъ движеніемъ руки смахнула слезу, скатившуюся у нея съ рѣсницы.

Нюта опять ласково ей улыбнулась и продолжала обходъ палаты.

□ □

Было около полуночи, когда, напоивъ послѣднюю больную, Нюта готовилась уже идти въ мужское отдѣленіе на помощь дежурной Клеменсъ. Но неожиданный шорохъ въ углу заставилъ ее быстро обернуться и чуть не вскрикнуть отъ испуга.

Койка Джіованни была пуста. Больной мальчикъ въ длинной, бѣлой, до пятъ, больничной рубахѣ быстрыми неровными шагами бѣжалъ, шлепая голыми пятками по полу, по направленію къ двери. Его лицо было красно, какъ кумачъ. Онъ быстро размахивалъ руками, а черные глаза, наполненные безумiемъ горячки, безсмысленно таращились изъ-подъ сведенной линіи бровей.

— Джіовани! Куда ты?! Остановись!—вырвалось испуганно и громко изъ груди Нюты, и въ два прыжка она настигла его.

— Остановись, Джіованни! Куда ты! Ложись въ постель, дорогой мой!

И она схватила за плечи ребенка, силясь поднять его и унести.

Но изумительно ловкимъ поворотомъ тѣла, изогнувшись, какъ кошка, Джіованни вывернулся изъ-подъ руки Нюты и бросился за дверь, гулко шлепая босыми ножками по каменному полу коридора.

Нюта что было духу кинулась за нимъ. Было что-то жуткое въ этомъ бѣгѣ больного, охваченнаго безумiемъ тифозной горячки, мальчика. Его исхудалыя ноги не успѣли однако утерять изумительную быстроту, или, быть можетъ, горячка давала имъ эту быстроту. Запыхавшаяся, блѣдная отъ бѣга и страха за участь больного, Нюта мчалась за нимъ стрѣлой. Какъ нарочно, въ длинномъ коридорѣ барака не было ни души. Въ пріемной больницы—то же. Крикнуть, позвать на помощь нельзя было. Крикомъ Нюта могла бы на смерть перепугать больныхъ. А многіе изъ нихъ были такъ слабы.

Джіованни между тѣмъ все несся впередъ.

Вотъ онъ уже въ концѣ коридора... Тамъ бѣлѣется входная дверь, ведущая на террасу и въ садъ... Если дверь окажется запертой — спасеніе: Нюта схватитъ

охваченнаго припадкомъ безумія мальчика и унесетъ въ баракъ.

— Джіованни, стой!—послала она еще разъ въ пространство, задыхающимся отъ волненія и бѣга голосомъ.—Ради Бога, стой, Джіованни!

Джіованни какъ будто не слышалъ словъ Нюты. Онъ въ два прыжка перерѣзалъ оставшееся ему до двери пространство, схватился за ручку ея, и изо всей силы рванулъ дверь къ себѣ.

Нюта тихо ахнула и кинулась за нимъ... Холодная, сырая струя осенняго ночного воздуха ворвалась въ коридоръ. Ночная мгла, чуть освѣщенная уличными фонарями, прокрадывалась въ садъ. Сбѣжать по каменнымъ ступенямъ террасы и, что было духу, пуститься вдоль по дорожкѣ, шурша опавшими листьями, было для Джіованни дѣломъ одной секунды. Въ одной длинной больничной рубашкѣ, худой, костлявый, съ горящими огнемъ безумія глазами, онъ походилъ на призракъ.

Нюта поняла одно: если она не настигнетъ сейчасъ, не остановитъ мальчика, онъ выбѣжитъ на улицу, гдѣ неизбѣжная гибель ждетъ Джіованни. Онъ могъ попасть подъ колесо экипажа, подъ трамвай, наконецъ, въ рѣку, бурливо плещущую тамъ, за набережной, свои мутныя октябрьскія воды...

И внѣ себя отъ ужаса Нюта крикнула на весь садъ:

— Стой, Джіованни! Тебѣ говорятъ, стой!

Вѣроятно, много силы, силы смертельнаго отчаянія и ужаса было въ этомъ крикѣ обезумѣвшей отъ страха за жизнь мальчика Нюты,—крикъ этотъ долетѣлъ до ушей Джіованни, и онъ сразу, какъ вкопанный, остановился на дорожкѣ и повернулся къ своей преслѣдовательницѣ лицомъ.

— Джіованни, миленькій, дорогой! — закричала Нюта.—Вернись, Джіованни, подойди ко мнѣ!

Большіе глаза мальчика, горѣвшіе нездоровымъ огнемъ, впились въ нее.

— No! *)—произнесъ онъ рѣшительно и упрямо замоталъ бритой головенкой, щелкнувъ зубами.

— Милый, хорошій!.. Джіованни!

— No!.. No!.. No!..

И такъ какъ Нюта все приближалась къ нему, онъ быстро наклонился къ дорожкѣ и поднялъ камень.

Теперь лицо его исказилось злобой. На губахъ проступила пѣна, глаза блеснули предостерегающимъ изступленно-злымъ огонькомъ.

— Si conservi! Guai a te! **)—крикнулъ онъ и угрожающимъ жестомъ взмахнулъ рукою.

На минуту Нюта остановилась изъ чувства самосохраненія. Но въ слѣдующую же секунду снова метнулась къ нему.

---

*) Нѣтъ!
**) Берегись! Горе тебѣ!

— Ты вернешься со мною въ домъ, сейчасъ же, Джіованни!—повелительнымъ крикомъ сорвалось съ ея устъ.— Сейчасъ же, Джіова...

Она не договорила. Мальчикъ взмахнулъ рукою. Камень метнулся, и крикъ, вызванный нестерпимой болью, огласилъ садъ...

Что-то съ мучительной силой ударило въ лобъ Нюту. Острое какъ ножъ, физическое страданіе на мигъ заглушило всѣ остальныя ея чувства, голова закружилась, въ глазахъ потемнѣло. Инстинктивно поднесла она руку къ виску. Что-то теплое, липкое, влажное и противное текло по нему, застилая глазъ и верхнюю часть лба какъ бы раскалывая ее отъ боли...

Нютѣ показалось мгновенно, что темное ночное небо съ золотыми точками звѣздъ опускается ей на голову, земля колеблется подъ ея ногами, почва уходитъ подъ ней.

— „Сейчасъ обморокъ... Я упаду... Джіованни убѣжитъ и все погибло!“—вихремъ проносится въ раненой головѣ Нюты тревожная полусознательная мысль. Она собираетъ послѣднія усилія воли и почти со сверхъестественной силой бросается къ замѣшкавшемуся мальчику, цѣпко охватываетъ руками горячее, какъ огонь, тѣло, поднимаетъ его и несетъ, прижимая къ себѣ...

Джіованни мечется и бьется у нея на рукахъ, какъ подстрѣленная птица, стараясь изо всѣхъ силъ выскользнуть, и пронзительно, совсѣмъ по-звѣриному, визжитъ на весь садъ.

Но цѣпкія руки Нюты сплелись какъ клещи вокругъ тонкаго извивающагося стана мальчика. Исхудалый, какъ щепка, за болѣзнь, Джіованни легокъ, какъ перышко, но для Нюты тяжесть его тѣла сейчасъ не подъ силу. Ея ноги подкашиваются, въ глазахъ стоятъ огненные круги, кровь льетъ, не переставая, и своей липкой жижей залѣпляетъ глаза...

— „Надо донести его до барака, надо, во что бы то ни стало!“—съ поразительною ясностью, рѣзко, подобно огненному молоточку, дробно выбиваетъ мысль въ ея мозгу.

И она послѣдними усиліями умирающей воли принуждаетъ себя идти отяжелѣвшими отъ потери крови ногами.

— „Боже мой, помоги только дойти! Только дойти!“—выстукиваетъ ея мысль.

— „Еще немного... Еще... Ну, будь же сильною, Нюта! Будь сильною!..“—мысленно подбодряетъ себя дѣвушка.

Къ счастью, Джіованни не бьется, не трепещетъ больше. Онъ затихъ.

Вотъ и первая ступень... вторая... третья... Охъ, сколько ихъ!.. Нѣтъ конца... Лѣстница растетъ... растетъ съ поразительной быстротой на глазахъ Нюты, принимая исполинскіе размѣры... Она все выше-выше, выше крышъ и трубы барака, до самаго неба, до самыхъ звѣздъ...

— „Нѣтъ, не подняться по такой лѣстницѣ ей, Нютѣ. Нѣтъ. Ни за что!“

Усталая мысль кружится вяло въ раненой головѣ. Ноги подкашиваются, тяжелыя, точно налитыя свинцомъ. Только руки желѣзными тисками обвиваютъ распластавшееся въ жару маленькое тѣло итальянца.

— О, Господи! Скорѣе бы, скорѣе! — срывается стономъ, воплемъ съ губъ Нюты. И она почти валится на каменныя плиты лѣстницы... Тутъ минутное безсиліе проходитъ сразу. Что-то свѣтлое, яркое ударяетъ по лицу и четкими бѣлыми пятнами выдѣляется въ полумглѣ чуть освѣщенной ночи.

— Сестра Трудова! Джіованни!.. Какъ вы сюда попали?! Господи, да что же это! — слышитъ Нюта близкіе и въ то же время далекіе голоса, и дѣйствительность перестаетъ существовать для дѣвушки...

□ □

Смутно, какъ во снѣ, видитъ Нюта бѣлую, изумительно чистую комнату, съ бѣлыми же столами, табуретами и такого же цвѣта чистенькимъ, какъ игрушечка, шкапомъ, сверху до низу наполненнымъ инструментами. Она лежитъ на чемъ-то высокомъ... Вокругъ нея толпятся бѣлые люди въ халатахъ... Что-то шепчутъ, говорятъ...

А нестерпимая боль въ головѣ раскалываетъ черепъ. Подъ вліяніемъ этой мучительной, острой

Руки Нюты желѣзными тисками обвиваютъ тѣло итальянца...

Гос.
Публичная
Библиотека
в
Ленинграде

боли, сами собой закрываются глаза, тяжело опускаются вѣки...

— Нѣтъ, нѣтъ, хлороформу не надо. Я врагъ хлороформа, гдѣ безъ него можно обойтись, — слышитъ Нюта, какъ сквозь сонъ, знакомый рѣзкій голосъ.

Потомъ вдругъ до слуха ея долетаетъ мягкій и гулкій звонъ колоколовъ.

— Что это? Неужели Пасха? Пора къ заутрени, а то снова будетъ сердиться tante Sophie!—устало проносится въ мозгу ея полусознательная мысль.

А колокола все громче, все настойчивѣе... Они все ближе, ближе... Звучатъ они какъ будто въ ея истерзанной болью головѣ...

— Держите руки оперируемой... А вы голову, сестра Юматова... Такъ...—слышитъ снова Нюта тотъ же знакомый, нѣсколько дребезжащій голосъ. Она снова съ усиліемъ поднимаетъ вѣки. Надъ нею склонилось въ странномъ, смѣшномъ бѣломъ колпакѣ, желчное, суровое лицо доктора Аврельскаго. Подлѣ него молодое, въ пенснэ на живыхъ, быстрыхъ глазкахъ, лицо Семенова. Дальше блѣдное, сочувственно, мягко улыбающееся Нютѣ—Юматовой. Еще дальше другія лица сестеръ.

Смутно проползла въ больной головѣ неясная догадка:

— Я въ операціонной... Сейчасъ меня будутъ рѣзать...

Мысль сорвалась и пропала куда-то. Нестерпимая,

колючая, жалящая боль чуть повыше виска пронизала все тѣло, все существо дѣвушки.

— Ахъ!—не то испуганно, не то недоумѣвающе пролепетала она.

— Ничего, ничего! Потерпите, сестрица!.. Молодцомъ, молодцомъ!.. Пустое дѣло!.. Сейчасъ кончу... Еще шовъ-другой наложу и готово,—сквозь зубы уронялъ докторъ Аврельскій и что-то дѣлалъ на головѣ Нюты, повыше виска.

— О-о!—второе ощущеніе мучительной боли, сильнѣе перваго, заставило рвануться больную.

Тѣло Нюты было прикрѣплено ремнями къ операціонному столу, ея голову и руки держали помощники хирурга.

— Еще одну... одну секунду!..—повторялъ докторъ Аврельскій.—Э, да вы у меня совсѣмъ молодецъ, сестра!.. Терпѣливая, что и говорить!.. А ну-ка еще, голубчикъ... соберите силенки.

Новая боль, острая до ужаса, до пота, выступившаго ледяными капельками на лбу оперируемой. Потомъ еще, еще и еще...

Стиснувъ зубы, сжавъ пальцы, вся блѣдная, обливаясь потомъ, Нюта терпѣла, испуская временами короткіе, глухіе стоны.

Ей казалось, что пыткѣ этой не будетъ конца.

— Готово!—неожиданно произнесъ Аврельскій, и его суровое, старое, желчное, но теперь замѣтно взвол-

нованное лицо озарилось улыбкой, какой еще не видѣла у него Нюта.

— Молодецъ, сестрица! Спасибо, помогли старику! Дали мнѣ наложить швы безъ всякаго усыпительнаго средства, безъ хлороформа... Черезъ три дня прыгать будете,—произнесъ онъ, и прежде нежели Нюта успѣла сообразить что-либо, наклонился надъ нею и отечески-нѣжно поцѣловалъ ее въ лобъ.

— А теперь, сестра Юматова, наложите повязку и дайте ей...—онъ назвалъ мудреное латинское слово и вышелъ изъ операціонной, еще разъ съ порога кивнувъ Нютѣ головой.

ГЛАВА XI.

— СМОТРИТЕ! Смотрите! Снѣгъ! Первый снѣгъ! Гулять, непремѣнно гулять послѣ пріема сегодня! Леля, идете? А вы, Мариночка, какъ вы насчетъ этого?.. Вы, сестра Кононова—тяжелая артиллерія, не сдвинетесь, конечно, съ мѣста. А мы идемъ.

И Розочка въ одной сорочкѣ, босая, задрапировавшись въ простыню и сдѣлавъ изъ нея родъ римской тоги, кружилась волчкомъ по комнатѣ, прыгала по кресламъ и дивану и, наконецъ, вскочила на подоконникъ, легкая и проворная, какъ серна.

«Зима... Крестьянинъ, торжествуя,
На дровняхъ обновляетъ путь,
Его лошадка, снѣгъ почуя,
Плетется рысью какъ-нибудь...»

продекламировала она голосомъ, какъ двѣ капли воды похожимъ на голосъ Кононовой, грубоватымъ, низкимъ басомъ, заставивъ и Кононову, и Юматову, и только что проснувшуюся Нюту покатиться со смѣха.

— Господа, закрывайтесь до самаго носа одѣялами, я форточку отворю. Нѣтъ мочи, хочется зимой дохнуть немножко,—неожиданно заключила Катя и, распахнувъ форточку, просунула въ нее смѣющуюся, трепаную головку.

— Катя! Розочка! Что это ты? Въ тифозное захотѣла, что-ли?! Сейчасъ назадъ! Сейчасъ же, слышишь? А то цѣлый день слова съ тобой не пророню.

И волнуясь, и сердито краснѣя, Юматова грозила подругѣ.

— Душенька... Лелечка... Минуточку еще... Позволь... Такъ... Теперь довольно... Сыта... Марширую назадъ... Гопъ-ля! И я у вашихъ ногъ, моя царица.

И Розочка, дѣйствительно, умудрилась какимъ-то образомъ очутиться прямо съ подоконника на колѣняхъ у постели Юматовой и, звонко смѣясь своимъ колокольчикомъ-смѣхомъ, тормошила и цѣловала ее безъ счета.

Нюта взглянула въ окно.

Бѣлыя, въ мохнатыхъ снѣжныхъ иголкахъ, стояли

въ саду деревья. Бѣлыя крыши казались чище и красивѣе подъ первымъ снѣжнымъ покровомъ. Дѣйствительно, какъ-будто сквозь двойныя рамы пахло зимой, ея бодрымъ, свѣжимъ, укрѣпляющимъ, чистымъ ароматомъ.

Зима.

Полтора мѣсяца въ общинѣ Нюта. А кажется, точно цѣлый годъ. Нѣтъ, больше, два, три года, пять, десять, патнадцать лѣтъ... Какъ много измѣнилось за это время въ ея жизни!

Община — милая, родная, горячо любимая теперь всѣмъ сердцемъ, семья.

Давно ли еще входила сюда, въ эту среду, съ трепетомъ смущенная Нюта, встрѣченная отчасти холоднымъ любопытствомъ, отчасти недружелюбнымъ со стороны многихъ сестеръ недовѣріемъ, какъ „свѣтская барышня“, „бѣлоручка“. А теперь...

Ея, Нютина, трудолюбивая, кипучая въ работѣ натура, ея терпѣливая выносливость, постоянная готовность трудиться до потери силъ, ея усердіе и безотвѣтность не могли пройти незамѣченными въ этой тѣсной, большой, переплетенной узами одной общей святой идеи, семьи. Нюту полюбили, оцѣнивъ по заслугамъ.

Особенно помогъ завоевать всеобщія симпатіи геройскій поступокъ дѣвушки, когда, раненая камнемъ Джіованни, истекая кровью, полуживая, она все же чрезъ силу, забывъ себя, свою рану и муки, самоотверженно

спасла больного, охваченнаго безумiемъ изступленной горячки, мальчика. Ни одна жалоба, ни одинъ упрекъ не сорвались тогда съ губъ измученной дѣвушки, стойко перенесшей мучительную операцiю наложенiя швовъ на рану.

Сильно мучилась Нюта, а когда пришла въ себя, блѣдная, слабенькая, худая,—первыми ея словами былъ вопросъ о здоровьѣ Джiованни, едва не погубившаго ея. Къ счастью, роковой случай закончился благополучно. Правда, послѣ ночной прогулки, Джiованни долго находился между жизнью и смертью, но жизнь, молодая, сильная, выносливая, побѣдила смерть. Маленькiй итальянецъ поправился. Поправилась и Нюта. Рана затянулась, швы зажили. Въ черной повязкѣ теперь уже не было надобности, и только круглое бѣлое пятнышко на лбу, величиною съ мѣдный пятакъ, говорило о ея геройскомъ подвигѣ и о пережитыхъ мучительныхъ часахъ волненiя и боли.

Рана затянулась, швы зажили, самый случай, казалось, постепенно забывался въ общинѣ, но впечатлѣнiе его не могло забыться и умереть. Нюта заняла прочное мѣсто въ сердцахъ сестеръ, завоевала всеобщую симпатiю своимъ поступкомъ.

□ □

— Ахъ, что за прелесть! Медъ, а не воздухъ!

И Катя Розанова восторженно втянула въ себя

дѣйствительно ароматную морозную струю зимняго дня.

Онѣ шли всѣ трое,—она, Юматова и Нюта, по тротуару, чуть запушенному первымъ снѣгомъ, свѣтло и радостно улыбаясь первому зимнему дню.

Въ серединѣ ноября темнѣетъ рано, но этотъ день, солнечный и ясный, представлялъ счастливое исключеніе.

Веселое, улыбающееся лицо природы не могло не отразиться невольно и на лицахъ встрѣчныхъ. Они всѣ улыбались и казались довольными другъ другомъ и собой. Даже суровыя лица дѣльцовъ съ портфелями и тѣ силились удержать на своихъ губахъ нѣкоторое подобіе улыбки.

— Ей Богу, хорошо! Такъ хорошо, что хочется запѣть на весь міръ... Леля, Трудова, чувствуете... вы это, деревянныя вы души, безчувственные вы носы?!—поминутно тормошила своихъ спутницъ рѣзвая Катя.

Розовое личико Кати разрумянилось на морозѣ. Ея синіе васильки-глаза горѣли какъ звѣзды, бѣлые зубки сверкали. Бѣлокурые волосы выбивались непокорными прядями изъ-подъ косынки, придавая совсѣмъ ребячески-задорный видъ ея, и безъ того хорошенькому, дѣтскому лицу, которое невольно обращало на себя вниманіе прохожихъ.

Какая-то старушка-богадѣленка, которую Катя, проходя, нечаянно толкнула локтемъ, остановилась, какъ вко-

панная, посреди тротуара и, любуясь милымъ, веселымъ, разрумяненнымъ личикомъ Розановой, прошамкала:

— Ишь ты, сестрица милосердная, красавочка какая. Ну, храни тебя Господь, дитятко, храни тебя Господь.

И даже перекрестила вслѣдъ сестру-дѣвочку.

— Ну, господа, кутить, такъ кутить...—дурачилась Розочка.—Зайдемъ къ Филиппову, купимъ пирожныхъ, это разъ... Потомъ у Соловьева сардинокъ... Лелю Юматову и сардинки люблю больше всего въ мірѣ... Потомъ купимъ и пустимъ воздушный шаръ... Соберется толпа, будутъ, разиня рты, стоять и дѣлать свои замѣчанія... Страшно весело.

— Катя, опомнись! Сестра ты или нѣтъ?

— Сестра, кажется. А впрочемъ, сегодня я не знаю, что я такое... Мальчишка я, головорѣзъ я, и страшно мнѣ хочется шалить и... Смотрите, смотрите: Семочка идетъ... Такъ и есть—онъ...

Неожиданно изъ-за угла вынырнула знакомая фигура въ шинели, и показалось молодое лицо доктора Семенова. Онъ щурился отъ солнца подъ очками и улыбался свѣтлому дню.

Вдругъ—бацъ!

Какъ это случилось, не могли себѣ потомъ уяснить ни Юматова, ни Нюта.

Розочка нагнулась надъ какой-то тумбой, живо собрала въ руку весь пышно покрывавшій ее бѣлой шапкой снѣгъ и, наскоро слѣпивъ изъ него бѣлый пушистый

комокъ, залѣпила имъ въ лицо ничего не подозрѣвавшаго врача. Въ слѣдующую же минуту шалунья была далеко и не замѣтившій ея, огорошенный Семеновъ, снявъ пенснэ, усиленно протиралъ его и залѣпленные снѣгомъ глаза носовымъ платкомъ, близоруко щурясь по сторонамъ и всячески стараясь допытаться, откуда обрушилась на него столь непредвидѣнная напасть.

Къ счастію, прохожихъ поблизости не было, и никто, кромѣ Нюты и Юматовой, не оказался свидѣтелемъ происшедшей сцены. На этотъ разъ обычно сдержанная Юматова разсердилась:

— Это невозможно, Катя! Ты, дѣйствительно, мальчишка, настоящій мальчишка, а не сестра милосердія! Какъ тебѣ не стыдно! Что, если бы Семеновъ увидѣлъ насъ? Сгорѣть со стыда можно!

— Леля, Лелечка, райское солнышко мое, брильянтовая, не злись, не порти своихъ печенокъ! Ей Богу, не стоитъ! А если ты будешь продолжать свои нотаціи, клянусь пятипроцентнымъ растворомъ сулемы, я при всей улицѣ, прыгну тебѣ на шею и буду тебя цѣловать до тѣхъ поръ, пока ты не замолчишь. Ну, берегись же, даю тебѣ три секунды на размышленіе. Разъ, два, три, начинаю. Разъ...

— Сумасшедшая ты и больше ничего!—не будучи въ силахъ долго сердиться на свою рѣзвую подругу, улыбнулась Юматова.

— Ну, такъ, стало быть, миръ?—засмѣялась Катя

и, сдѣлавъ совершенно серьезное лицо и придавъ ему выраженіе лица Марьи Викторовны, прошептала ея голосомъ, пришепетывая и любезно-приторно улыбаясь ехидной улыбкой:

— Сестры, будьте же тише, скромнѣе, помните ваше великое назначеніе... и потомъ... Вотъ Невскій проспектъ.

Нюта не могла сдерживаться больше и весело разсмѣялась. Улыбнулась и серьезная, грустная Юматова. Выходка Розочки не могла не разсмѣшить.

— Господа сестрички, до жалованья недалеко, передъ деньгами денегъ нѣтъ... Да и какія же деньги пять рублей въ мѣсяцъ, посудите сами... А тѣ, что прислалъ папа, я давно порастрясла... Ну-ка, Леля, и у васъ, Мариночка, какъ насчетъ финансовъ?—неожиданнымъ вопросомъ закончила Катя свою рѣчь.

Нюта вспыхнула.

Она жила на тѣ свои три рубля въ мѣсяцъ, которые получала отъ общины въ качествѣ „испытуемой“. Вспомогательныхъ же суммъ ей не откуда было получать. Но сдержанная, пріученная матерью съ дѣтства, она умѣла обходиться этой крошечной суммой и умудрялась еще дѣлиться ею съ приходящею въ амбулаторію бѣдностой. Сейчасъ у нея оставался одинъ полтинникъ, на который она мечтала купить что-нибудь выздоравливающему Джіованни, къ которому горячо привязалась со времени роковой ночи.

— А что?—обратилась она къ Розочкѣ, смущенно вспыхнувъ отъ подбородка до корней своихъ свѣтлыхъ волосъ.

— Ничего... я хотѣла предложить купить въ складчину форму мороженаго или пломбира.

— И думать не смѣй!—вспыхнула Юматова.

— Зимою мороженое! Ахъ, Катя, Катя! Когда ты станешь умнѣе!

— А мнѣ, представь себѣ, кажется, что я ужъ и такъ черезчуръ умна,—съ комическимъ вздохомъ шепнула шалунья.

— Ахъ!—вскрикнула вдругъ испуганно Нюта.

— Сестра Трудова, что съ вами?—спросила Юматова, инстинктивнымъ движеніемъ подхвативъ ее подъ руку.

Румянецъ сперва густой волной залилъ ея лицо, потомъ отхлынулъ, и Нюта стала бѣлѣе снѣга, покрывавшаго въ этотъ день крыши и мостовую.

— Вамъ дурно, Марина?

Два милыя, встревоженныя лица обращаются одновременно къ Нютѣ.

— Что съ вами? Отчего вы дрожите?

Нюта закусываетъ губы, смотритъ, какъ загипнотизированная, широко раскрытыми глазами впередъ, и изъ нихъ, изъ этихъ глазъ, глядитъ ужасъ.

Прямо на нее и на ея спутницъ-сестеръ подвигается группа нарядно одѣтыхъ и беззаботно разговаривающихъ лицъ.

Въ щегольскомъ, нарядномъ каракулевомъ жакетѣ и въ такой же шляпѣ съ бѣлыми страусовыми перьями, съ заученной, любезной, какъ бы застывшей улыбкой на желтоватомъ, усталомъ японскаго типа лицѣ, идетъ Женни Махрушина, дочь tante Sophie, кузина ея, Нюты. Подлѣ нея молоденькій офицеръ-кавалеристикъ, ея двоюродный братъ Коко. Съ другой стороны—главная компаньонка и самая значительная изъ приживалокъ въ домѣ, Саломея Игнатьевна, чопорное, льстивое, злое и ничтожное существо, глубоко презирающее весь міръ и сплетничающее выше мѣры. На цѣпочкѣ, конецъ которой окрученъ вокругъ кисти руки Саломеи, чинно плетется огромный ньюфаундлэндъ, лѣниво переступая мохнатыми лапами по снѣгу.

Маленькая группа медленно приближается къ группѣ сестеръ. Душа замираетъ въ тѣлѣ Нюты. Сердце стучитъ такъ, какъ только умѣетъ стучать сердце въ минуты захолодившаго его ужаса, смертельнаго волненія. Холодныя капли пота выступаютъ на лбу.

Не слыша ничего изъ того, что говорятъ ей Юматова и Катя, она мысленно твердитъ, сильно волнуясь, одно и то же, одно и то же:—„Только бы не замѣтили, только бы прошли мимо!“

А Женни, Коко и Саломея съ Турбаемъ все ближе и ближе. Сердце Нюты уже не бьется, не стучитъ, оно просто прыгаетъ бурно и шумно сверху внизъ. Или это только кажется взволнованной дѣвушкѣ? Она ни-

чего не чувствуетъ кромѣ охватившаго ее волненія, ничего не слышитъ.

Теперь группа Женни такъ близко, что слышно позвякиванье Кокиныхъ шпоръ и „нарочный“, дѣланно-ребяческій смѣхъ Женни.

Слышно, какъ Коко разсказываетъ ей о послѣднемъ вечерѣ у какой-то графини.

— Вы понимаете-ли... тамъ были фонтаны изъ шампанскаго, та cousine, а желобъ фонтана былъ выложенъ персиками и ананасами... И эта толстая, неуклюжая, Мими Ростопчина, imaginez vous, сѣла мимо кресла... Figurez-vous, — прямо на полъ. Parole d'honneur! И подняться не можетъ... Мы умерли со смѣху, ха, ха, ха, я первый. Ха-ха-ха!

— Ха-ха-ха!—въ тонъ Коко залилась своимъ ребячески-дѣланнымъ смѣхомъ Женни, которая очень любила казаться моложе своихъ двадцати-четырехъ лѣтъ и, наивничая, ломалась не въ мѣру.

— Хи-хи, мимо кресла, говорите вы?—угодливо поддакнула, хихикая, Саломея, но обративъ вниманіе на сестеръ милосердія, остановилась какъ вкопанная посреди тротуара, съ широко раскрытымъ ртомъ и выпученными глазами.

— Батюшки мои! Да вѣдь это Нюточка наша! Помилуй Богъ! Нюточка и есть! Въ милосердной сестрицы костюмѣ! Она! она!

Женни быстро поднесла черепаховый лорнетъ къ

своимъ маленькимъ близорукимъ глазкамъ и навела ихъ на Нюту.

— Annette! Вотъ ты гдѣ! Наконецъ-то мы нашли тебя, злая бѣглянка!

— Кузина, что означаетъ этотъ маскарадъ? — съ почти выкатившимися отъ удивленія изъ орбитъ глазами, смѣшно растопыривъ ноги, въ лакированныхъ сапогахъ, говоритъ Коко, оглядывая Нюту, какъ диковинную звѣрюшку.

Послѣдняя, казалось, была ни жива, ни мертва.

— Скорѣе! Скорѣе, на извозчика!.. Увезите меня отъ нихъ!.. Увезите!..—шептала она, цѣпко, какъ за послѣдній якорь спасенія, хватаясь за руку Юматовой.

Юматова мигомъ сообразила въ чемъ дѣло.

— Розочка, ты поѣдешь съ сестрой Мариной. Садись на перваго попавшагося извозчика. Я за вами,—коротко проронила она и рванулась къ близстоявшимъ санямъ, увлекая за собою Нюту.

Катя Розанова поспѣшила за ними. Но въ эту минуту произошло нѣчто совсѣмъ непредвидѣнное ни для спутниковъ Женни, ни еще того менѣе для Нютиныхъ спутницъ. Въ то самое мгновенье, когда двѣ взволнованныя молодыя особы въ скромныхъ одеждахъ сестеръ милосердія, съ бѣлыми фланелевыми косынками на головахъ, увлекали, стараясь заслонить собою, третью, огромный черный ньюфаундлэндъ, предварительно тщательно обнюхавъ тротуаръ, вдругъ поднялъ голову,

взглянулъ своими большими, умными глазами на Нюту и съ оглушительнымъ лаемъ рванулся къ ней, увлекая за собою испуганно вскрикнувшую Саломею. Въ одну секунду онъ былъ подлѣ нея. Его мохнатыя лапы легли на плечи блѣдной, трепещущей дѣвушки и шершавый, горячій языкъ вмигъ облизалъ ей глаза, щеки, лобъ и губы.

— Турбаинька! Милый!

Теперь уже совершенно позабывъ объ опасности быть насильно водворенной снова въ домъ тетки, Нюта обнимала своего четвероногаго друга, нѣжно цѣлуя его мохнатую голову, бѣло-черныя уши, шею.

— Турбаинька, узналъ-таки! Узналъ! О, милый! Вѣрный! Милый! — шептала она, лаская тихо и радостно повизгивающую собаку и вдругъ, спохватившись, закусила губу:

— Ѣдемъ! Ѣдемъ! — шепнула она, удивленно смотрѣвшимъ на всю эту сцену, сестрамъ и первая вскочила въ извозчичьи сани. — Вези прямо! — крикнула Нюта извозчику и тутъ же чуть слышно проронила Розановой, сѣвшей рядомъ, и сестрѣ Юматовой, запахивавшей полость:

— Ради Бога, чтобы они не знали, къ какой общинѣ мы принадлежимъ!

— Успокойтесь, милая... Вы среди друзей... Не волнуйтесь, — отвѣчали ей безмолвно грустные, честные глаза Елены.

Извозчикъ тронулъ вожжами. Сани понеслись. Юматова быстро взяла другого возницу и помчалась за ними.

Было какъ разъ время. На панели, вокругъ бѣшено лающаго и рвущагося изъ рукъ Саломеи Турбая, собиралась толпа.

Коко, красный отъ волненія, силился объяснить остановившимся вокругъ нихъ людямъ, то и дѣло переплетая французскія и русскія слова:

— Моя кузина, Annette... Сестра милосердія... Soeur de charité!.. Ее похитили, должно быть!.. Ее украли!.. Comprenez vous, украли!.. Надо поймать, вернуть.. Sapristi! непремѣнно... найти... вернуть... такъ нельзя!.. Среди бѣла дня украли!

— Слышь, Ванюха, у его высокородія штой-то украли, не то бумажникъ, не то папиросницу. Ей Богу! Разрази меня громъ!—обратился подвыпившій мастеровой къ поддерживавшему его подъ руку пріятелю.

— Бумажникъ украли, слышите, бумажникъ!—пронеслось въ толпѣ.

— А много ли денегъ тамъ было, батюшка-офицеръ?—вынырнула, какъ изъ-подъ земли, передъ лицомъ Коко, какая-то старушенка въ салопѣ.

— Оставьте, Коко. Они всѣ глупы и не поймутъ насъ,—произнесла, пожимая плечами, Женни, хмуря свои тонкія брови.

— Пять сотенъ украли...—между тѣмъ слышались въ толпѣ новые слухи.

— Пять сотенъ!.. Нѣтъ, подымай выше, братъ, цѣлая тыща!

— Городового надо... Протоколъ составить...—горячился какой-то господинъ въ шубѣ. — Такая дерзость! Среди бѣла дня!

Испуганный городовой несся со своего поста, сломя голову, подавая тревожные свистки по дорогѣ.

— Гдѣ пострадавшій? Вы пострадавшій? У кого украли?—тревожно допытывался онъ, шмыгая въ толпѣ.

Женни, Коко и Саломея, съ рвущимся у нея изъ рукъ Турбаемъ, спѣшно уходили съ мѣста происшествія, подъ ни чѣмъ не удержимый, отчаянно-громкій собачій лай и громкій говоръ собравшейся толпы.

□ □

— Нѣтъ. Я всегда говорила, что вы черезчуръ много баловали эту скверную, неблагодарную дѣвчонку, достоуважаемая Софья Даниловна. Вѣдь вы не дѣлали никакой разницы между нею и вашимъ прелестнымъ, невиннымъ ангеломъ, votre ange, Женни.

И графиня Трюмина величественно потрясла своей, увѣнчанной короной завитаго шиньона, головой.

— Неблагодарная, безсердечная дѣвчонка! Вамъ остается забыть ее, вычеркнуть эту дѣвчонку изъ вашего сердца et c'est tout!

— И все,—подхватила другая собесѣдница генеральши Махрушиной, худенькая, подвижная баронесса Брондъ.

— Ахъ, ужасно, ужасно, mesdames, — вздыхала Софья Даниловна, толстенькая, шарообразная, пожилая барыня, съ испуганно-удивленнымъ, встревоженнымъ лицомъ.—Ужасно! Ужасно! Нѣтъ, какова дерзость этого ребенка! Уйти чуть ли не ночью изъ дому, оставивъ записку, что уѣзжаетъ въ С—скую губернію къ бабушкѣ, въ усадьбу, а затѣмъ проходятъ два мѣсяца, и малютка Женни съ Коко и добрѣйшей Саломеей встрѣчаютъ ее на улицѣ въ одеждѣ... въ одеждѣ...

— Сестры милосердія, ma tante!—поспѣшилъ вернуть свое слово вертѣвшійся тутъ же и звенѣвшій шпорами Коко.

— Вотъ именно. Въ одеждѣ сестры милосердія... Ну, скажите мнѣ, ну, dites moi, je vous prie, для того ли я воспитывала дѣвочку, для того ли платила за нее въ институтѣ послѣдніе годы, учила ее музыкѣ, танцамъ и изящнымъ искусствамъ, чтобы по выходѣ изъ учебнаго заведенія она пошла... она пошла... лечить, бинтовать, мазать всякими мазями разныхъ больныхъ нищихъ мужиковъ и ихъ грязныхъ дѣтей! Это ужасно, ужасно! Она заразится отъ нихъ и умретъ! Умретъ непремѣнно!

— Нѣтъ ничего ужаснаго, ma tante,—снова вернулъ свое слово Коко,—нѣтъ ничего ужаснаго, пока еще не поздно. Вы должны постараться во что бы то ни стало вернуть Нюту... Вы имѣете право сдѣлать это... Вѣдь она несовершеннолѣтняя и обязана повиноваться вамъ. Черезъ полицію вернутъ, если хотите...

— О, нѣтъ, нѣтъ! Только не такъ! Это позоръ... позоръ!..

— Въ такомъ случаѣ разрѣшите мнѣ найти средство отыскать ее... Вѣдь Петербургъ не лѣсная чаща и если перебрать нѣсколько общинъ, то, пожалуй, сестрицу Вербину не трудно найти въ одной изъ нихъ...

— Нѣтъ! Нѣтъ!—замахала руками на племянника генеральша.—Упаси Боже!.. Полиція!.. Обыски!.. Скандалы!.. Ни за что!..

— Ну, въ такомъ случаѣ, ma tante, я придумаю другой способъ найти и водворить снова въ нашъ домъ бѣглянку... Parole d'honneur... Клянусь...

Коко задумался на минуту, наморщилъ лобъ и придалъ выраженіе сосредоточенности своему достаточно глупому лицу.

— Sapristi, нашелъ! Все это очень сложно, но я все же нашелъ способъ вернуть Annette. Придумалъ!—вскричалъ онъ, звонко шлепнувъ себя ладонью по лбу.

— Что же вы придумали, cher monsieur Коко!—обратились въ одно и то же время къ юношѣ графиня Трюмина и баронесса Брондъ.

— Oh, mesdames! Je vous demande pardon, mesdames *)! До поры до времени это моя маленькая тайна... — изгибаясь всѣмъ тѣломъ, какъ вертящаяся

*) О, милостивыя государыни, я прошу прощенія.

кукла на пружинкѣ, и поминутно щелкая шпорами, говорилъ съ таинственнымъ видомъ Коко.

— Коко! Коко! Идите къ намъ! У насъ превесело!— окликнулъ молодого человѣка звонкій голосокъ Женни.

Послѣдняя сидѣла за небольшимъ столикомъ въ японской гостиной.

Эта японская гостиная была своего рода музеемъ въ домѣ генеральши. Здѣсь находились и ширмы, по черному атласу расписанныя золотыми лотосами и аистами, привезенныя изъ Іокагамы, и прелестная миніатюрная мебель, низкая, маленькая, всего на четверть аршина отъ пола, подушки-пуфы и диваны, выписанные изъ фабричнаго центра „страны восходящаго солнца“. Безконечные вѣера украшали стѣны. Фарфоровыя японскія вазы, столики и мелкіе игрушечные столы наполняли комнату, всю утопавшую въ коврахъ и цыновкахъ.

Женни сидѣла теперь въ этой гостиной среди молодежи, разливая чай въ крошечныя чашечки японскаго же сервиза, разставленныя передъ ней на серебряномъ подносѣ. Она была похожа на жрицу древняго буддійскаго храма со своей прической въ китайскомъ вкусѣ, въ платьѣ изъ легкаго восточнаго фуляра, выписаннаго изъ Іеддо вмѣстѣ съ сервизомъ и другими вещами, и какъ бы представляла собой добавленіе къ этой нарядной и оригинальной гостиной.

Вокругъ нея сидѣли ея подруги, такія же свѣтскія барышни, какъ она, молодежь, офицеры, лицеисты, пажи

и элегантные молодые штатскіе, выдѣлявшіеся черными пятнами сюртуковъ и смокинговъ, среди блестящихъ форменныхъ мундировъ. Болтали по-французски или, вѣрнѣе, на томъ русско-французскомъ діалектѣ, который всегда преобладалъ въ гостиной генеральши Махрушиной.

Женни разсказывала что-то. Гости съ веселымъ вниманіемъ слушали ее.

— Она всегда была какая-то неземная, не отъ міра сего... Figurez-vous *), разспрашивала всякихъ нищихъ на улицѣ, останавливала разныхъ попрошаекъ. Разумѣется, это очень мило благодѣтельствовать... La philanthropie, c'est trés chic, ça**). Но къ чему же вхсдить въ разговоры съ первой встрѣчной попрошайкой? Ну, дай ей нѣсколько копеекъ, ну, вели накормить прислугѣ. Но при чемъ тутъ разговоры? Это непозволительно!

— Конечно! Конечно!—соглашались гости.

— И потомъ убѣжать изъ дому, тихонько.

И Женни пожимала плечиками и морщила свой вздернутый носикъ.

— Бѣдная maman чуть не заболѣла съ горя... И вдругъ... сестра милосердія!.. Ахъ, эта Нюта, — точно какая-нибудь горничная или мѣщанка!

— Это вы о Нютѣ?—вмѣшался подошедшій Коко.—

*) Представьте себѣ.
**) Благотворительность—это очень изящно.

Не безпокойтесь. Она вернется... Не дальше какъ черезъ мѣсяцъ бѣглянка будетъ водворена.

— Какъ? Что? Вернется Нюта? Анна Александровна, monsieur Коко, что вы говорите?

— Клянусь честью! Parole d'honneur! И не будь я Коко, если я вамъ этого не устрою!—округливъ глаза и вращая ими во всѣ стороны, съ увѣренностью подтвердилъ Коко, поглядывая на всѣхъ присутствующихъ самодовольнымъ взглядомъ.

— О, пусть только вернется!—произнесла Женни, и ея обычно ангельски-кроткое выраженіе, которымъ она постоянно старалась скрасить свое оригинальное желтоватое личико, передернулось угрожающей усмѣшкой.— Пусть вернется только, и я попрошу maman запереть ее, какъ провинившуюся дѣвочку, чтобы въ другой разъ ей не пришла въ голову эта глупая сумасбродная блажь.

ГЛАВА XII.

БЫЛО около девяти часовъ утра, когда Нюта, спѣша на дежурство къ своимъ тифознымъ, летѣла, какъ на крыльяхъ, по длинному коридору изъ столовой.

Сестры только что отпили чай и расходились каждая по своимъ постамъ, какъ и всегда при наступленіи часа смѣны и распредѣленія дежурствъ.

Неожиданно за плечами Нюты раздался знакомый голосъ.

— Сестра Трудова, на два слова.

Нюта остановилась и, живо обернувшись, увидѣла спѣшившую за нею Юматову.

— Что скажете, сестра?

— О, многое, Мариночка... Но вы не безпокойтесь, ничего страшнаго... Присядьте со мною здѣсь, на подоконникъ,—и сестра Юматова почти насильно усадила Нюту въ глубокую нишу окна, выходящаго въ садъ.

Нюта бросила въ окно машинальный взглядъ. Тамъ, за двойными рамами, теперь уже стойко и непоколебимо установилось бѣлое царство зимы. Декабрь дышалъ за стѣною своимъ студенымъ мертвымъ дыханіемъ. Запушенные иглами инея и скованные его морозной лаской, стояли высокіе дубы и липы. Сѣро-бѣлое зимнее небо высилось надъ землей. Снѣжило, и рой бѣлыхъ пушистыхъ мошекъ сыпался съ неба, устилая свѣжимъ налетомъ и безъ того высоко наметенныя горки сугробовъ въ саду.

Нюта перевела свой взглядъ на Юматову... Глаза ихъ встрѣтились. И столько сочувствія и ласки прочла Вербина въ этихъ печальныхъ, всегда грустныхъ, добрыхъ глазахъ, что сердце ея забилось невольно, а ея собственный взоръ подернулся слезами.

Длинная, тонкая рука Елены легла на плечо Нюты.

— Марина... Милая... родная...—заговорила она глубокимъ, задушевнымъ тономъ.—Вы меня простите, что

я незваной гостьей врываюсь въ вашъ внутренній міръ... Не изъ любопытства, конечно... Поймите меня, Мариночка, душа моя... Вы стали мнѣ и Розановой дороги съ первой же нашей встрѣчи, какъ сестра родная... И точно родную полюбили мы васъ... И вотъ, ни я, ни Катя Розанова не можемъ смотрѣть спокойно, какъ вы худѣете и блѣднѣете, какъ не спите ночей и таете съ каждымъ днемъ. И все съ этой роковой встрѣчи на Невскомъ... Я не хочу врываться въ вашу душу, Марина; не хочу слышать никакихъ признаній... Я привыкла уважать чужія тайны. Но... но я хочу... и Розочка тоже... хотимъ обѣ знать: нельзя ли чѣмъ-нибудь помочь вамъ, милая Марина?—и горячія руки Юматовой сжали дрогнувшіе пальчики Нюты.

— Милая, — зазвучалъ снова надъ склонившейся Нютиной головкой голосъ Елены.—Милая, я много старше васъ. Я мать, потерявшая дѣтей, я пережила безумное горе, я испытала въ жизни столько ужаса, Марина... И какъ дочери, какъ моей покойной Ниночкѣ сказала бы, скажу и вамъ: „обопритесь на мою руку, дѣтка, она—сильная, закаленная рука, она поддержитъ васъ“. Потребуйте отъ меня помощи, совѣта, Марина, моихъ силъ, преданности и огромной, самой огромной услуги, жертвы. Я все охотно сдѣлаю для васъ, и Розочка тоже. Клянусь вамъ любовью къ покойнымъ дѣтямъ!—заключила сестра Юматова хватающимъ за душу голосомъ, исполненнымъ ласки, участія и любви.

Отъ этого мягкаго, захватывающаго голоса, отъ этого неизъяснимаго выраженія сочувствія, ниже опустилась бѣлокурая головка Нюты, ярче запылалъ румянецъ волненія, вспыхнувшій на ея лицѣ.

— Боже мой! Боже мой! — металась въ этой склоненной головѣ тревожная мысль. — Она права, эта милая, самоотверженная, прекрасная Елена. Она, Нюта, мучится каждый день, каждый часъ, съ этой роковой для нея встрѣчи на Невскомъ, двѣ недѣли тому назадъ. Одинъ только Богъ знаетъ всю силу этихъ мученій... Тяжелое предчувствіе терзаетъ Нюту день и ночь, лишая ее покоя и сна... Конечно, Женни съ Коко не оставятъ этого случая безъ послѣдствій. Они скажутъ tante Sophie, та подниметъ весь городъ на ноги, чтобы сыскать и вернуть ее, Нюту. Можетъ быть, ее уже ищутъ и благодаря только чужому имени и паспорту, еще не нашли... О, ей такъ тяжело бываетъ минутами, такъ невыносимо тяжело порою! Хочется неудержимо упасть на грудь этой милой, благородной Юматовой или добренькой, чуткой Розочкѣ и вылить душу, разсказать все... Но кто поручится ей, Нютѣ, что онѣ, обѣ честныя, благородныя, прекрасныя, поймутъ ее, не оттолкнутъ отъ себя, узнавъ ея исторію съ подмѣненнымъ документомъ?.. Какъ отнесутся онѣ къ ней послѣ всего этого? Нѣтъ! Нѣтъ! Лучше, во сто кратъ, переживать тысячу мученій ежечасно ей, Нютѣ, нежели потерять довѣріе и любовь этихъ единственныхъ близкихъ ей существъ.

Нѣтъ! Нѣтъ! Ни за что на свѣтѣ!

И сдѣлавъ надъ собою усиліе, она подняла на Елену пылающее лицо.

— Спасибо вамъ... Благодарю васъ, сестра Юматова, отъ всей души... благодарю... за сочувствіе и ласку... Но... но у меня нѣтъ никакого горя... Увѣряю васъ... И ничто не гнететъ меня тоже... право... ничто... Спасибо... спасибо вамъ и Катѣ...—и, окончательно смутившись, она опустила внизъ сконфуженное лицо.

— Ну, Богъ съ вами, Мариночка. Нѣтъ, такъ нѣтъ. На нѣтъ и суда нѣтъ,—пошутила съ улыбкой Юматова. Но какъ мало шла веселая улыбка къ этимъ печальнымъ, тоскующимъ глазамъ!—Во всякомъ случаѣ, всегда разсчитывайте на мою и Катину помощь. А теперь... Вы не забыли какой сегодня вечеръ у насъ? А?

— Нѣтъ.

— Смотрите же. Смѣнитесь въ 9 часовъ и приходите. А то Розочка обидится. Вѣдь гостей наберется куча и доктора, и наши... Настоящій балъ... На славу отпразднуетъ день своего рожденія наша дѣтка. Придете?

— Приду, конечно...

— То-то же... А теперь Христосъ съ вами... Дай Богъ спокойствія вашей душѣ...

И, прежде чѣмъ Нюта успѣла опомниться, сестра Юматова осѣнила широкимъ крестомъ ея тоненькую миніатюрную фигурку.

— Господь съ вами. Ниночку мою я бы точно

также...—тихо, чуть слышно проронила она и, смахнувъ слезу съ темной рѣсницы, спѣшно отошла отъ Нюты, прежде чѣмъ дѣвушка успѣла поблагодарить ее.

□ □

— Джіованни, милый, что съ тобою? Кто тебя обидѣлъ? О чемъ ты, мальчикъ мой?

Нюта стоитъ подлѣ узкой больничной койки, силясь оторвать отъ подушки глубоко зарывшуюся въ нее черную головенку.

За два мѣсяца пребыванія въ больницѣ волосы Джіованни выросли и закурчавились снова.

Худенькій, вытянувшійся ростомъ, онъ кажется не по лѣтамъ большимъ. Сѣрый больничный халатъ виситъ, какъ на вѣшалкѣ, на исхудаломъ тѣлѣ.

Мальчикъ такъ плотно прильнулъ къ постели, что нѣтъ силъ оторвать его. По вздрагивающимъ плечамъ и по тихимъ, чуть слышнымъ, улкающимъ звукамъ Нюта поняла, что онъ плачетъ.

— Джіованни, милый, кто тебя обидѣлъ? Скажи!— Нюта садится на край постели и гладитъ костлявую, съ выдающимися отъ худобы лопатками, спину маленькаго итальянца.

— О, Cielo! Povero mio sono perduto *)!—глухо вырвалось изъ глубины подушки.

---

*) О, Боже (о, небо), я пропалъ, несчастный!

Нюта встревоженно посмотрѣла на взволнованнаго мальчика.

— Почему ты пропалъ, Джіованни? Что случилось съ тобою?—спросила она.

Она ежедневно въ этотъ послѣдній мѣсяцъ приходила къ выздоравливающему мальчику, подолгу бесѣдовала съ нимъ, учила его говорить по-русски и сама пріучалась понимать его красивый, какъ пѣсня юга, пѣвучій языкъ. Она привязывалась къ ребенку незамѣтно и прочно и посвящала маленькому итальянцу всѣ свои досуги.

Нюта была потрясена необычайнымъ состояніемъ постоянно веселаго, рѣзваго мальчика. Надо было узнать причину его слезъ во что бы то ни стало.

Но мальчикъ упорно молчалъ.

Чтобы заставить его повѣдать ей всю правду, Нюта рѣшилась на маленькую хитрость.

— Ты упрямишься, Джіованни, ты не любишь меня... А разъ ты не любишь твоей сестры, я ухожу отъ тебя... Прощай...

Этого было достаточно, чтобы Джіованни вскочилъ, какъ ужаленный, и сразу сѣлъ на постели. Его залитое слезами лицо, несмотря на выражавшіяся въ немъ тоску и горе, несмотря на страшную болѣзненную худобу, было прелестно. Два огромные, сіяющіе сквозь слезы, глаза смотрѣли съ явнымъ обожаніемъ на Нюту. Они были какъ два солнца, прорвавшіеся сквозь дождь, эти очаровательные знойные глаза.

— Dio mio *)!—залепеталъ мальчикъ, хватая руки дѣвушки и прижимая ихъ къ своимъ мокрымъ отъ слезъ щекамъ.—Dio mio! Джіованни несчастливъ... О, Dio, какъ несчастливъ Джіованни. Gioja mia **). Bene mia ***)... Sorella Марина, carrissima ****)... Плачетъ Джіованни, видишь, плачетъ. Почему? Былъ докторъ вчера передъ ночью и сказалъ Джіованни: „прощай... Три дня еще и прощай... Бери шарманку и ступай... Mi si spezza il cuore *****). Куда я пойду?.. Куда, mia sorella?.. Домой нѣтъ пути... Нѣту монеты... денегъ... А кушать надо... Какъ жить, mia sorella? Что будетъ теперь?

И опять потоки слезъ оросили смугло-блѣдное личико ребенка.

Нюта глубоко задумалась, машинально водя рукой по курчавой головкѣ.

Дѣйствительно, Джіованни правъ. Настало время „выписать“ его изъ больницы. Но куда пойдетъ онъ, бѣдный, нищій, сирота-ребенокъ? Среди негостепріимной для него, чужой, холодной страны онъ заболѣетъ, снова простудится въ своихъ жалкихъ лохмотьяхъ, умретъ. Бѣдный, маленькій, милый Джіованни!

Остро вонзилось въ сердце Нюты колючее жало му-

---

*) Богъ мой.
**) Сокровище мое.
***) Добрая моя.
****) Сестра Марина, дорогая.
*****) У меня сердце обливается кровью.

чительнаго сожалѣнія. Хотѣлось обнять Джіованни и заплакать вмѣстѣ съ нимъ. Но однимъ сочувствіемъ и слезами помочь невозможно. Надо обдумать хорошенько дѣло и начать дѣйствовать въ пользу Джіованни, дѣйствовать смѣло и горячо.

— Слушай, дружочекъ, amico mio,—послѣ долгаго молчанія произнесла Нюта, кладя руку на плечи ребенка,—даю тебѣ слово, я все сдѣлаю, что могу, для тебя... Ты не будешь несчастнымъ нищимъ, какъ прежде, слышишь, Джіованни.

Два черные глаза съ тоскою и надеждой впились въ нее.

— Per l'amor di Dio *)!—прошепталъ мальчикъ, молитвенно складывая руки на груди.

— Да, да, не бойся, мальчикъ мой. Я сдѣлаю все,—прошептала Нюта.—Успокойся только... А теперь мнѣ надо обойти больныхъ. Я вернусь къ тебѣ послѣ обѣда, и ты разскажешь мнѣ про твою прекрасную родину, про теплое синее море и пестрые цвѣты, а пока... вотъ тебѣ на память отъ меня.

И Нюта вынула изъ кармана дешевую маленькую статуэтку, изображавшую мальчика съ шарманкой, которую купила для Джіованни наканунѣ на свои скромные гроши, и поставила ее передъ нимъ на столикѣ у кровати.

---

*) Во имя любви къ Богу (умоляю).

Глаза мальчика вспыхнули восторгомъ. По лицу разлилась блаженная улыбка.

Онъ весело разсмѣялся и захлопалъ въ ладоши.

— Это Джіованни... самъ Джіованни. Sorella mia, гляди. О, grazzia, grazzia, bene mia *)! Джіованни радъ, такъ радъ!

И глаза его сіяли, какъ солнце.

Обходя больныхъ, давая имъ лекарство, измѣряя температуру, Нюта ломала голову, какъ бы помочь дѣлу. Судьба маленькаго итальянца не выходила у нея изъ головы. Она знала исторію Джіованни. Онъ пріѣхалъ сюда изъ Венеціи со своимъ дѣдомъ, „поппо“, какъ называлъ его Джіованни, изъ далекой южной страны, чтобы не умереть съ голода.

Дѣдъ заболѣлъ и скончался отъ воспаленія легкихъ. Джіованни, странствуя со своей шарманкой, заболѣлъ тоже, и если не погибъ, то только благодаря Нютѣ, которая тщательно скрывала отъ мальчика все происшедшее съ нимъ тою осеннею роковою ночью, наказавъ и всѣмъ дежурившимъ сестрамъ молчать объ этомъ происшествіи; теперь надо было спасти его во что бы то ни стало отъ повторенія болѣзни. И вотъ въ мозгу Нюты закопошилась новая мысль.

Она росла, эта мысль, и развивалась съ каждой минутой, быстро, быстро и ярко. И чѣмъ дальше свыка-

*) Спасибо, спасибо, хорошая моя.

лась съ нею дѣвушка, тѣмъ возможнѣе и проще казалась ей эта мысль.

Смѣнившись вечеромъ съ дневного дежурства, взявъ душъ и переодѣвшись въ другое платье въ чистой и теплой ванной комнатѣ, Нюта, прежде нежели идти „на званый“ Розочкинъ вечеръ, забѣжала въ швейцарскую.

— Антипъ!—вызвала она стараго, почтеннаго швейцара, пившаго чай въ своей каморкѣ.

— Что угодно, сестрица Трудова? Что изволите приказать?

— Скажите, Антипъ, вы бы ничего не имѣли противъ того, чтобы взять жильца въ вашу комнату? За плату, конечно. Вѣдь вы имѣете право взять къ себѣ жить внучка или племянника, пріѣхавшаго изъ деревни?

— Понятное дѣло, сестрица, имѣю, что и говорить...

— Ну, вотъ! Ну, вотъ! — обрадовалась Нюта.— Такъ слушайте, Антипъ: тутъ выздоравливающій есть одинъ... мальчикъ... шарманщикъ... Такъ вотъ... вы его пріютите у себя... Дайте ему уголокъ въ своей комнатѣ. А я вамъ за это три рубля въ мѣсяцъ платить буду... Только вы никому не говорите, Антипъ... А обѣдъ... Обѣдъ онъ получать будетъ отъ меня. Я все равно второго блюда не ѣмъ никогда и хлѣба тоже... Да и завтракъ мой почти всегда остается... Во всякомъ случаѣ, пока что, я буду все это присылать...

Антипъ взглянулъ на Нюту зоркими старческими глазами и молчалъ. Онъ точно разглядывалъ впервые

это худенькое, возбужденное, пылающее личико, эти сѣрые, какъ бы ищущіе отвѣта глаза.

Что-то дрогнуло въ лицѣ старика, промелькнуло не то улыбкой, не то усмѣшкой подъ его сивыми усами и утонуло въ глубинѣ старческихъ глазъ.

— Вотъ что, сестрица, голубушка,—заговорилъ онъ,—итальянца вашего я возьму, потому ему дѣться некуда, не пропадать же душѣ христіанской, коли на выписку его назначили... Да и деньги возьму ваши, потому мало ихъ у меня, а ртовъ дома, въ деревнѣ, много. Три цѣлковыхъ буду брать съ васъ, а на счетъ харчей, то-есть обѣда и прочее, не сомнѣвайтесь, сестрица: гдѣ мнѣ, старому, съѣсть все то, что съ кухни мнѣ приносятъ! Будетъ сытъ вашъ мальчишка, по самое горло сытъ... Не бойтесь ужъ за него...

— Спасибо вамъ, Антипъ, спасибо!

И Нюта, схвативъ руку старика, крѣпко пожала его заскорузлые въ работѣ пальцы.

— Что вы, что вы, голубушка-сестрица!—смутился старый швейцаръ.

Но Нюта была уже далеко. На второй площадкѣ лѣстницы она перегнулась черезъ перила и шепнула еще разъ:

— Только объ этомъ ни слова, что я просила пріютить мальчика! Пожалуйста, Антипъ.

— Будьте покойны, родная.

И, покачивая сѣдой головой, поплелся въ свою комнатку Антипъ.

ГЛАВА XIII.

— НАКОНЕЦЪ-то! Что-жъ такъ поздно?

— А мы тутъ все угощеніе съѣли безъ васъ.

— Опоздали, опоздали, сестрица.

— Сестра Трудова, входите, входите безъ церемоній. Давно васъ ждемъ!—градомъ веселыхъ восклицаній посыпалось на Нюту, лишь только она переступила порогъ своей комнаты.

Теперь эту комнату, впрочемъ, трудно было узнать. Кровати были превращены въ диваны, покрытые всевозможными тряпками, какія только нашлись въ общежитіи. Подушки, задернутыя въ цвѣтные же чехлы, представляли изъ себя валики съ диванова. Письменные столики, сдвинутые вмѣстѣ, стояли по серединѣ комнаты и буквально ломились подъ тяжестью яствъ. Тутъ были и тарелки съ сандвичами, и фрукты, и сласти. Орѣхи въ сахарѣ, и въ шелухѣ, пастила, изюмъ, финики, мармеладъ, всевозможная карамель всѣхъ сортовъ, кондитерскія конфеты, торты, печеніе и, наконецъ, объемистая кастрюля съ шоколадомъ заставили собою столы. На самодѣльныхъ диванахъ сидѣли сестры, хозяйки десятаго номера, и чужія, приглашенныя на Розочкино рожденіе. На оттоманкѣ и въ креслахъ—почетные гости-доктора. Сквозь клубы табачнаго дыма, наполнявшаго

комнату, Нюта успѣла разглядѣть добродушно улыбавшееся лицо Козлова, обычно желчное и теперь ничуть не измѣнившее своего выраженія, пенснэ и черные усики Семочки, очень любезныя, до приторности растянутыя улыбкой черты „Фикъ-Фока“—нѣмца Фока, глазного доктора, говорившаго всегда сестрамъ „мейнъ фрейлейнъ“, и огромную широкоплечую фигуру и вихрастую голову Ярменко, добродушнѣйшаго въ мірѣ хохла, прозваннаго сестрами за размашистыя манеры и нескладный видъ,—„семинаристомъ“, а за чудесный, настоящій оперный голосъ—„соловьемъ“.

Кононова, Розочка и Юматова носились, какъ сильфы, въ клубахъ дыма, разнося угощеніе и шоколадъ. На подоконникѣ сидѣла сестра Двоепольская, настраивая гитару.

Гдѣ-то въ углу звучалъ рѣзкій голосъ Клементьевой, споривщей съ Аврельскимъ. Климова, молоденькая, лишь прошлою весною посвященная сестра, упрашивала „семинариста“ спѣть подъ гитару „Віютъ витры“.

Козловъ смѣшилъ четырехъ сгруппировавшихся вокругъ него сестеръ, разсказывая анекдоты. Старшія сестры чинно сидѣли въ уголку и угощались шоколадомъ.

Лицо „новорожденной“ рдѣло, какъ розанъ. Нютѣ показалось, что никогда еще хорошенькая Катя не была такъ мила. Она приколола къ груди бутоньерку живыхъ цвѣтовъ, подаренную ей Юматовой, и не переставала

сіять своими милыми ямочками и лукаво-веселыми, искрящимися жизнью и задоромъ, васильковыми глазами.

— Сюда, сюда пожалуйте, къ намъ, сестрица! Мѣста всѣмъ хватитъ... У насъ веселѣе!.. Первый сортъ!— услышала Нюта веселый, рокочущій голосъ Валентина Петровича.

Потомъ кто-то подхватилъ ее подъ руку,—Кононова или Катя, она не разглядѣла,—и усадилъ въ кресло противъ Козлова; кто-то сунулъ въ руки чашку съ простывшимъ уже шоколадомъ и такую огромную порцію торта, что Нюта искренно испугалась при видѣ ея.

Вокругъ нея кипѣло и било ключемъ веселье. Казалось, большая, дружная семья собралась сюда отпраздновать на славу праздникъ своей любимицы. Смѣялись, болтали безъ умолку, шутили и хохотали до слезъ.

— Не хотите ли фруктовъ, Дмитрій Ивановичъ?— предложила, обыкновенно серьезная Юматова, съ разгорѣвшимся, розовымъ отъ хлопотъ, лицомъ, подходя къ „семинаристу".

— Нѣтъ! нѣтъ! Ни за что нельзя этого! Помилуй меня Боже.

— Почему нельзя?—высокія, словно кисточкой туши выведенныя брови Елены еще выше поднялись на лбу.

— Ахъ, ты, Боже мой,—невозмутимо, безъ улыбки, отвѣчалъ Ярменко,—да развѣ-жъ вы не знаете, каковъ я? Апельсинъ возьму—вазу разобью. За пальто полѣзу—вѣшалку сломаю. Чай примусь пить—стаканъ раско-

лочу... Такая ужъ у меня доля, какъ моя покойница, нянька-хохлушка говорила. Только умѣю пѣть да лѣчить. Ей Богу!

Сестры смѣялись. Доктора тоже.

— Дмитрій Ивановичъ, шоколаду, — подлетѣла къ нему Розочка съ новой чашкой.

— Ой-ой-ой, избавьте, сестрица... И такъ нашоколадился. Ей Богу!.. Восьмую чашку, што-ли?

— А вы еще! Ради рожденія моего!

— Ну, вотъ развѣ что ради рожденія. Давайте, куда ни шло,—и огромная рука Ярменко протянулась за чашкой.

И въ тотъ же мигъ дружный взрывъ хохота огласилъ комнату.

Чашка лежала разбитая вдребезги на полу, шоколадъ вылился, образуя липкую коричневую жижицу, а докторъ Ярменко стоялъ съ растерянным видомъ надъ чашкой и лужицей и говорилъ, смущенно разводя руками:

— Ну, развѣ-жъ я не говорилъ вамъ?.. Такая ужъ моя доля!.. А, штобъ тебя, и то разбилась, экая глупая чашка!.. Глупая и есть!

— А вы, сестрица Розанова, говорятъ, обладаете удивительнымъ даромъ подражать?—съ лукавой усмѣшкой обратился Семочка къ Катѣ.

Сестры засмѣялись.

— Правда, Евгеній Владиміровичъ, правда. Она всѣхъ сумѣетъ изобразить въ лучшемъ видѣ.

— Да неужели?

— Честное слово, правда! Хоть кого. Да такъ ловко,— прелесть!

— И меня, пожалуй, сестра Розанова, изобразите?— поглаживая свои франтоватые усики, усмѣхнулся Семеновъ.

— Васъ?—Катя лукаво прищурилась, потомъ задорно вскинула головку и, глядя въ лицо Семочкѣ смѣющимися глазами, заговорила:

— Нѣтъ, Евгеній Владиміровичъ, ужъ увольте. Мнѣ васъ не представить никакъ. У васъ нѣтъ ни одной такой черты, которую бы я могла подмѣтить,—и, говоря это, она высоко подняла голову, втянула ее въ плечи и, пощипывая пальцами повыше верхней губы, крупными шагами заходила по комнатѣ.

Передъ присутствующими, какъ живая, выросла фигура Семочки, его манера говорить, самый тонъ его голоса, походка, выраженіе лица.

— Браво! Браво! Ха-ха-ха-ха! Вотъ молодецъ-то! То-есть какъ двѣ капли воды похоже! — вспыхнулъ вокругъ шалуньи гомерическій хохотъ.

— Уморила! До смерти уморила! Фу!—заливался смѣхомъ Козловъ. — Сестрицы, если умру отъ смѣха, чуръ, на свой счетъ хороните.

Впрочемъ, не одинъ Валентинъ Петровичъ „умиралъ“ отъ смѣха. Сестры, Фикъ-Фокъ, „семинаристъ“ и даже суровый Аврельскій—всѣ они покатывались со смѣху надъ продѣлками шалуньи.

Отъ души хохоталъ и самъ Семочка.

Едва успѣлъ утихнуть взрывъ смѣха, сопровождавшій продѣлку Розочки, какъ съ мѣста поднялся нѣмецъ и, любезно склонившись передъ Катей въ старинномъ рыцарски-вѣжливомъ поклонѣ, попросилъ ее своимъ изысканно любезнымъ голосомъ:

— Если, мейнъ фрейлейнъ, будетъ угодно... то, пожалуйста, и меня представляйтъ, какъ на театрѣ... Я не обижайтъ ни за что...

— Если, мейнъ фрейлейнъ, будетъ угодно, то, пожалуйста, представляйтъ, какъ на театрѣ и меня,—неподражаемо копируя его поклонъ, манеру и изысканно вѣжливую рѣчь, повторила Катя.

Новый взрывъ смѣха покрылъ и эту шутку.

Еще не успѣли всѣ опомниться, какъ лицо Кати все съежилось, все свелось въ морщинки, губы отвисли, брови сжались, и она, заложивъ руки за спиной, забѣгала по комнатѣ мелкими шажками, фыркая, сплевывая въ сторону и рѣзкимъ голосомъ закричала:

— Это не порядки, тьфу! Тутъ, скачки, сапожный магазинъ, тьфу... кузница... тьфу, или циркъ, я не знаю. Но только не больница... Почему не пахнетъ карболкой?.. Сколько разъ просилъ душить карболкой! Тьфу! Тьфу! Тьфу!

Сестры фыркали и давились со смѣху, сразу понявъ, кого изображаетъ эта юркая, подвижная и лукавая сестра-дѣвочка.

Смѣялись и доктора, косясь въ уголъ дивана.

— Батюшки! Да вѣдь это я! Самъ собственной своей персоной!—не выдержалъ и расхохотался старый докторъ Аврельскій.

И странно было видѣть трясущимся отъ смѣха это обычно желчное, суровое, всѣмъ всегда недовольное существо.

Послѣдняя препона сдержанности рухнула съ этимъ смѣхомъ. Теперь сестры почувствовали себя совершенно равными докторамъ, а доктора, забывъ свое привилегированное положеніе,—сестрамъ.

— А правда ли, сестрицы, что вы меня старымъ козломъ величаете? — неожиданно выпалилъ докторъ Козловъ, добродушно-лукаво подмигивая направо и налѣво.

— Правда, Валентинъ Петровичъ, нечего грѣха таить,—съ глубокимъ вздохомъ отозвалась „новорожденная“.

— А меня „семинаристомъ“, что ли? Какъ видите, знаю и се,—пробасилъ къ общему удовольствію Ярменко.

— А меня Семочкой. Не такъ ли?—покручивая усики, произнесъ красивый Семеновъ.

— Да, и еще по-другому,—скромно опуская глазки, произнесла Двоепольская.

— Какъ же еще?

— А этого нельзя сказать...

— Ши! Ши! Ши!—зашикали на нее сестры.

— То-есть какъ это нельзя сказать? Развѣ что-нибудь дурное?—неожиданно захохорился молодой врачъ.

— Не особенно, Евгеній Владиміровичъ... А сказать все-таки нельзя...

— Никто не скажетъ?—смѣясь и слегка волнуясь, спросилъ Семочка, обводя глазами сгруппировавшихся у дивана сестеръ. Его взглядъ встрѣтился съ вытаращенными, простоватыми глазами сестры Смуровой, испытуемой курсистки, не отличавшейся особенной смѣткой и умомъ.

— Можетъ быть, вы можете сказать, сестрица, какое у меня еще прозвище есть?—обратился къ ней Семочка съ неподдѣльною мольбою въ голосѣ.

— Я, Евгеній Владиміровичъ, могу... — брякнула Смурова, сдѣлавъ испуганное лицо.

— Ну, какъ же?—медовымъ голосомъ допытывался Семеновъ.

— Молчите! Что вы?!—со всѣхъ сторонъ зашептали сестры.

Но Смурова уже не могла удержать того, что рвалось у нея съ кончика языка.

— Ну?

Семочка смотрѣлъ просительно и умильно.

— Ну, какъ же вы изволили прозвать меня?

Смурова еще больше округлила глаза, вытянула для чего-то трубочкой губы и, высоко поднявъ брови, выпалила на всю комнату:

— Касторкой, Евгеній Владиміровичъ, касторкой прозвали васъ!

И сдѣлалась мгновенно красная, какъ свекла. Всѣ почувствовали себя неловко, но Юматова, точно желая отвлечь вниманіе отъ выходки простоватой Смуровой, замѣтила:

— Господа, не хорошо такъ веселиться! Вѣдь не слѣдуетъ же забывать, кто мы и гдѣ мы!

— О, нѣтъ!—выступилъ горячо Козловъ.—Не грѣхъ повеселиться и намъ. Мы такіе же люди, какъ всѣ другіе, и нѣтъ никакихъ рѣшительно причинъ, чтобы не удовлетворить хоть разъ въ годъ свое желаніе пошутить, даже подурачиться немного. Не правъ ли я?

— Конечно, правы, Валентинъ Петровичъ, конечно!—раздалось со всѣхъ сторонъ въ отвѣтъ Козлову.

— Великій Шиллеръ сказалъ, что веселиться нужно каждому человѣку и кто никогда не веселится, тотъ не хорошій человѣкъ,—замѣтилъ Фикъ-Фокъ.

— Сказалъ онъ это или нѣтъ, все равно будемъ веселиться,—почти сердито произнесъ Козловъ.

□ □

— Тише! Тише! Слушайте хорошенько!

Черненькая, смуглая Двоепольская настроила гитару, и первые звуки „Витровъ буйныхъ“ поплыли по комнатѣ.

Густой, мягкій бархатный голосъ „семинариста“ покрылъ дрожащія струны. Могучей волной пронесся онъ по комнатѣ, вылился за дверь, помчался по коридору, по

всему зданію общежитія, вырываясь въ садъ и на дворъ.

Ярменко пѣлъ съ тѣмъ особеннымъ залихватскимъ, хохлацкимъ пошибомъ, съ какимъ поютъ эту пѣсню только прирожденные хохлы, дѣти вольной, когда-то свободной, „Хохландіи".

Все было въ ней, въ этой пѣснѣ: и широкія, какъ золотое безбрежное море, степи, и шелестъ могучаго ковыля, и шопотъ вишневыхъ садочковъ и... и „чернобривыя" Оксаны, вышедшія поболтать съ парубками у зеленаго тына...

«Віютъ витры, віютъ буйны,
Ажъ деревья гнутся...»

выводилъ, врывающійся прямо въ душу, за сердце хватающій голосъ пѣвца... Взволнованные, потрясенные мощью звуковъ и силой выраженія, слушали всѣ присутствовавшіе съ затаеннымъ дыханіемъ, съ шибко бьющимся сердцемъ, вольную, дивную, прекрасную украинскую пѣснь...

Звуки создавали широкія картины, рисовали знойный полдень, голубое небо Малороссіи, забытую удаль запорожскаго казака...

Сладкое оцѣпенѣніе очарованія сковало головы, сердца, мысли и чувства... И такъ странно и дивно было видѣть огромную, неуклюжую, вѣчно все бившую и портившую фигуру Ярменко, теперь, въ этомъ преображенномъ силою его пѣсни, вдохновенномъ пѣвцѣ...

Его глаза ушли далеко и видѣли, казалось, нѣчто недоступное другимъ...

— Фу, ты, шутъ возьми! Вотъ такъ штука!—точно пробуждаясь отъ сна, вскричалъ докторъ Козловъ, вскакивая съ дивана, когда затихъ послѣдній звукъ чарующей пѣсни.—Или у васъ, батенька, въ горлѣ спрятанъ Шаляпинъ, или я просто ничего непонимающій старый козелъ!

— Да что вы... что вы... Просто пою, потому что люблю пѣніе, какъ любятъ его всѣ у насъ на Украйнѣ...—ронялъ какъ во снѣ Ярменко, казалось, еще не остывшій отъ охватившаго его вдохновеннаго „захвата“, глядя мечтательно устремленными глазами куда-то впередъ.

— А ну-ка, „новорожденная“ сестрица Розочка (такъ кажется по прозвищу), спойте и вы намъ что-нибудь.

Розочка не заставила старика-доктора повторять его приглашеніе, встала на середину комнаты и весело, тоненькимъ, высокимъ дѣтскимъ голоскомъ запѣла:

Нелюдимо наше море,
День и ночь шумитъ оно,
Въ роковомъ его просторѣ
Много бѣдъ погребено...

— Браво! Браво, Розочка! Браво,—одобряли восхищенно присутствующіе.

Веселье, искреннее, задушевное, ничѣмъ не стѣсняемое царило въ комнатѣ...

Даже Юматова, глядя на оживленныя лица присутствующихъ, думала про себя:

„Докторъ Козловъ правъ, надо и намъ хоть изрѣдка забыть, разсѣяться отъ нашего тяжелаго житья-бытья, отъ стоновъ и мукъ, которые мы слышимъ и видимъ дни и ночи! Надо набрать силъ, чтобы продолжать наше великое дѣло—служеніе немощнымъ и страждущимъ".

Но вдругъ—и музыка, и пѣнье, и веселье—все разомъ оборвалось, затихло, когда неожиданно пріоткрылась дверь комнаты, и въ десятый номеръ общежитія протиснулась голова служителя изъ мужской тифозной палаты.

— Ваше высокоблагородіе, господинъ докторъ, тамъ больного привезли... скубента буйнаго... страсть... Пожалуйте въ палату, дежурныя сестрицы просятъ,—произнесъ онъ громкимъ шопотомъ, не то испуганными, не то любопытными глазами оглядывая непривычную обстановку „бала" въ обычно хмурой, грустной, серьезной общинѣ сестеръ.

— Сейчасъ, Вавила, приду!

И докторъ Козловъ, наскоро вытирая потъ, градомъ катившійся по лицу, и пожимая руки хозяевамъ и гостямъ, поспѣшилъ въ баракъ, увлекая Семочку за собою.

ГЛАВА XIV.

НОЧЬ... Лампочка подъ зеленымъ абажуромъ едва пропускаетъ свѣтъ... Чуть слышный, невнятный лепетъ, сонный вздохъ, болѣзненный выкрикъ бреда часто нарушаютъ тишину...

Нюта движется быстро и безшумно. Здѣсь, въ мужской палатѣ, дежурить труднѣе, нежели у женщинъ. Ей помогаютъ сидѣлка и служитель. Тутъ, по большей части, лежатъ тифозные, а за неимѣніемъ мѣста (больница переполнена безплатными паціентами), и съ другими серьезными, не заразными болѣзнями.

Темная, длинная декабрьская ночь кажется безконечной. Шорохъ Нютиныхъ шаговъ не можетъ потревожить больныхъ. Измученныя, изможденныя, вытянувшіяся, какъ у мертвецовъ, лица поражаютъ своей блѣдностью при слабомъ свѣтѣ лампы. У другихъ, напротивъ того, щеки горятъ темнымъ болѣзненнымъ румянцемъ. У этихъ горячка свирѣпствуетъ съ неудержимой силой. Дико блуждающіе глаза, всклокоченные волосы и багровое лицо съ надувшимися на лбу жилами одного изъ больныхъ на крайней койкѣ особенно смущаютъ Нюту. Это самый безпокойный больной, доставленный сюда въ вечеръ Розочкина рожденія: молодой студентъ-медикъ послѣдняго курса. У него жестокая горячка.

Онъ все время безъ сознанія. То рвется съ по-

стели, выкрикивая страшныя, дикія угрозы и бѣшено сверкая горящими больнымъ огнемъ глазами, то лежитъ по цѣлымъ часамъ странно затихшій въ глубокомъ обморокѣ, и съ мучительной молодой настойчивостью борется со смертью. Его зовутъ Николай Кручининъ; ему двадцать шесть лѣтъ.

Когда докторъ Козловъ обходилъ сегодня больныхъ вечернимъ обходомъ, онъ особенно долго и тщательно осматривалъ молодого человѣка.

— Серьезное положеніе... Исключительно тяжелый случай,—бурчалъ онъ себѣ подъ носъ и, кинувъ мимолетный взглядъ на Нюту, сказалъ:

— Въ виду особо рѣзкаго и быстраго хода болѣзни я ночью еще зайду, сестрица. Очень серьезный случай.

Нюта знала, что означали эти слова: по ночамъ Валентинъ Петровичъ навѣщалъ только особенно тяжелыхъ больныхъ, обреченныхъ на смерть.

— Если замѣтите, что силы будутъ падать, сдѣлайте ему вспрыскиваніе камфоры,—наказывалъ онъ, уходя.—А если снова начнетъ буянить, прикажите надѣть горячечную рубашку, сестра.

Больной, дѣйствительно, былъ неспокоенъ. Онъ бился то и дѣло на своей узкой койкѣ и кричалъ:

— Отпустите меня... Что я вамъ плѣнникъ, что ли?. Да выпустите же, вамъ говорятъ!

Нюта быстро подошла къ нему, наклонилась надъ его лицомъ, худенькимъ, заканчивающимся мягко курча-

вившейся русой бородкой. Голубые глаза студента, такіе свѣтлые днемъ, теперь были черные, какъ уголья, и, глубоко запавъ въ провалившихся орбитахъ, угрожающе горѣли горячечнымъ блескомъ.

— Кто вы такая?—грубо, почти во весь голосъ, крикнулъ онъ Нютѣ.—Что вамъ надо отъ меня?

— Я хочу вамъ дать успокоительнаго, больной. Я сестра и пришла вамъ помочь.

— Что такое!? Вы сестра, вы, ха-ха-ха! Ловко же вы обманываете меня... Какая же вы сестра... Вы—тюремщица. У меня есть сестра Сонечка... Она тамъ, у матери, въ деревнѣ... А вы — моя мучительница... Вы мучите, терзаете меня... Зачѣмъ у васъ ножъ въ рукѣ?.. Я вижу, о, я вижу отлично! Вы не проведете меня!..

— Богъ съ вами... что вы говорите, голубчикъ. Это не ножъ, а градусникъ, термометръ... видите, я хочу измѣрить вамъ температуру,—тихимъ, кроткимъ, увѣщевающимъ голосомъ говорила Нюта.

Но больной уже не нуждался въ объясненіи. Онъ снова затихъ, впалъ снова въ обычное продолжительное забытье.

Нюта смѣрила температуру тѣла, поднесла градусникъ къ лампочкѣ и ужаснулась. Ртуть показывала 41.

— Надо ванну,—мысленно произнесла Нюта и нажала кнопку электрическаго звонка.

— Позовите помощника и отвезите больного въ

ванну,—приказала она вошедшему служителю, безшумно и не суетливо приготовляя больного.

Появились носилки, и Кручинина унесли.

□ □

Всю ночь билась съ юношей Нюта.

Приходилъ д-ръ Козловъ, далъ новыя предписанія и, уходя, ободрилъ Нюту двумя-тремя ласковыми словами, но прибавилъ, что больной студентъ, очевидно, умретъ. Нюта была какъ во снѣ. На Кручинина надѣли смирительную рубашку, такъ какъ онъ все метался, порываясь вскочить съ койки и куда-то бѣжать, и Нюта никакъ не могла справиться съ нимъ собственными силами.

Въ смирительной рубашкѣ Кручининъ снова затихъ.

Тоненькимъ, жалобнымъ больнымъ голосомъ онъ молилъ то и дѣло Нюту:

— Снимите съ меня эту гадость... Не могу... она меня душитъ... Не буду больше метаться... Клянусь вамъ, никуда не уйду... Развяжите меня, руки, ноги...—А потомъ, снова впадая въ забытье, кричалъ.

— Мама... Сонечка... Это вы? Я такъ радъ, что вы пріѣхали, такъ радъ. Только отчего у тебя такіе глаза, Соня?.. Точно фонари. Или какъ у волка... Ты волкъ, Соня, настоящій волкъ... Пустите меня! Пустите!.. Душитъ меня, душитъ, помогите мнѣ!..—кричалъ онъ, обуреваемый безуміемъ недуга, и его тѣло высоко подпрыгивало отъ постели.

Нюта ни на минуту не покидала его. Она давала ему успокоительное, мѣняла ледъ на головѣ, поила лѣкарствами. И добивалась-таки отчасти, что больной затихалъ.

□ □

Больной затихъ. Онъ такъ трогательно просилъ освободить его отъ смирительной рубашки, что Нюта не могла отказать ему и развязала руки и ноги молодого человѣка. Теперь, послѣ прохладной ванны, температура тѣла спала, и юноша какъ будто задремалъ. Нѣсколько успокоенная этимъ, Нюта могла хоть немного отдохнуть, присѣсть на стулъ и насладиться короткимъ покоемъ. Оправивъ сбившееся одѣяло на сосѣдѣ Кручинина,— старикѣ мастеровомъ Федоровѣ, считавшемся выздоравливающимъ, напоивъ проснувшагося молодого мальчика, извозчика Микутова, Нюта не безъ удовольствія опустилась на стулъ. Ея усталыя ноги ныли... Голова, отяжелѣвшая отъ безсонницы, клонилась на грудь... Вѣки сами собой опустились... Она не дремала, нѣтъ... а только отдалась охватившему ее сладкому состоянію покоя.

Чья-то грубая, жесткая рука опустилась на плечо дѣвушки. А сипловатый мужской голосъ произнесъ у ея уха:

— Небось... устали... измаялись... сестрица Анна.

Нюта вздрогнула и открыла глаза.

Передъ ней стоялъ больничный служитель Дементій, недавно только поступившій въ общину.

У этого Дементія были непріятно бѣгающіе, словно все чего-то выискивающіе глаза и не то хитрая, не то многозначительная улыбка. Уже не разъ наблюдала Нюта, что подозрительно бѣгающіе глаза новаго служителя подолгу останавливаются на ней, а тонкія губы улыбаются сочувственно, насмѣшливо и лукаво. Онъ почему-то съ первой же встрѣчи сталъ ей антипатиченъ.

Сейчасъ этотъ взглядъ, эта улыбка какъ-то особенно непріятно подѣйствовали на Нюту.

— Уморились, сестрица Анна... И то уморишься... цѣлую ночь на ногахъ,—произнесъ онъ тѣмъ же непріятнымъ тономъ.

Точно горячее пламя упало въ сердце Нюты и обожгло его.

— Меня зовутъ не Анной, а Мариной,—помимо воли сорвалось какъ-то испуганно съ ея губъ...

— И то... и то... простите, ошибся маленечко, сестрица и... впрямь Марина... Что же это я путаю, старый дуракъ,—какъ-то особенно угодливо захихикалъ и залебезилъ старикъ. Но Нютѣ показалось, что глаза его остановились на ней сейчасъ особенно внимательно настойчивымъ, дерзкимъ и какъ бы насмѣшливымъ взглядомъ. Они точно смѣялись, эти маленькіе, бѣгающіе, непріятные глаза.

— „Неужели же узналъ, догадался. Неужели же... Но какъ, какимъ способомъ могъ онъ узнать?“—испуганно билась въ мозгу взволнованной дѣвушки мысль. Или это случайная обмолвка, ошибка... Она терялась въ догадкахъ.

— А я къ вамъ съ просьбишкой, сестрица,—залебезилъ снова непріятнымъ своимъ тономъ Дементій,—отпустите вы меня малость соснуть... Мочи нѣтъ, притомился. А коли понадобится что, позвоните, и я тутъ какъ тутъ.

Нюта знала, что просьба служителя являлась незаконной; до трехъ часовъ ночи никто изъ дежурнаго персонала не смѣлъ ложиться, но непріятно-пытливые глазки Дементія, его многозначительно-насмѣшливая улыбка допекали Нюту, и она, желая во что бы то ни стало отдѣлаться отъ антипатичнаго старика, скрѣпя сердце, дала ему свое разрѣшеніе.

— Спаси васъ Богъ, сестрица Анна... то бишь, опять я ошибся, Марина,—произнесъ, суетливо кланяясь и лебезя, Дементій.—Сосну за ваше здоровье часокъ... другой...

И приводя въ несказанное смущеніе бѣдную дѣвушку, онъ, тихо крадучись, на цыпочкахъ, вышелъ изъ палаты.

А Нюта съ тревожнымъ чувствомъ снова откинулась на спинку стула, стараясь не думать ни о чемъ.

□ □

Усталость взяла свое... Отяжелѣвшія вѣки упали на глаза... Какое-то сладкое оцѣпенѣніе охватило дѣвушку. И, сама того не замѣчая, Нюта задремала.

Это была не дрема, впрочемъ, а какое-то легкое забытье... Представилась съ поразительной ясностью картина недавняго прошлаго: японская гостиная, tante Sophie, гости, смѣющееся, дѣланно-наивное личико Женни, длинная Саломея, мохнатый милый Турбай... и она сама, Нюта... Послышалась французская болтовня, смѣхъ, шутки. И вдругъ, морозная, рѣзкая струя воздуха наполнила больничную палату... Она дотянулась до Нюты, охватила ее всю, уколола своимъ ледянымъ дыханіемъ. Дѣвушка сразу очнулась, пришла въ себя. То, что увидѣла передъ собою Нюта, заставило мгновенно ея сердце наполниться леденящимъ душу холодкомъ. Въ углу палаты находилось узкое, высокое одностворчатое окно, герметически-плотно закрытое и открывавшееся лишь для вентилированія воздуха разъ-другой въ недѣлю. Теперь, къ полному ужасу и удивленію Нюты, окно это было раскрыто настежь, а на подоконникѣ его, въ длинномъ больничномъ халатѣ, кое-какъ накинутомъ поверхъ бѣлья, стоялъ Кручининъ лицомъ къ улицѣ, съ протянутыми впередъ руками.

Свѣтъ мѣсяца обливалъ всю его фигуру, всклокоченную голову и бѣлый, какъ мраморъ, профиль, повернутый къ Нютѣ.

Мужское тифозное отдѣленіе находилось въ третьемъ

этажѣ дома, и окно приходилось какъ разъ надъ каменными плитами двороваго тротуара, чуть запушенными снѣгомъ.

Помимо всѣхъ опасностей отъ морознаго зимняго воздуха, больной горячкой студентъ Кручининъ долженъ былъ неминуемо разбиться, упавъ на камни. Внѣ себя, вмигъ сообразивъ все это, Нюта вскочила со своего мѣста и бросилась къ окну.

— Сходите внизъ, больной! Сходите внизъ,—крикнула она, хватая за руку Кручинина и всѣми силами стараясь стащить его съ подоконника и захлопнуть окно.

Но сильный и ловкій, весь въ пылу горячки, придававшей сверхъестественную, безсознательную энергію его тѣлу, больной студентъ оттолкнулъ Нюту и ближе подвинулся къ наружному краю окна. Его глаза сверкали теперь безуміемъ, тѣмъ самымъ безуміемъ горячечнаго припадка, какое Нюта уже видѣла однажды въ глазахъ маленькаго Джіованни, въ ту роковую осеннюю ночь, а на искривленныхъ плутоватою сумасшедшею усмѣшкою губахъ проступала пѣна. Еще минута — онъ сдѣлаетъ шагъ и выскочитъ за окно... Удержать его нѣтъ силы... Это не Джіованни, девятилѣтній мальчикъ, котораго можно взять на руки и унести.

Мало отдавая себѣ отчета въ томъ, что произойдетъ въ дальнѣйшемъ, Нюта, осѣненная внезапною мыслью, вскакиваетъ на окно, разставляетъ широко руки и, вцѣпившись ими въ косякъ рамы, заслоняетъ юношѣ путь...

Нюта, вцѣпившись руками въ косякъ рамы, заслоняетъ юношѣ путь...

Гос.
Публичная
Библиотека
в
Ленинграде

Больной въ смятеніи... Неожиданная преграда въ лицѣ этой тоненькой сестры, заградившей ему дорогу, на мгновеніе останавливаетъ его болѣзненно-инстинктивное стремленіе во что бы то ни стало выскочить изъ окна. Но это лишь минутное колебаніе...

Притупившійся, измученный мозгъ снова закипаетъ съ бѣшеной силой, снова прожигаетъ его насквозь безумная мысль.

„Надо столкнуть внизъ живую преграду и очистить себѣ дорогу во что бы то ни стало, во что бы то ни стало!“—вотъ что твердитъ ему эта безумная мысль.

Онъ простираетъ впередъ руки, въ то время какъ губы его закушены острыми зубами до крови, а безумные глаза выкатились изъ орбитъ.

— Пустите меня! Прочь съ дороги! Пустите!—кричитъ онъ и изо всей силы толкаетъ изъ окна Нюту.

Еще минута... секунда... короткій мигъ, и дѣвушка разобьетъ себѣ черепъ о каменныя тумбы и плиты тротуара...

— Сестра Трудова!.. Что случилось?

Передъ лицомъ Нюты мелькаютъ испуганныя черты сидѣлки, доктора Козлова, Семенова.

Сильныя руки хватаютъ Кручинина, стаскиваютъ его съ окна, укладываютъ въ постель, предварительно снова надѣвъ смирительную рубашку. Другія помогаютъ Нютѣ сойти съ подоконника, захлопываютъ окно, усаживаютъ дѣвушку на стулъ...

— Испугались? Небось, душенька въ пятки ушла. Нѣтъ? Ну, молодецъ же вы, сестренка,—роняетъ подлѣ нея добрый, сочувственный голосъ, и встревоженное лицо стараго врача склоняется надъ нею.—Ничего... ничего... это бываетъ, сестрица... тифозная горячка самая благопріятная почва для подобнаго рода безумія... А и молодецъ же вы, сестрица, не испугались... Догадались-таки, какъ дорогу отрѣзать этому озорнику. Спасибо, голубушка,—шутливо заключилъ Козловъ, пожимая ей руки.

Но Нюта смущенно поникла бѣлокурой головкой, не слушая этихъ похвалъ.

— Ахъ, нѣтъ, не молодецъ я, Валентинъ Петровичъ,—съ горечью вырвалось у нея,—не благодарите вы меня... Вѣдь не задремли я на минуту, сторожи я Кручинина неотлучно всю ночь, этого не случилось бы во вѣки,—прошептала она, исполненная горечи и раскаянія.

— Пустое! Все равно, случилось бы... Вамъ, слабенькой дѣвушкѣ, врядъ ли удержать бы этого молодца... А теперь поспѣшимъ къ нему, къ доктору Семенову, на помощь. Плохо вѣрно приходится больному послѣ воздушной ванны. Идемъ.

Кручинину, дѣйствительно, приходилось плохо. Онъ уже не стоналъ, не кричалъ, не метался на кровати. Онъ лежалъ почти безъ пульса и только дышалъ со свистомъ, сильно, отрывисто и горячо.

Доктора склонились надъ нимъ. Нюта имъ помогала.

На душу дѣвушки упала свинцовая тяжесть... Совѣсть мучила ее... Мучилъ страхъ, что Кручининъ умретъ изъ-за ея недосмотра.

Незамѣтно проползла ночь, которую Нюта провела у кровати больного, не отходя ни на шагъ. Подъ утро пришла очередная сестра смѣнить Нюту.

— Нѣтъ, нѣтъ... ради Бога... Я не найду себѣ покоя, если я уйду изъ барака теперь, сейчасъ... оставьте меня,—молила она докторовъ и сестру.

— Но вы утомитесь, съ ногъ упадете,—протестовали они.

— Нѣтъ, нѣтъ! Прошу васъ, умоляю.

И она осталась. Весь слѣдующій день осталась, всѣми правдами и неправдами упросивъ „вторую смѣну“ позволить замѣнить ее.

И на ночь тоже.

Къ утру вторыхъ сутокъ Кручинину, отчаянно боровшемуся за свою молодую жизнь, стало вдругъ легче. Температура спала, показалась испарина. Забѣжавшій сверхъ очереди Козловъ (онъ по нѣсколько разъ въ сутки заходилъ помимо службы, безъ обхода) объявилъ Нютѣ счастливую новость.

— Ну, теперь будетъ жить нашъ озорникъ. Успокойтесь, сестрица. Идите съ миромъ домой, да заваливайтесь на боковую... А мнѣ кого-нибудь другого пришлите... Ишь, лицо-то у васъ: краше въ гробъ кладутъ. Ну, веселыхъ сновъ! Уходите съ Богомъ, а не то раз-

сержусь и силой выгоню васъ изъ барака,—шутилъ онъ, а добрые глаза старика ласкали Нюту отечески-заботливымъ взглядомъ.

Кручининъ спалъ, дыша глубоко и ровно. Его желѣзная натура поборола смерть.

Шатаясь отъ усталости, вернулась Нюта къ себѣ, наскоро приняла ванну и уснула, какъ убитая, едва лишь опустилась на кровать...

ГЛАВА XV.

Дни тянулись безконечной, пестрой вереницей, выводя лентой событія одно за другимъ, одно за другимъ.

Подступали святки.

Въ общинѣ готовились отпраздновать Рождество. Было рѣшено устроить елку для бѣдныхъ дѣтей, по примѣру прошлыхъ лѣтъ, по разъ установленному обычаю, вкоренившемуся съ первыхъ же дней основанія общежитія сестеръ.

Съ этою цѣлью сестры устроили складчину. Покупали ситецъ, бумазею, полотно, дѣтскую обувь, шапки, чулочки, теплыя куртки. Наскоро шили платьица, рубашки, бѣлье для мальчиковъ и дѣвочекъ, дѣтей обездоленной петербургской голытьбы.

Въ амбулаторіяхъ были вывѣшены объявленія, напечатанныя крупными буквами о томъ, чтобы напбѣд-

нѣйшіе изъ родителей приводили своихъ дѣтей на рождественскую елку, гдѣ послѣднимъ будутъ розданы необходимыя вещи и подарки. Былъ обѣщанъ дѣтскій кинематографъ и игры,—словомъ, полное удовольствіе для неизбалованныхъ нищихъ ребятъ.

— Мариночка, вы что на себя шить возьмете?— спросила какъ-то Розочка задумчиво смотрѣвшую въ окно Нюту.—Передники, курточки или рубашки?

Молодая Вербина, у которой было далеко не весело на душѣ въ это зимнее морозное утро, живо обернулась къ своей пріятельницѣ.

— Право не знаю! Что дадите, то и сошью.

— А можетъ быть картонажи клеить хотите? Можно и это. Я терпѣть не могу ковырять иглой, за то, глядите, какую звѣзду на елку соорудила,—и она поднесла къ самому лицу Нюты очень искусно склеенную и посыпанную блестящей пудрой бумажную звѣзду.

— Я ли не молодецъ, а? Что вы скажете на это?— и весело прищелкнувъ пальчиками, сплошь залѣпленными блестками золотой и серебряной бумаги, Розочка двинулась по комнатѣ въ какомъ-то замысловатомъ, ею самою придуманномъ, па. Но, замѣтивъ растерянно-грустное лицо Нюты, остановилась.

— Сестра Трудова, голубушка, что съ вами? Что за лицо у васъ панихидное? Точно касторки приняла или уксусу хватила. Случилось опять что-нибудь съ вами?

И живая, розовая, внезапно ставшая серьезной, хорошенькая рожица Кати сочувственно потянулась къ Вербиной.

Что могла ей сказать Нюта? Гнетущее ее горе было необъяснимо на словахъ. Дѣло въ томъ, что каждая изъ сестеръ, даже изъ тѣхъ, что не получали вспомогательныхъ суммъ изъ дому, дѣлились изъ своего скуднаго жалованья съ приглашенной на елку бѣднотой. Изъ ничтожныхъ грошей ежемѣсячныхъ пятирублевыхъ получекъ сестры умудрялись участвовать въ складчинѣ, отказывая самимъ себѣ въ самомъ необходимомъ. А Нюта не могла и этого себѣ позволить. Вся ея мѣсячная получка уходила цѣликомъ къ Антипу за содержаніе Джіованни.

Мальчикъ-итальянецъ давнымъ-давно жилъ въ комнатѣ подъ лѣстницей у швейцара, помогая сторожу Антипу, котораго онъ называлъ „папо“, какъ и покойнаго дѣда, пособляя ему убирать лѣстницу и вестибюль, и нимало не подозрѣвая, кому онъ обязанъ кровомъ и пищей.

Должно быть большіе краснорѣчивые глаза Нюты ярко отражали захватившую дѣвушку печаль, потому что внезапно дѣтскія руки Розочки обвились вокругъ ея шеи, и, прильнувъ къ ней, Катя зашептала ей на ушко:

— Милая, не хандрите... И если вамъ нужно сейчасъ то, что люди называютъ почему-то презрѣннымъ металломъ, такъ скажите только слово, и я...

Природная гордость съ неудержимой силой вспыхнула въ сердцѣ Нюты. Вся залившись румянцемъ волненія и стыда, она неожиданно освободилась изъ объятій Кати и рѣзко, почти враждебно проговорила:

— Благодарю васъ, сестра Розанова, но мнѣ не надо ничего, я не нуждаюсь ни въ чемъ...—и выбѣжала изъ комнаты, въ то время какъ ея измученное сердце разрывалось отъ тоски.

— Боже мой, Боже мой! Что же дѣлать?—недоумѣвала она, до боли сжимая виски обѣими руками, измѣряя шагами длинный коридоръ общежитія, пустынный, къ счастью, въ этотъ часъ.—Что придумать? Откуда взять денегъ, чтобы участвовать въ складчинѣ?

Вдругъ она вспомнила, что у нея есть скромныя маленькія сережки-жемчужины, оставшіяся ей послѣ матери.

Внезапная радость хлынула въ душу Нюты. Конечно, жаль разставаться съ любимой памятью о дорогой покойницѣ, но вѣдь оттуда, изъ загробнаго міра, ея мать увидитъ, ради какого случая разстается она съ ея милымъ подаркомъ, и не посѣтуетъ за это на нее.

Оставалось только выбрать человѣка, которому можно было-бы довѣрить продажу вещицы. Къ счастью, Нюта вспомнила, что въ этотъ день былъ назначенъ къ выпискѣ изъ барака выздоровѣвшій старикъ Федоръ Тимошкинъ.

Ему-то и рѣшила Нюта довѣрить свою тайну.

Быстро, не накидывая даже на себя платка, она пробѣжала черезъ холодный нижній коридоръ, прозванный сестрами „катакомбами“ и соединяющій общежитіе сестеръ съ больничнымъ отдѣленіемъ, и взбѣжала по лѣстницѣ въ третій этажъ. Она уже готовилась открыть дверь тифознаго барака, какъ неожиданно до слуха ея долетѣли звуки двухъ спорящихъ голосовъ, доносившихся изъ ближайшей комнатки, гдѣ обыкновенно одѣвались предназначенные на выписку больные. Оба голоса показались странно знакомыми Нютѣ... И оба были въ достаточной мѣрѣ взволнованы и возбуждены.

— Ты Бога побойся только, Дементій Карповичъ,— говорилъ трепещущій старческій голосъ,—откуда же мнѣ взять столько? Ну, нашелся рупь, я и поблагодарилъ тебя имъ за уходъ и заботы, милъ-человѣкъ, а трешницы намъ, Богъ свидѣтель, взять негдѣ...

— Что-жъ я даромъ, что ли, за тобой больнымъ-то столько времени ходилъ, ухаживалъ, да грязь всякую вокругъ тебя убиралъ. Даромъ, что ли, а?—услышала Нюта разсерженный крикъ, въ которомъ сразу узнала голосъ новаго служителя съ пронырливыми глазами.— Давай трешницу за мое стараніе и проваливай къ ляду!

— Да гдѣ же взять мнѣ? Побойся Бога, голубчикъ ты мой!

— Ну, а не дашь, пиджакъ твой себѣ за труды оставлю. Ишь, выжига! Болѣть умѣете, пластомъ валяться, словно баре какіе на койкахъ, а небось, какъ...

Но Дементію не пришлось докончить своей фразы. Блѣдная, съ горящими глазами, очутилась на порогѣ одѣвальни Нюта и прерывающимся отъ негодованія голосомъ заговорила:

— Что вы дѣлаете, Дементій? Обираете бѣдныхъ людей, взятки съ нихъ берете? Послѣднія деньги тянете съ нихъ. Да вѣдь вы знаете, что, по уставу общины, мы не имѣемъ права пользоваться съ больныхъ ни одной копѣйкой!.. Такъ оставить этого нельзя. Мнѣ придется сообщить о вашемъ поступкѣ Ольгѣ Павловнѣ...

И Нюта, совершенно позабывъ о цѣли своего прихода въ баракъ, стремительно выбѣжала на лѣстницу и стала спѣшно спускаться внизъ, дрожа отъ негодованія и гнѣва.

На послѣднемъ поворотѣ чья-то шершавая рука схватила маленькую руку дѣвушки. Она быстро обернулась и увидѣла позади себя искаженное злобой лицо нагнавшаго ее Дементія.

— Идите, барышня, спѣшите, миленькая, не опоздайте только... глядите и я съ вами заодно къ госпожѣ начальницѣ иду. И мнѣ надо къ ней, барышня-матушка, вотъ и отлично, по дорогѣ намъ, значитъ, съ вами,— отвратительнымъ, лебезящимъ тономъ, съ непрерывнымъ хихиканьемъ, ронялъ старикъ.—Надо и мнѣ, матушка, предупредить госпожу сестрицу-начальницу о томъ, что въ ея общинѣ скрывается по подложному документу барышня одна, генеральская племянница, Анна Александ-

ровна Вербина, подъ именемъ Трудовой, сестрицы Марины. Знакома она вамъ?—съ злорадным смѣхомъ закончилъ онъ свою рѣчь.

Нюта тихо ахнула и закрыла глаза. Голова у нея закружилась, необычайно тяжелыми вдругъ сдѣлались ноги, руки затряслись и холодный потъ выступилъ на лицѣ.

Дементій далъ опомниться Нютѣ, помолчалъ съ минуту, потомъ заговорилъ снова, впиваясь маленькими, рачьими глазками ей въ лицо:

— Что, барышня? Что, не очень-то прытки стали? Небось, не по вкусу придется въ полицію попадать, да въ тюрьмѣ отсиживать за такія дѣянія? Такъ ужъ лучше на мировую со старикомъ пойти! Я съ васъ не возьму дорого, сестрица; за десяточку, такъ и быть, согласенъ молчать. Меня, знаете-ли, барышня миленькая, двоюродный братецъ вашъ Николай Сергѣичъ на ваши поиски опредѣлилъ. Я ихній служащій, изъ отставныхъ лакеевъ. Приказали искать васъ по всѣмъ больницамъ, по всѣмъ общинамъ; ну, вотъ и сыскалъ, благо личность мнѣ ваша была сыздавна извѣстна. Вы-то меня не изволили запомнить, какъ къ нашимъ въ гости пріѣзжали съ тетенькой и сестрицей; а я въ самый разъ запомнилъ васъ, барышня, въ аккуратѣ. И не напрасно. Ткнулся я, значитъ, въ одну общину, ткнулся въ другую, ну, и напалъ на слѣдъ. А теперь, барышня, условіе лучше денегъ: я человѣкъ бѣдный, такъ ужъ вы потрудитесь,

барышня, выручить меня. Пока что, десяточку рублiковъ пожалуйте, а то я не стану молчать.

Его маленькiе глазки внезапно загорѣлись угрозой. Побагровѣвшее лицо изъ заискивающаго, лебезящаго стало злымъ и угрюмымъ.

Сильно сжалось сердце смущенной, потерявшейся Нюты, когда она чуть внятно заговорила:

— У меня нѣтъ денегъ... Но я достану... Я постараюсь достать... Только... только вы не смѣете вымогать у больныхъ ихъ жалкiе гроши. Слышите, Дементiй!

При послѣднихъ словахъ лицо Нюты снова приняло его обычно спокойное выраженiе. И въ голосѣ прозвучала повелительная нотка.

Дементiй-же опять придалъ своему лицу уродливо-рабское выраженiе и захихикалъ:

— Да къ чему же мнѣ тогда обижать больныхъ, барышня? Сами посудите,—ежели ваша милость пожалуетъ десяточку на хлѣбъ бѣдному человѣку, такъ къ чему-жъ ихъ тогда обижать?

И онъ нахально протянулъ Нютѣ руку вверхъ ладонью, какъ это дѣлаютъ нищiе, прося Христа-ради.

— Хорошо, хорошо, довольно! Довольно!—сорвалось брезгливо съ губъ дѣвушки, и она бросилась снова вверхъ по лѣстницѣ, надѣясь еще застать Федора Тимошкина въ одѣвальнѣ и передать ему свое порученiе.

Въ тотъ же вечеръ старикъ Тимошкинъ вернулся

въ общину и вызвалъ черезъ Антипа въ швейцарскую сестру Трудову.

За проданныя серьги онъ выручилъ пятнадцать рублей. Изъ нихъ десять въ тотъ же часъ утонули въ объемистомъ карманѣ Дементія, а пять Нюта, передъ отходомъ ко сну, вручила Розочкѣ, какъ свою маленькую лепту для участія въ складчинѣ.

Несмотря на всѣ просьбы Нюты, старый мастеровой не взялъ отъ нея ни гроша за труды.

— Богъ съ вами, сестрица, вы меня, больного, лѣчили, караулили да ублажали всячески,—говорилъ честный старикъ совавшей ему въ руку рубль Нютѣ...—Да ни въ жизнь, ни въ жизнь! Что я, аспидъ безчувственный, что ли? Премного васъ благодаримъ за усердіе ваше, въ первый же праздникъ о здравіи рабы Божіей Марины подамъ и просвирочку вамъ принесу святую.

Въ его добрыхъ глазахъ стояли неподдѣльныя слезы благодарности, чистой и немудреной благодарности честнаго, простого труженика.

ГЛАВА XVII.

Подошли святки.

Елка для бѣдныхъ дѣтей въ общинѣ была назначена на второй день праздника, и всѣ сестры сбились съ ногъ, приготовляясь къ ней.

Съ самаго ранняго утра въ столовой общежитія шли

спѣшныя, послѣднія приготовленія къ празднику. Натягивалось полотно для кинематографа и волшебнаго фонаря, разставлялись стулья для зрителей, устанавливались столы для подарковъ, заготавливались билеты для безпроигрышной лотереи маленькихъ гостей.

У самой елки суетилась большая группа сестеръ. Пыхтя и отдуваясь, взгромоздясь на кухонный табуретъ, поставленный на столъ, хлопотала толстая раскраснѣвшаяся Кононова, прикрѣпляя звѣзду Розочки на самую вершину елки.

Розочка стояла тутъ же, придерживая табуретъ и добровольную мученицу, и командовала, сосредоточенно слѣдя за каждымъ движеніемъ сестры „просвирни".

— Правѣе... Теперь лѣвѣе... Нѣтъ, нѣтъ, правѣе же, вамъ говорятъ... Ахъ, Кононіха, Кононіха! У васъ совсѣмъ нѣтъ глазомѣра,—возмущалась она.

— Зато терпѣнія много! Что я, галка вамъ далась, что-ли, что заставляете по деревьямъ прыгать?

— Ха, ха, ха, ха!!!

— Господа, я совѣтую позвать Ярменко, онъ гигантскаго роста, живо прикрѣпитъ звѣзду,—предложилъ кто-то изъ сестеръ.

— Ну да, и повалитъ елку...

— И разобьетъ люстру...

Сестры смѣялись. Хохотала и Розочка, забывъ въ эту минуту и о табуретѣ, и о Кононовой, басившей ей сверху о томъ, что смѣяться она можетъ послѣ.

Въ это время дверь столовой открылась, и тамъ показался черноволосый итальянскій мальчикъ.

— Джіованни, Джіованни пришелъ! Иди помогать намъ, Джіованни!—послышались веселые голоса.

Маленькій итальянецъ стоялъ, съ безсознательной граціей облокотившись о косякъ двери.

Его глаза съ восторгомъ впивались въ нарядную красавицу-ель. Онъ еще не видалъ въ жизни своей подобнаго зрѣлища.

— Il Natale *), — прошепталъ онъ, указывая на изображенную на звѣздѣ картину Виѳлеемскаго событія своимъ смуглымъ пальчикомъ.

— Помоги намъ повѣсить вотъ это, Джіованни,— просила черненькая Двоепольская, нагружая мальчика ворохомъ картонажей.

Маленькій итальянецъ не сразу понялъ, чего именно отъ него хотятъ, но затѣмъ сообразилъ, вспыхнулъ отъ восторга и сталъ хлопотать вокругъ елки.

По временамъ его большіе черные глаза останавливались на Нютѣ, а розовыя губки блаженно шептали ей одной:

— О, mia sorella... Джіованни счастливъ... Папо добрый... другіе тоже... Старая сеніора, sorella начальница, проходила вчера по лѣстницѣ, когда Джіованни подметалъ ступени, и дала монету Джіованни... Всѣ

*) Рождество Христово.

добрые къ Джіованни, но Джіованни любитъ больше всѣхъ sorella Марину. Такъ любитъ, что умретъ за sorella Марину, если она велитъ...

Теперь глаза мальчика впивались въ лицо Нюты съ такимъ яснымъ выраженіемъ обожанія и преданности, что молодая дѣвушка невольно наклонилась къ ребенку и, обнявъ его, поцѣловала въ черную кудрявую головку.

Мальчикъ отвѣтилъ Нютѣ горячимъ поцѣлуемъ.

— Небось, сестру Трудову любитъ, а меня нѣтъ, — притворно-обидчиво произнесла подоспѣвшая Розочка.

— Нѣтъ, нѣтъ, и васъ любитъ Джіованни, только не такъ, какъ sorella Марину, —застѣнчиво пролепеталъ сконфуженный итальянецъ.

— А меня, небось, не очень? — тяжело сползая со своей вышки, пробасила Кононова.

— Всѣхъ любитъ Джіованни. Dio grande *) велитъ любить всѣхъ.

— Ну, вотъ и поладили, — захохотала Кононова.

— А sorell'у помощницу любишь?—лукаво сощурилась на мальчика Розочка.

— Di chi? **) — не понялъ тотъ.

— Марію Викторовну, знаешь эту?

Тутъ Розочка выпрямилась, какъ палка, сложила руки коробочкой, высоко вскинула брови и, сдѣлавшись

*) Великій Богъ.
**) Кого.

какъ двѣ капли воды похожей на Марихенъ, мелкими шажками затрусила по комнатѣ.

— Ха-ха-ха-ха!—засмѣялись сестры.

— Ха-ха-ха!—засмѣялся Джіованни.

Вдругъ и сестры, и мальчикъ смолкли сразу. Смѣхъ затихъ. Неловкое молчаніе воцарилось въ столовой.

На порогѣ комнаты стояла сама Марія Викторовна съ высоко приподнятыми бровями и приторно любезной улыбочкой, не то ехидной, не то насмѣшливой на тонкихъ губахъ.

Улыбка сбѣжала мгновенно съ лица Марихенъ. И два пятна румянца вспыхнули на ея щекахъ.

— Что онъ сдѣлалъ съ поломъ, этотъ несчастный?—почти съ ужасомъ вскричала она.—Полъ еще только наканунѣ мыли, охъ, Боже мой!

И ея мечущійся взглядъ перебѣгалъ съ Джіованни на полъ комнаты, съ пола комнаты на Джіованни, съ испуганнымъ видомъ прижавшагося къ Нютѣ и недоумѣвающими глазами глядѣвшаго на волнующуюся „помощницу“.

— Ахъ, да, вотъ... дѣйствительно, полъ... Какъ это мы не замѣтили раньше?—первая спохватилась Юматова, сокрушенно покачивая головой.

Весь полъ столовой былъ въ грязныхъ небольшихъ лужицахъ. Это Джіованни, принесшій снѣгу на подошвахъ сапогъ, испортилъ такимъ образомъ чисто убранную комнату.

— Дементія сюда, Дементія со шваброй и тряпкой! Онъ дежурный сегодня по столовой,—волнуясь приказала Марихенъ.—А ты, мой милый, ступай къ себѣ, тебѣ не мѣсто здѣсь, ты только производишь безпорядокъ. Ступай въ свою комнатку. Когда зажгутъ елку и приведутъ дѣтей, тебя позовутъ.

И слегка подтолкнувъ мальчика въ спину, она выпроводила его за дверь.

На мѣстѣ Джіованни очутился Дементій.

— Вотъ вытрите,—приказала ему Марихенъ,—Джіованни натопталъ здѣсь снѣгу.

— Это что такое? Никакъ въ праздникъ убирать заставите? Скверный мальчишка напачкалъ, а я тутъ возись! Да ни въ кои вѣки! Пущай самъ моетъ! Что я ему лакей что-ли?—заворчалъ Дементій, разводя руками.

Онъ былъ замѣтно навеселѣ, и его маленькіе глазки вызывающе и дерзко поглядывали на всѣхъ.

Марія Викторовна вдругъ вспыхнула несвойственнымъ ей гнѣвомъ:

— Нѣтъ, вы вытрете, разъ я вамъ приказываю, или я васъ выгоню сію же минуту, потому что вы дерзки и пьяны!

Это было такъ неожиданно для Дементія, что онъ невольно повиновался и, угрожающе взглянувъ въ глаза стоявшей ближе всѣхъ къ нему Нютѣ, принялся за чистку, ворча и ругаясь себѣ подъ носъ.

Принялись и сестры за прерванное дѣло, но прежнее

приподнято-веселое настроеніе какъ-то исчезло внезапно, безъ слѣда.

Незначительный, повидимому, случай спугнулъ безпечную праздничную веселость...

□ □

Въ этотъ день не было общаго стола. Обѣдали каждая у себя въ комнатѣ, такъ какъ столовая была отдана подъ елку.

Наскоро справившись съ казеннымъ обѣдомъ, Нюта взяла со своей тарелки приготовленное въ этотъ день на третье блюдо песочное пирожное и, завернувъ его въ бумажку, понесла Джіованни.

Она ежедневно дѣлала это, отдавая свою порцію сладкаго маленькому итальянцу.

Быстро спустившись по лѣстницѣ, пустынной въ этотъ обѣденный часъ, она вбѣжала въ швейцарскую и очень удивилась, не видя тамъ, обычно поджидавшаго ее въ это время у дверей своей каморки, Джіованни. Впрочемъ не одинъ итальянецъ, но и Антипъ отсутствовалъ къ крайнему изумленію Нюты.

— Джіованни,—тихонько позвала она,—иди скорѣе, Джіованни, я что-то принесла тебѣ...

И вдругъ, она вздрогнула всѣмъ тѣломъ. Изъ каморки швейцара послышался короткій, рѣзкій вопль, мгновенно придушенный и перешедшій въ стонъ, чуть слышный и слабый. Затѣмъ еще стонъ... Другой... Тре-

тій... Потомъ ударъ чего-то хлесткаго, сильнаго по мягкому предмету. И опять стонъ, еще болѣе глухой, но протяжный... И удары, удары, снова посыпавшіеся безъ счета и числа...

Блѣдная, испуганная, съ промелькнувшей въ мозгу съ быстротою молніи догадкой, Нюта рванулась впередъ къ двери, схватилась за ручку ея, дернула къ себѣ, но, увы, дверь не поддалась: она была закрыта изнутри задвижкой.

— Отворите сію минуту, или я позову сторожей, всю общину, позову сейчасъ же!—кричала она, ударяя своими маленькими кулаками въ дверь.

Странные звуки въ комнаткѣ прекратились сразу. Что-то съ шумомъ задвигалось тамъ, и чей-то грубый голосъ произнесъ со злобой:

— Ну, будетъ съ тебя! Попомнишь до слѣдующихъ ремней! будетъ!..

И тихій жалобный вопль боли и муки...

— Джіованни!.. О, Господи, его бьютъ!

Вся кровь бросилась въ лицо Нюты.

— Если вы не откроете тотчасъ же, я...—внѣ себя вскричала дѣвушка и рванула ручку. Щелкнула задвижка, распахнулась дверь, и на порогѣ ея Нюта увидѣла ненавистную ей фигуру Дементія.

Служитель, пошатываясь, едва держался на ногахъ. Его налитые кровью глаза блуждали, его лицо, перекошенное гримасой изступленной злобы, было багровокрасно. Дрожащими отъ бѣшенства руками онъ ста-

рался застегнуть ременный поясъ на себѣ, но это никакъ не удавалось ему.

Въ раскрытую дверь каморки Нюта увидѣла растрепанную, смятую кровать Антипа, а поперекъ нея извивавшуюся отъ боли, корчившуюся маленькую фигурку, плакавшую навзрыдъ.

Въ минуту все происшедшее стало ясно Нютѣ. И дрожа отъ негодованія, она заслонила Дементію дорогу.

— Какъ вы смѣли? Какъ вы смѣли его бить? Кто далъ вамъ это право? Я не прощу вамъ этого никогда, никогда! Завтра же вся община узнаетъ о вашемъ поступкѣ, и Ольга Павловна прежде всѣхъ... Да, да... И завтра же васъ здѣсь не будетъ!

Весь хмель, казалось, выскочилъ у Дементія изъ головы при этихъ словахъ дрожащей, взволнованной Нюты. Обурѣвавшее его бѣшенство закипѣло въ немъ съ удвоенной силой.

— Ахъ, такъ-то вы? За мою то есть доброту-то? За то, что я васъ покрываю, барышня! Ну, ладно, коли такъ, попомните вы меня, узнаете, что значитъ доносить на меня изъ-за ледящаго нищаго мальчонки, на вѣрнаго слугу-работника... Эка невидаль, проучилъ малость ремнемъ мальчишку! Не растаетъ, не сахарный. Пущай полъ не портитъ, подѣломъ ему, а вы... доносить. Ишь, какое слово сказали!

— Завтра же васъ не будетъ здѣсь!—холоднымъ,

ледянымъ тономъ произнесла, внезапно успокаиваясь, Нюта, и ея обычно кроткіе глаза блеснули угрозой.

Должно быть много твердаго, непоколебимаго рѣшенія прочелъ въ этихъ глазахъ Дементій, потому что вдругъ онъ весь съежился, поблѣднѣлъ.

Но это было лишь на мгновеніе. Въ слѣдующую же секунду онъ снова принялъ свой дерзкій, нахальный видъ и произнесъ, нагло хихикая и кривляясь:

— Ладно, коли такъ, барышня-сестричка. Соскучились, стало быть, здѣсь, другой обстановки пожелали-съ? Ну, да ладно; повидаете и ее, крохотную такую комнатку, съ тюремной рѣшеткой на окнѣ, съ часовымъ у двери. Знаете ли, что такая комнатка ожидаетъ ту барышню, которая ежели по фальшивому пачпорту живетъ? Незнаете, хи-хи-хи?

— Вонъ!—не своимъ голосомъ крикнула Нюта.— Сію же минуту вонъ! И если вы не уйдете сейчасъ же отъ меня, я позову, крикну на помощь!..

Ея сѣрые глаза горѣли рѣшительнымъ огнемъ. Поблѣднѣвшее лицо было бѣло, какъ известь.

— Ухожу, барышня, ухожу, но помните: все узнается нынче же: Дементій Карпычъ умѣетъ постоять за себя, и мы еще посчитаемся, сестрица! Возьмите терпѣнія на часъ, не замедлю отплатить. Еще посмотримъ, чья возьметъ. А теперь, счастливо оставаться, пока что.

И, нахально презрительнымъ взглядомъ окинувъ Нюту, онъ вышелъ изъ комнатки. Дѣвушка стремительно

кинулась къ все еще стонущему и рыдающему отъ боли Джіованни.

— Мальчикъ мой, бѣдный, милый!.. Джіованни мой, радость моя, успокойся; забудь этого злого человѣка, дитя мое! Тебѣ больно, да? Крошка мой несчастный!

Она обнимала ребенка, цѣловала его, гладила своею нѣжною ручкой его черные кудри.

И постепенно стихали, подъ вліяніемъ ея ласки, жгучія слезы обиженнаго, побитаго малютки.

Джіованни поднялъ лицо, залитое слезами, съ влажными глазами, похожими на черешни, облитыя дождемъ, и, сжимая руки Нюты, залепеталъ быстро-быстро:

— Папо вышелъ... пришелъ злой zio *) и сталъ бить Джіованни за то, что онъ испачкалъ полъ... Было больно, очень больно, ахъ!—и онъ заплакалъ снова.

— Милый ты мой, бѣдный, слушай меня: злой дядя не придетъ больше, мы его не пустимъ, а вечеромъ пойдемъ въ залу, зажжемъ елку, будетъ много дѣтей, играть съ ними станетъ Джіованни, а потомъ будетъ смотрѣть, какъ двигаются и пляшутъ фигурки на полотнѣ. И гостинцы будутъ, и подарокъ для Джіованни. Sorella Марина, его сестричка, приготовила ему кое-что, а пока...

Тутъ Нюта вытащила изъ кармана пирожное и сунула въ руку итальянца.

---

*) Дядя.

Его слезы высохли совсѣмъ. Глаза уже блестѣли оживленной, радостной улыбкой. Недавнее горе и побои, если и не были вполнѣ забыты впечатлительной дѣтской душой, то постепенно теряли свою острую боль воспоминаній, и мальчикъ былъ снова счастливъ въ эти минуты...

ГЛАВА XVIII.

Ровно въ семь часовъ широко распахнулись двери столовой, и огромная толпа дѣтишекъ, возрастомъ отъ двухъ до двѣнадцати лѣтъ, ввалилась въ комнату. За ними вошли почетныя попечительницы, начальство, приглашенные гости, доктора съ ихъ семействами, родственники сестеръ и сами сестры.

Часть ихъ, впрочемъ, уже находилась въ столовой и, въ качествѣ хозяекъ, радушно принимала гостей.

А посреди комнаты стояла великолѣпная, развѣсистая, прямая и стройная ель, вся въ золотыхъ украшеніяхъ и блесткахъ, освѣщенная безчисленными огнями свѣчей. Вдоль стѣнъ длинными рядами тянулись столы съ подарками и мѣшечками гостинцевъ.

Почетная попечительница и члены благотворительнаго общества пришли на помощь сестрамъ въ устройствѣ въ общинѣ елки и прибавили свои пожертвованія къ ихъ скромной складчинѣ.

И елка вышла на славу.

Ребятишки испуганно-восхищенными глазами, съ прерывавшимся дыханіемъ и раскрытыми ртами, смотрѣли на нее.

Имъ, выросшимъ въ затхломъ воздухѣ сырыхъ чердаковъ и подваловъ, было дивно и необычайно это сказочное зрѣлище рождественскаго праздника.

Робко и смущенно толпились они въ дверяхъ до тѣхъ поръ, пока рѣзвая, какъ птичка, всюду поспѣвающая Розочка не влетѣла въ ихъ толпу, не схватила на руки самую маленькую изъ всей толпы дѣвчурку и, приказавъ всѣмъ остальнымъ дѣтямъ слѣдовать за собою, не повела ихъ къ столамъ.

Сестра Кононова раздавала билетики, сестра Двоепольская назначала подарки. За роялемъ, сдвинутымъ къ печкѣ, сидѣла Юматова, съ блѣднымъ, улыбающимся обычной своей грустной улыбкой, лицомъ и съ чувствомъ играла старинный рождественскій гимнъ.

Сестра Клементьева, обычно такая суровая, строгая, „свирѣпая сестра“, какъ ее въ шутку прозвалъ Валентинъ Петровичъ, усадила къ себѣ на колѣни маленькаго, особенно бѣдно, убого одѣтаго мальчугана и угощала его сочными ломтиками апельсина.

Въ другомъ углу стояла Нюта, держа за руку Джіованни. Пальцы мальчика конвульсивно сжимали руку дѣвушки, его глаза впивались въ огоньки елки. Его губы шептали восторженно:

— О, Santa Virgine Maria! О, Dio-Creatore! *), какъ хорошо, какъ хорошо!

— Вотъ тебѣ билетикъ, иди за подаркомъ,—подлетѣла къ мальчику Розанова.

— А sorella Марина пойдетъ со мной?

— И sorella твоя пойдетъ, не бойся... Въ пекло ада полѣзетъ за тобой твоя sorella,—смѣясь отвѣтила Катя, увлекая къ столамъ Нюту и ея маленькаго пріятеля.

— А что, сестрицы, на мою долю не припасли подарочка? — спросилъ, высунувшись изъ толпы гостей, Семинаристъ.

— Да побойтесь вы Бога, Дмитрій Ивановичъ, это дѣтямъ подарки. Развѣ вы дитя?—замахали на него руками сестры.

— А развѣ нѣтъ?—дѣлая обиженное лицо, произнесъ тотъ.

Дѣйствительно, онъ, этотъ огромный человѣкъ, былъ похожъ на большого, добродушнаго ребенка: такъ неподкупно-искренне свѣтились чистой дѣтской радостью его большіе темные глаза.

— Берегитесь, докторъ, вы елку повалите,—предупредила маленькая Двоепольская, неожиданно схватывая и отводя отъ дерева огромнаго Ярменко.

— Ну, нѣтъ, шалите, сегодня я ничего не сокрушу. Увидите, сестрицы; не въ такомъ я нынче настроеніи,—

*) О, Святая Богородица! О, Богъ-Создатель!

отвѣтилъ Ярменко, но въ то же мгновеніе, отступивъ назадъ, метнулся въ сторону.

На полу лежалъ маленькій мальчикъ, что называется, заходясь отъ рева. Нечаянно Ярменко толкнулъ малютку.

— Ага, что я говорила! — торжествовала подоспѣвшая Розочка,—если не чашку, такъ кому-нибудь носъ разобьетъ.

Всѣ бросились къ пострадавшему мальчику, но самъ Ярменко опередилъ всѣхъ, подхватилъ на руки плачущаго крошку, вскинулъ его на свое огромное плечо и, тщательно поддерживая своими сильными руками ребенка, запрыгалъ съ нимъ по комнатѣ.

— Вотъ какъ мы! Гопъ-ля-ля! Гопъ-ля-ля!

Недавнихъ слезъ не было и помину. Сіяющій отъ счастья, мальчугашка вцѣпился обѣими ручонками въ львиную гриву гиганта и заливчато смѣялся на всю комнату.

Въ противоположномъ углу три молоденькія сестры, испытуемыя-курсистки, окруживъ доктора Козлова, усиленно потчевали его сластями и фруктами.

— Орѣшковъ, Валентинъ Петровичъ, флотишекъ, пожалуйста,—предлагала ему миловидная Симонова.

— Господь съ вами, сестрица, чѣмъ же грызть ихъ буду? Ужъ лѣтъ десять, какъ я блещу отсутствіемъ зубовъ,—смѣялся веселый докторъ.

— Я вамъ раскушу, хотите?

— И я!

— И я!

— Вы бы апельсинчикъ взяли, Валентинъ Петровичъ!

— Сохрани, Боже! Кажется, никакъ три уже проглотилъ!

— Четвертый тогда. „И, полно, что за счеты?“

— Да что вы, сестрички? Богъ съ вами, что вамъ азъ грѣшный надоѣлъ, что ли, окормить хотите? Караулъ! Закармливаютъ тутъ, караулъ!—неожиданно выкрикнулъ докторъ Козловъ и, комично подпрыгивая, далъ „тягу“ отъ курсистокъ, къ общему восторгу и смѣху присутствующихъ.

Докторъ Семеновъ держался больше группы гостей, ухаживая за „свѣтскими барышнями и дамами“.

— Ишь, ты, съ нами и разговаривать не хочетъ,— замѣтивъ Семочку въ „свѣтской“ группѣ, бросила запыхавшаяся Розочка, и лукавая улыбка пробѣжала по ея насмѣшливому задорному лицу.

— Докторъ, Евгеній Владиміровичъ, подержите мнѣ этого плаксу. Мнѣ надо игры устраивать, а онъ не даетъ, всѣ руки отдавилъ, право.—И, прежде чѣмъ Семочка успѣлъ отвѣтить что-либо, на его колѣняхъ очутилось какое-то двухгодовалое, неистово ревущее существо.

Дѣлать было нечего, пришлось волей-неволей ублажать плачущаго ребенка, который, кстати сказать, кричалъ такъ пронзительно-звонко, что всѣ находившіяся подлѣ

Семочки гостьи-барышни отлетѣли отъ него, зажимая уши и убѣгая въ противоположный уголъ комнаты.

А смущенный, растерявшійся и раздраженный Семеновъ шипѣлъ и присвистывалъ, прищелкивая пальцами, всѣми мѣрами стараясь успокоить изступленно ревущаго мальчишку.

— Докторъ Фокъ! Докторъ Аврельскій! Дмитрій Ивановичъ! Валентинъ Петровичъ! Къ намъ не примкнете ли? У насъ золотыя ворота сооружаются,—кричала веселая молоденькая сестра Симонова, съ миловиднымъ вздернутымъ носикомъ и веснушатымъ, точно желтымъ бисеромъ усыпаннымъ, лицомъ.

— Увольте старика, сестрицы,—хмурясь и улыбаясь въ одно и то же время, бросилъ Аврельскій въ то время, какъ остальные доктора, желая потѣшить маленькихъ гостей и милыхъ хозяекъ, приняли дѣятельное участіе въ устройствѣ игръ.

Шумъ, смѣхъ, веселый, заразительный смѣхъ счастливаго дѣтства мигомъ наполнили комнату. Играли въ золотыя ворота, въ кошки-мышки, въ трубочиста и ангела.

Счастливыя, ярко-разгорѣвшіяся лица дѣтишекъ, ихъ радостные голоса, визгъ и топотъ ихъ маленькихъ ножекъ перемѣшивались съ голосами взрослыхъ, едва ли менѣе довольныхъ, нежели дѣтвора.

Подъ веселый смѣхъ присутствующихъ, погнался Фикъ-Фокъ за живымъ и юркимъ, какъ обезьянка,

Джіованни и неожиданно растянулся при гомерическомъ хохотѣ присутствующихъ во всю свою длину.

— О, фуй, какой оплошность! Я шуть-шуть не упаль немножко,—заявилъ, смущенно улыбаясь, присутствующимъ нѣмецъ, вызывая новый взрывъ веселаго смѣха.

□ □

Одна только Нюта чувствовала себя нѣсколько не по себѣ. Сегодняшняя угроза Дементія не выходила у нея изъ головы. Она мучительно сосала сердце дѣвушки, какъ червякъ точила его, не отпуская ни на минуту своей жертвы.

— Скажетъ, донесетъ, и тогда—все пропало. Арестъ, тюрьма, можетъ быть, еще болѣе строгое взысканіе,—постоянно проносилось въ головѣ Нюты.—Ну, что-жъ! Значитъ, я заслужила эту кару, значитъ, заслужила. Знала, на что шла. Вѣдь, знала, знала отлично,—тутъ же успокаивала себя дѣвушка, стараясь во что бы то ни стало отвязаться отъ докучнаго червяка.

— А все же, завтра же скажу Ольгѣ Павловнѣ все про Дементія, про его взятки, побои... все... Что бы мнѣ ни грозило за это, скажу... Нельзя ради собственнаго страха терпѣть присутствіе здѣсь въ общинѣ такого сквернаго безсовѣстнаго человѣка,—тутъ же рѣшила она.—Успокойся, милый Джіованни, ты будешь отомщенъ.

Ея глаза быстро отыскали знакомую, юркую, подвижную фигурку.

Маленькій итальянецъ веселился больше остальныхъ дѣтей. Онъ разгорѣлся отъ бѣга, и черные глаза его сверкали, какъ никогда.

— Какой очаровательный ребенокъ!—долетали до Нюты восхищенные отзывы гостей. Джіованни подзывали, то и дѣло, то одна, то другая изъ гостей, его ласкали и задаривали наперерывъ деньгами. Всѣмъ интересно было знать исторію маленькаго шарманщика-итальянца. Заставили его принести шарманку, играть его пѣсни.

Послышались безхитростные звуки разбитаго инструмента „Addio a Nappolis, Santa Lucia“. И снова въ карманъ куртки Джіованни посыпались крупныя и мелкія монеты изъ рукъ добрыхъ людей. Торжествующій и счастливый, блестя глазами, сверкая улыбкой, онъ бѣжалъ къ Нютѣ и лепеталъ, прижимаясь головой къ ея плечу.

— О, Джіованни много денегъ дали, много монеты. Sorella, теперь мы уѣдемъ съ вами на теплую родину Джіованни, къ синему морю, къ ясному небу, къ цвѣтамъ и солнцу... Правда? И тамъ купитъ Джіованни своей сорелла шелковое платье, какъ у важной синьоры, и она будетъ настоящая знатная синьора.

— А ты очень любишь твою сореллу, мальчикъ?— неожиданно прозвучалъ надъ ними странно-знакомый Нютѣ голосъ.

Дѣвушка подняла голову.

Передъ нею стоялъ высокій, молодой человѣкъ, въ больничномъ халатѣ, съ исхудалымъ, блѣднымъ лицомъ, открытымъ и симпатичнымъ. Голубые веселые глаза его мягко смотрѣли на Нюту и Джіованни.

— Не узнали меня, сестра?—улыбаясь произнесъ юноша.

— Какъ не узнала!—также улыбнувшись, проговорила Нюта.—Вы—Кручининъ.

— Собственной своей персоной! Да! Вчера имѣлъ удовольствіе встать съ постели, а сегодня почтилъ, какъ видите, праздникъ своимъ присутствіемъ.

— Не рано ли, смотрите! Вы еще пока слабы,—предостерегающе произнесла Нюта.

— Не могъ не придти. Присосѣдился къ больнымъ, направившимся сюда, и вотъ я передъ вами. Вѣдь, я для васъ только и пришелъ на елку, сестра.

— Для меня?—глаза Нюты, вопрошающіе и чистые, какъ у ребенка, удивленно вскинулись на молодого человѣка.

— Ну, да, для васъ! Не дѣлайте такого наивно-непонимающаго лица! Я все узналъ вчера отъ доктора Козлова: и мой безумный горячечный поступокъ, и вашу самоотверженность по отношенію меня. Вы спасли мнѣ жизнь, сестра. Позвольте мнѣ пожать вашу руку.

И, схвативъ руку Нюты горячей, сильной, худой рукой, онъ крѣпко сжалъ ея пальцы.

— Ну, это ужъ слишкомъ много сказано: спасла жизнь. Просто я помѣшала вамъ выброситься изъ окна,—улыбнулась Нюта.

— И я чуть не вытолкнулъ васъ на улицу вмѣсто себя и это знаю тоже,—горячо подхватилъ студентъ.— И какъ вы трое сутокъ не отходили отъ моей постели ни на минуту, и это знаю. Все знаю, не знаю только одного, чѣмъ мнѣ васъ отблагодарить за все, за все...

— Господа! Сейчасъ начнется представленіе кинематографа, просимъ занимать мѣста!—послышались громкіе голоса.

— Вы позволите сѣсть около васъ?—спросилъ Нюту Кручининъ.

— Пожалуйста! Очень рада!

— Вы мнѣ напоминаете лицомъ и фигурой сестру мою Соню. Она живетъ близъ Н-ска, въ глуши, у насъ тамъ имѣньице маленькое... Сестра Соня такая же самоотверженная, чуткая, готовая на подвигъ, какъ и вы... Когда я гляжу на васъ, мнѣ кажется, что я вижу ее... Вотъ, когда придется побывать въ нашихъ краяхъ, заѣзжайте, сестрица...

— Спасибо...

— А мать-старуха, когда увидитъ васъ, съ ума сойдетъ отъ радости. Я ей написалъ все, какъ было. Пусть благословляетъ васъ старушка. Вы стоите этого! А ужъ какъ рада-то будетъ, если заглянете къ намъ!

— Я не знаю, когда же... вы видите...

— Авось, вырвется когда нибудь минутка свободная. Вѣдь, пользуются же отдыхомъ сестры. Ну, вотъ и вы пріѣзжайте отдохнуть къ намъ, какъ къ себѣ домой, попросту, безъ затѣй, право! Вѣдь, у васъ нѣтъ родныхъ никого?

— Да!

И Нюта вспыхнула до ушей, произнося эту ложь со смущеннымъ сердцемъ. Кручининъ окинулъ ее сочувственнымъ взглядомъ.

— А не страннымъ ли кажется вамъ, сестра, что я, будучи въ бреду, въ жару горячки, умѣлъ запечатлѣть ваше лицо настолько, что вотъ прямо, безошибочно подошелъ къ вамъ, узнавъ васъ среди сотни другихъ сестеръ?—спросилъ Кручининъ.

Нюта не успѣла отвѣтить. Окончилось представленіе кинематографа, гости задвигали стульями, дѣтей уводили по домамъ. Праздникъ кончался.

XIX.

— Ну, вотъ справили елку—и опять одни. Ольга Павловна Шубина, какъ пастырь среди своей паствы, стояла въ толпѣ сестеръ.—Кажется, все сошло хорошо и благополучно,—прибавила она.

— Вполнѣ благополучно, Ольга Павловна,—подхватила Розочка, — вполнѣ благополучно, если не счи-

тать упавшаго Фока, чуть не разбившаго носъ ребенку Дмитрія Ивановича, и мэня, въ пылу суеты отдавившую доктору Аврельскому его любимую мозоль.

— Ахъ, Катя, Катя! И когда вы станете взрослой, солидной сестрой!—покачала головою начальница въ то время, какъ окружавшія ее сестры сочувственно улыбались общей любимицѣ.

— Ахъ, Ольга Павловна, если бы вы видѣли, какъ Катя доктора Семенова заставила ребенка качать. Вотъ-то потѣха!—выступила впередъ толстая Кононова.

— Ха-ха-ха! Дѣйствительно, была картина!.. Вотъ!

Тутъ Розочка быстро опустилась на стулъ, схватила въ руки какой-то свертокъ и вмигъ превратилась въ Семочку, качающаго на колѣняхъ плачущаго ребенка.

Веселый смѣхъ сестеръ покрылъ эту продѣлку.

Даже серьезная, замкнутая въ себѣ Ольга Павловна не могла не улыбнуться. Разсмѣялась и Нюта вмѣстѣ съ остальными. Но смѣхъ ея тотчасъ-же оборвался, а лицо сдѣлалось бѣлѣе бѣлаго передника, надѣтаго на ней.

Она скорѣе инстинктомъ, нежели глазами, увидѣла того, кто вошелъ и остановился у дверей столовой. Сердце ея толкнулось сильнымъ, ошеломляющимъ ударомъ, потомъ быстрыми-быстрыми толчками заколотилось крѣпко, сильно... Всей душой почувствовала она приближеніе неминуемаго грознаго рока...

Этотъ рокъ въ видѣ краснаго, пошатывающагося

пьянаго человѣка стоялъ на порогѣ столовой и смотрѣлъ вызывающе и дерзко на нее, Нюту...

Прямо на нее...

□ □

Глубокое молчаніе воцарилось въ большой столовой, молчаніе, въ которомъ почудилась сразу грозная, надвигающаяся бѣда...

Затихли сестры. Замолчали. Лица всѣхъ невольно, какою-то непонятной силой, пристально обратились къ дверямъ.

— Что тебѣ здѣсь нужно, Дементій?—недовольнымъ тономъ проронила Ольга Павловна, и ея темныя брови сурово сошлись надъ переносицей.

— Ты, кажется, пьянъ?—морщась, добавила она.

— Такъ точно, госпожа начальница, выпимши немножко, это вѣрно! Хи-хи-хи... нечего грѣха таить... пропустилъ малость. А только и въ пьяномъ видѣ намъ отлично извѣстно то, чего вы, трезвыя, не досмотрѣли, да-съ!—нахально произнесъ служитель.

— Ты что это себѣ позволяешь, Дементій? Какъ ты смѣешь?

Краска густого румянца залила мгновенно щеки, лобъ и подбородокъ Шубиной.

— Что ты мелешь? Что ты можешь знать? Пойди вонъ, проспись, а завтра приходи къ управляющему за расчетомъ. Я не могу держать на такой отвѣтственной

должности пьющихъ и дерзкихъ людей. Ты дежуришь въ баракахъ. Ступай вонъ!

— Это, какъ вашей милости угодно будетъ, — еще нахальнѣе произнесъ тотъ. — Уйду-то я и самъ уйду, потому что здѣсь мнѣ быть не гоже... Въ скорости здѣсь такая сумятица пойдетъ, полиція понаѣдетъ, допросъ станутъ чинить, такъ что, дѣйствительно, здѣсь мнѣ не мѣсто. Я человѣкъ честный и по подложному пачпорту не живу.

— Что? Что такое? Что за чушь такая?—роняла Шубина, и сдержанное, какъ бы застывшее въ своемъ спокойствіи, лицо отразило на минуту внезапное смятеніе, овладѣвшее этой закаленной въ жизненныхъ битвахъ душой.

— Объясни мнѣ сейчасъ же, что это значитъ?— совладавъ съ собою, въ ту же секунду повелительнымъ тономъ произнесла она.

— А то значитъ, госпожа начальница, —дерзко вскинувъ на Шубину свои маленькіе глазки, повышая и безъ того громкій голосъ, заговорилъ Дементій,—а то значитъ, сударыня вы моя, что среди сестеръ вашихъ скрывается подъ чужимъ пачпортомъ одна генеральская племянница, а родственники ее ищутъ по всей Россіи... Изъ дому, видите ли, тишкомъ сбѣжала... А вотъ я сыскалъ бѣглянку и нынче далъ знать въ полицію и куда слѣдуетъ, потому тяжкое это преступленіе, подлогъ, и виновная должна понести за него кару передъ

закономъ... Фальшивый пачпортъ, сами знаете,—за это по головкѣ не погладятъ, да-съ!

Если бы сейчасъ въ эту комнату влетѣла боевая граната, всѣ присутствующіе врядъ ли испугались бы и смутились бы болѣе того, нежели испугало и смутило ихъ это неожиданное сообщеніе.

Ольга Павловна, поблѣднѣвшая, какъ смерть, невольно шагнула впередъ къ Дементію и, стараясь всѣми силами совладать съ охватившимъ ее волненіемъ, сказала:

— Про кого вы говорите? Я приказываю вамъ назвать эту сестру! Сію минуту, сейчасъ!

— Сестра Марина Трудова—вовсе не сестра Трудова, какъ она себя называетъ, а Анна Александровна Вербина, вотъ кто она! И живетъ по поддѣльному паспорту, скрываясь подъ чужимъ именемъ... Да-съ!—громкимъ, яснымъ, отчетливымъ голосомъ произнесъ Дементій; казалось, послѣдніе остатки хмеля соскочили съ него.

Тихое „ахъ“ вырвалось вздохомъ изъ молодыхъ и старыхъ грудей присутствовавшихъ.

Всѣ взоры обратились къ Нютѣ.

Бѣлѣе снѣга, съ широко-раскрытыми глазами и закаменѣвшимъ лицомъ, стояла она въ сторонѣ ото всѣхъ, и странное спокойствіе разливалось по этому лицу въ эти тяжелыя для нея минуты.

— „Все кончено!“—казалось, говорило это лицо.—„То,

чего такъ мучительно боялась моя душа, свершилось, больше ждать нечего. Теперь—конецъ. Ахъ, если бы умереть, умереть сейчасъ! А то, вѣдь, меня ждетъ позоръ, арестъ, тюрьма...“

Но попрежнему страннымъ спокойствіемъ отчаянія вѣяло отъ ея застывшаго лица. Потянулись минуты. Одна за другою, одна за другою. Сердца присутствующихъ бились ускореннымъ темпомъ. Глаза, не отрываясь, смотрѣли, направленные въ одну цѣль—на эту тоненькую, хрупкую дѣвушку, такую милую, тихую и безотвѣтную, оказавшуюся преступницей передъ людьми и закономъ.

Казались вѣчностью приходившія и уходившія минуты, тягучія, безконечныя, несносныя своей поразительной длительностью, насыщенной мукой.

И вотъ прервалась тишина, ужасная тишина, полная затаеннаго страданія.

— Ступай вонъ! И чтобы сейчасъ же духу твоего не было въ общинѣ!—прозвучалъ чей-то, знакомый и незнакомый въ то же время, повелительный голосъ, и сестры увидѣли стоявшую посреди комнаты Шубину, съ властно протянутой къ двери рукой. Никогда въ жизни не замѣчали онѣ такого выраженія въ лицѣ старшей сестры-начальницы. Это лицо пылало, пылали румянцемъ негодованія щеки, пылали гнѣвомъ глаза...

Слова ея относились къ Дементію.

Послѣдніе остатки винныхъ паровъ вылетѣли изъ

головы этого человѣка. Онъ хотѣлъ было заартачиться, протестовать, но новое твердое „вонъ!“, сорвавшееся съ блѣдныхъ до синевы губъ начальницы, было такъ грозно, такъ непоколебимо властно, что невольно пригнулась подъ нимъ растрепанная голова дерзкаго служителя, и онъ поспѣшно, какъ-то бокомъ, выскочилъ за дверь.

— А теперь,—когда его отталкивающая своимъ видомъ фигура скрылась изъ столовой, произнесла Ольга Павловна, и ея пылающее лицо обратилось къ Нютѣ,— теперь скажите мнѣ только одно слово, сестра Трудова, скажите, что этотъ человѣкъ солгалъ, и я повѣрю вамъ безъ колебанія, повѣрю, и все останется попрежнему.

И опять потянулись минуты, опять воцарилась зловѣщая, жуткая тишина... Опять смотрѣли сестры на Нюту полнымъ скорби, сочувствія и ободряющей нѣжности взглядомъ, однимъ большимъ общимъ взглядомъ тридцати паръ разгоряченныхъ волненіемъ глазъ.

И снова внезапно прервалась тишина большой комнаты. Быстро расталкивая ряды сестеръ, съ дальняго конца, изъ молчаливой толпы, пробивалась Катя Розанова.

Глаза дѣвочки-сестры были полны слезъ. Съ обычно веселаго оживленнаго личика сбѣжали краски. Она бросилась впередъ, къ Нютѣ, схватила ее за руку, и слезы и слова цѣлымъ потокомъ хлынули, рванулись съ ея глазъ и губъ...

— Милая... родная... скажите же... скажите имъ... что это ложь... неправда... Ложь наглая, ужасная... злая... жестокая ложь...—Вы—Трудова, Марина, чистая, прекрасная, самоотверженная... Онъ солгалъ, этотъ злой, безсовѣстный человѣкъ... Скажите имъ всѣмъ... скажите... Умоляю васъ... на колѣняхъ,—и Розочка скользнула на полъ и, обнявъ ноги Нюты, зарыдала навзрыдъ.

Тоненькая, блѣдная дѣвушка съ силой отвела обвивавшія ее маленькія руки подруги и смѣло шагнула впередъ.

Ея большіе сѣрые глаза утеряли какъ-то сразу ихъ обычное дѣтски-пытливое выраженіе.

Мучительно страдающая женская душа глянула изъ ихъ потемнѣвшей глубины, и новый, твердый, непоколебимый голосъ этой слабенькой, хрупкой по виду дѣвушки прозвучалъ, какъ тяжелый приговоръ, въ большой столовой:

— Нѣтъ, онъ не солгалъ! Онъ сказалъ правду: я обманула всѣхъ васъ... Я—не Марина Трудова, я—Анна Вербина. Судите меня!

И, пошатываясь, блѣдная, какъ смерть, Нюта вышла изъ столовой.

ГЛАВА XX.

МУЧИТЕЛЬНО потянулась жизнь.

Тяжелымъ кошмаромъ давили послѣдующія событія Нюту. Она находилась еще въ общинѣ, но ей строго-настрого было запрещено ходить на лекціи, въ аудиторіи, въ бараки, на дежурства, въ амбулаторный пріемъ.

Ей отвели небольшую комнату въ концѣ коридора, заставивъ покинуть милый „десятый нумеръ“, взяли съ нея слово не уходить тайкомъ изъ общины, не сноситься съ сестрами. Ни съ кѣмъ.

— Если вы убѣжите отсюда, какъ убѣжали изъ дому,—вы подведете меня, навлечете на мою голову еще большій позоръ. И я попрошу васъ не разговаривать, не сноситься съ сестрами, пока...

И Ольга Павловна не договорила. Такъ и не узнала Нюта, что значило это „пока“. Начальница смотрѣла на Нюту холодными, враждебными глазами. Она возмущалась противъ всякой лжи, всякихъ обмановъ, и поступокъ дѣвушки казался ей такимъ лживо-непристойнымъ, некрасивымъ, безчестнымъ.

Ей, всѣми уважаемой, высокочтимой начальницѣ-сестрѣ, подъ властью которой сгруппировалась цѣлая среда самоотверженныхъ женщинъ, ей приходилось признаться передъ самой собою, передъ окружающими

ее, передъ всѣмъ городомъ, что темное пятно наложено на ея родное общежитіе, что въ стѣнахъ его оказалась дѣвушка-обманщица, подмѣнившая документы, жившая подъ чужимъ именемъ. И она, старая, опытная женщина, могла дать обмануть себя!

— Вы мнѣ должны сказать всю правду,—сказала на слѣдующій же день Ольга Павловна, зайдя къ Нютѣ въ ея крошечную комнату. — Всю правду, какъ на исповѣди.

Въ отвѣтъ Нюта взволнованно разсказала лишь вкратцѣ, какъ она рѣшила уйти изъ дома генеральши-тетки и какъ, опасаясь, что ей помѣшаютъ осуществить ея мечту, рѣшила принять фамилію своей подруги Трудовой и подъ ея именемъ вступить въ общину.

Ольга Павловна молча выслушала разсказъ, а потомъ сухо сказала:

— Какія бы ни были у васъ побужденія, вы все-таки совершили подлогъ... Вы не имѣли права обманывать насъ, не имѣли права выдавать себя за другую... Это не честно...

Однако, несмотря на все свое негодованіе, Ольга Павловна не могла не жалѣть „заблудшую во тьмѣ лжи и обмана“ дѣвушку и рѣшила помочь ей выйти изъ непріятнаго положенія. На слѣдующій же день она поѣхала къ одному важному генералу, упросила его походатайствовать, чтобы Нюту не арестовали, выставивъ поступокъ дѣвушки въ самомъ невинномъ

свѣтѣ. Затѣмъ, узнавъ у Нюты мѣстопребываніе Марины Трудовой, она написала письмо незнакомой дѣвушкѣ, прося ее немедленно выслать документы Нюты Вербиной, обѣщая послать ей взамѣнъ бумаги и паспортъ ея, Марины.

Оставалось ждать результата хлопотъ.

Положеніе самой Нюты въ общинѣ было все это время такое же неопредѣленное, странное. Устраненная отъ дѣла, она продолжала жить одинокой въ маленькой комнатѣ, въ концѣ коридора.

□ □

— Сестра Марина, Нюта, Нюточка! Можно къ вамъ?

Веселыя сумерки январьскаго солнечнаго дня врывались въ комнату. Косые лучи убѣгавшаго солнца золотили просунувшуюся въ дверь бѣлокурую головку.

— Нѣтъ, — глухо и рѣзко отвѣтила Нюта, не глядя на заглянувшее въ комнату милое лицо, — нѣтъ!

— Но... родная моя...

— Уйдите, Розочка. Вы знаете, я дала слово не разговаривать, не сноситься съ вами, ни съ кѣмъ... Я дала слово.

— Какая чушь! Какой вздоръ! Что за дѣвочка маленькая, которую заставили сидѣть въ пустой комнатѣ!.. И она еще боится ослушаться приказанія!

— Катя!

Голосъ Нюты холоденъ и глухъ. Такимъ голосомъ говорятъ люди, потерявшіе вѣру въ радости жизни.

— Нюта! Честная моя Нюта! Впустите меня!

— Нѣтъ!

Какая мука говорить это „нѣтъ“ тогда, когда вся душа рвется къ теплу и свѣту,—къ свѣту ласкъ этой милой дѣвочки!.. Такъ хочется высказать ей такъ много и горячо благодарить за сочувствіе ея и заботы. Но она не должна, не смѣетъ. И тяжелый, холодный камень давитъ грудь Нюты. Тамъ гдѣ-то бьется усиленнымъ темпомъ, то вдругъ умолкая, неожиданно замирая, ея израненное тяжелой горечью сердце.

— Катя, сестра Розанова, душа моя,—рвется изъ этого больного маленькаго сердца крикъ ужаса и тоски,— оставьте меня! Не томите! Я не могу нарушить даннаго слова. Ольга Павловна въ правѣ была требовать этого отъ меня. Я вредный членъ общества, я совершила подлогъ! Уйдите же, уйдите, не мучьте меня, Катя!

— Простите! Это не относится ко мнѣ! Я пришелъ проститься съ вами, сестра Трудо... Вербина... Надѣюсь, вы не откажете мнѣ въ удовольствіи пожать вашу руку.

Нюта вздрагиваетъ всѣмъ тѣломъ. Передъ ней стоитъ юноша въ формѣ студента-медика—Кручининъ. Еще новый свидѣтель ея позора! Зачѣмъ! Зачѣмъ Розочка привела его сюда?

— Я все знаю.—говоритъ Кручининъ, и его обычно-

веселые, живые голубые глаза подернуты грустью... — Мнѣ все разсказали ваши друзья... И... и... уходя отсюда, выписываясь изъ больницы, я пришелъ еще разъ поблагодарить васъ, сестра, за себя, за свою мать, за сестру Соню, и сказать вамъ, что я васъ попрежнему искренно и глубоко уважаю. Спасибо вамъ, родная, если бы не вы...

Онъ махнулъ рукою. По его лицу пробѣжала свѣтлая, ясная улыбка.

— Вотъ что, сестра! Я вѣрю и знаю одно: вы ничего не могли сдѣлать дурного въ жизни. Тутъ кроется какое-то недоразумѣніе... Даю вамъ мой адресъ. Послѣ выпускныхъ экзаменовъ я ѣду писать диссертацію въ деревню, къ себѣ. Вы знаете, я кончаю этою весною. Такъ вотъ, если пожелаете, пріѣзжайте къ намъ. Очень далеко, глухо живемъ мы, но у насъ поблизости есть больница. Тамъ руки рабочія необходимы, Соня тамъ одна едва справляется... Такъ вотъ, если вы пожелаете, если будетъ охота, пріѣзжайте работать вмѣстѣ съ нами...

И онъ, робко взявъ ее за руку, заглянулъ ей въ глаза.

— О, милый, милый Кручининъ!

Что-то теплое прилило къ сердцу Нюты, увлажнило ея глаза. Хотѣлось поблагодарить, отвѣтить, но не было силъ. Спазма сжимала горло.

Если ее выгонятъ изъ общины, если даже посадятъ

въ тюрьму, по выходѣ изъ нея, она, Нюта, можетъ снова идти на родное дѣло, вступить на любимый путь...

О, добрый, прекрасный, великодушный человѣкъ, спасибо тебѣ, спасибо!..

Но она не могла произнести ни слова, горло сжимало тисками, грудь разрывалась отъ наплыва рыданій.

Кручининъ видѣлъ волненіе дѣвушки и не захотѣлъ больше тревожить ее. Онъ быстро сунулъ ей въ руку бумажку съ адресомъ, крѣпко пожалъ эту руку, почтительно и низко склонился передъ нею и поспѣшилъ къ двери, за которой взволнованно шагала Розочка, приведшая его сюда.

□ □

Было уже темно. Забывъ время и часы, Нюта сидѣла въ глубокой задумчивости надъ давно остывшимъ обѣдомъ, принесеннымъ ей коридорной прислугой, какъ неожиданно широко раскрылась дверь, и на порогѣ въ темнотѣ сгущенныхъ сумерекъ она увидѣла маленькую, юркую фигурку Джіованни.

Опрометью мальчикъ бросился къ ней, схватилъ ея руки, прижалъ къ своимъ щекамъ, какъ онъ это дѣлалъ въ минуты особенной нѣжности.

Въ тотъ же мигъ Нюта почувствовала двѣ теплыя слезинки на своихъ горячихъ ладоняхъ.

— Sorella, mia carrissima *),—быстро-быстро залепе-

*) Дорогая моя.

талъ ребенокъ, опускаясь на колѣни передъ Нютой.— Что слышалъ Джіованни? Отъ паппо слышалъ, паппо сказалъ. Sorella Марина—не sorella Марина и ее посадятъ за это въ тюрьму. Povere *)! Горе мнѣ! Sorella mia возьмутъ, и одинъ одинешенекъ останется Джіованни. O, mio Dio! O, divina Madonna! Povere Джіованни! Povere sorella, Dio mio!

— Нѣтъ, нѣтъ, милый! Антипъ пошутилъ, твой паппо Антипъ сказалъ это въ шутку. Твою сореллу никто не возьметъ отъ тебя, а теперь ступай... Да, вотъ еще: твой паппо не ошибся въ одномъ: sorell'у зовутъ Нютой, Анной, а не Мариной. Sorella Нюта... Запомнишь, милый? Да?

И не удерживая слезъ, молодая Вербина порывисто ласкала добраго мальчугана.

— Si, sorella!—уже весело отозвался изъ темноты ребенокъ и вдругъ вскочилъ на ноги. — Ахъ, Dio mio! Но слушайте, sorella. Джіованни прибѣжалъ сказать sorella, что у синьоры начальницы важные гости. Они сейчасъ придутъ сюда къ sorell'ѣ Мари... Нютѣ, всѣ! Паппо Антипъ велѣлъ передать Джіованни, а Джіованни—asino **) чуть не забылъ.

— Ага! Спасибо, Джіованни! Ступай, мой мальчикъ. До свиданія пока!..

— Adio, sorella Нюта!—вырвалось изъ груди ребенка.

---

*) Бѣдная.
**) Оселъ.

И, быстро обнявъ шею дѣвушки, онъ на минуту прижался лицомъ къ ея лицу и вслѣдъ затѣмъ исчезъ за дверью.

— Сейчасъ сюда придутъ. Можетъ быть, полиція, чтобы арестовать меня... Какая мука, какая мука!.. — прошептала Нюта, нехотя поднимаясь съ кресла. И повернула электрическую кнопку на стѣнѣ.

Комната освѣтилась мертвенно-молочнымъ свѣтомъ.

Въ тотъ же мигъ по коридору послышались шаги. Дверь распахнулась снова, и Нюта увидѣла Софью Даниловну Махрушину, поддерживаемую съ двухъ сторонъ дочерью и Саломеей.

— Annete!

Генеральша скорѣе простонала, нежели произнесла это слово.

— Annete, дитя мое! Зачѣмъ ты такъ жестока? О!—рука Софьи Даниловны поднесла къ носу флаконъ съ солями, предупредительно поданный ей Саломеей.

— Нюта! Или я не была тебѣ второй матерью, что ты рѣшила опозорить мои сѣдины?

У tante Sophie были черные волосы безъ единаго признака сѣдины, но, очевидно, она придавала другое, болѣе глубокое значеніе и смыслъ сказанной фразѣ.

— Ты убила меня своимъ поступкомъ, Нюта! Убила всѣхъ насъ. .—произнесла снова послѣ минутной паузы генеральша.

— Поистинѣ, убили тетечку, Нюточка, — ввернула свое слово Саломея, придавая кислое выраженіе своему, и безъ того несимпатичному, лицу.

— Ты убѣжала тайкомъ изъ нашего дома!.. Подумай, сколько разговоровъ, сплетенъ было по этому поводу среди нашихъ знакомыхъ... Всѣ, конечно, полагаютъ, что это я, жестокая тетка, заставила тебя бѣжать... Да! Да!.. Но что объ этомъ говорить... Теперь одно средство какъ-нибудь поправить это дѣло: ты должна покаяться и вернуться опять къ намъ...

— Никогда!—вырвалось какъ-то невольно изъ устъ Нюты.

— Что-о? — воскликнула генеральша. — Ты и этого не желаешь!?

— Я не могу!—твердо произнесла Нюта.

— Вернись, Нюта! Пожалѣй маму!—шепнула Женни на ухо Вербиной съ другой стороны.

— Annete, я умоляю тебя... Я, твоя старая тетка, я прошу тебя пощадить всѣхъ насъ, — говорила генеральша. — Подумай, что скажутъ въ свѣтѣ, Нюта? О, ужасъ! Mon Dieu, что только будутъ говорить о насъ всѣхъ... Этотъ подложный паспортъ, этотъ побѣгъ изъ дому... Я не могу спокойно говорить объ этомъ. Нѣтъ!

И опять Саломея сунула въ руку генеральши граненый флакончикъ съ солями, и та поднесла его разслабленнымъ жестомъ къ носу.

— Слышишь, Нюта, вернись! Ты должна это сдѣ-

лать!—раздраженнымъ, почти злымъ шопотомъ сказала Женни, и ея раскосые глазки впились въ лицо кузины враждебнымъ взглядомъ.

— Вернитесь, Нюточка, пока не поздно, успокойте тетечку. Право, Нюточка, вернитесь,—тянула Саломея.

— О, Боже, за что ты караешь меня! — поднявъ театрально глаза къ потолку комнаты, стонала Софья Даниловна.—Что скажутъ Бранты, Растригины, Трюмина, Огарины, Вальтеръ?

Бурнымъ протестомъ закипѣла душа Нюты при этихъ словахъ. Если бы Нюта видѣла хотя самую маленькую дозу любви къ ней со стороны ея дальнихъ родственниковъ, ея привязчивая, чуткая душа откликнулась бы вѣроятно на этотъ призывъ нѣжной благодарностью. Но теперь она поняла одно: не ее надо было вернуть во что бы то ни стало tante Sophie, не ее, Нюту Вербину, не любимую племянницу, — страхъ и боязнь передъ голосомъ свѣта руководили желаніемъ генеральши.

Сердце Нюты забилось, лицо вспыхнуло.

— Нѣтъ! — сорвалось рѣзко съ ея дрогнувшихъ губъ.—Нѣтъ, не просите, я не могу вернуться къ вамъ, тетя. Не могу!

— Но тебя вернутъ силой! Черезъ полицію вернутъ, понимаешь? — вспыхнула въ свою очередь Женни, и ея дѣтски-невинное личико перекосилось отъ злости.

— Тебя вернутъ силой, пойми, пойми, дурочка...

тебѣ же лучше вернуться къ намъ добровольно, подъ крылышко мамы... У мамы связи въ свѣтѣ, можно затушить всю эту глупую исторію, замять... А тутъ тебѣ арестъ грозитъ, можетъ быть, тюрьма, заключеніе...

— Пусть тюрьма и заключеніе,—я не вернусь! Благодарю тетю и тебя за ваши заботы, но я не вернусь!— прозвучалъ твердый, непоколебимый голосъ.

— О, Боже мой! Она убьетъ меня, эта неблагодарная, дрянная дѣвчонка!

И генеральша закачала во всѣ стороны головою.

— Злая, гадкая Нюта! Какъ тебѣ не стыдно? О! Мамочка, успокойтесь, милая, оставимъ ее, пусть погибаетъ, пусть ее возьмутъ и бросаютъ въ тюрьму. Она не понимаетъ своего счастья, глупая, ничтожная дѣвчонка!.. — волнуясь, кричала чуть не въ голосъ Женни. Затѣмъ, переводя духъ и впиваясь въ Нюту тяжелымъ негодующимъ взглядомъ своихъ раскосыхъ глазъ, прибавила:

— Но, вѣдь, тебя выгонятъ отсюда! Развѣ ты этого не знала? Выгонятъ, выгонятъ, я знаю навѣрно. Да!— торжествуя и злясь, выбрасывала она слово за словомъ.— Куда ты дѣнешься тогда, куда? Скажи, скажи!

— Въ тюрьму! Вѣдь ты же сказала, что меня бросятъ въ тюрьму,—былъ спокойный отвѣтъ.

Этотъ отвѣтъ произвелъ, очевидно, сильное впечатлѣніе.

Вслѣдъ за словами Нюты начался невообразимый сумбуръ. Генеральша рыдала, сжимая руки, и перебирала громко имена своихъ свѣтскихъ знакомыхъ, передъ которыми она, генеральша, не смѣетъ теперь поднять глазъ, благодаря „ужасному“ поступку Нюты.

Саломея стонала и поддакивала въ тонъ генеральшѣ.

Женни осыпала упреками Нюту и, забывъ весь свой свѣтскій лоскъ, бранилась, какъ рыночная торговка.

Неизвѣстно, чѣмъ кончилась бы вся эта сцена, если бы въ дверь не просунулась знакомая Нютѣ голова сестры-просвирни и грубоватый басъ Кононовой не прогудѣлъ:

— Сестра Вербина! Васъ къ Ольгѣ Павловнѣ зовутъ на квартиру...

Схватившись руками за голову, Нюта выбѣжала за дверь.

ГЛАВА XXI.

ТЕПЕРЬ ей было все равно. Ее очевидно позвали, чтобы сдать въ руки полиціи. Она знала это, но ни арестъ и ничто другое не пугало ея. Душа точно замерла въ непосильномъ страданіи, замерла и окаменѣла подъ гнетомъ тоски...

Быстро молча шагала она въ нѣсколькихъ аршинахъ разстоянія за умышленно, казалось, убѣгавшей

отъ нея Кононовой, и странная апатія охватывала, словно какими-то холодными, желѣзными, цѣпкими оковами, все ея измученное не въ мѣру существо. Хотѣлось уйти, какъ можно дальше, отъ упрековъ и стоновъ, криковъ и брани, посыпавшихся такъ неожиданно на ея, и безъ того низко пригнувшуюся подъ гнетомъ горя, головку.

Она сошла съ лѣстницы, миновала швейцарскую и вошла въ полутемный нижній коридоръ. Хорошо ей извѣстнымъ, „чернымъ“ ходомъ прошла она крошечную прихожую квартиры Шубиной, столовую и, шагнувъ мимо спальни со знакомымъ ей кіотомъ, очутилась въ пріемной Ольги Павловны.

Здѣсь, въ этой большой, просторной комнатѣ, находилась вся община, во всемъ составѣ, бывшемъ налицо. Сестры сидѣли на стульяхъ, диванѣ и креслахъ, занимали широкіе подоконники оконъ и принесенные изъ столовой бамбуковые стулья. Наконецъ, тѣ, кому не хватало мѣста, стояли въ дверяхъ и группировались у камина, весело потрескивавшаго въ этотъ зимній, студеный вечеръ.

Ольга Павловна находилась тутъ же, подлѣ Маріи Викторовны. Она была блѣднѣе обыкновеннаго, хотя лицо ея казалось болѣе, чѣмъ когда-либо, замкнутымъ и спокойнымъ.

Вошедшая нѣсколько раньше Кононова быстро подошла къ начальницѣ и тихо сказала ей что-то.

— А. хорошо! Пришла...—проронила Шубина и повернулась лицомъ къ двери навстрѣчу входившей какъ разъ въ эту минуту Нютѣ.—Пожалуйста, Вербина, возьмите себѣ стулъ и присядьте,—услышала Нюта обращенную къ ней фразу.

Вербина! Не сестра Вербина, а просто Вербина,—точно что ужалило истерзанное сердце Нюты. Значитъ—конецъ.

Машинально опустившись на подставленный ей чьей-то невидимой рукой стулъ, Нюта затуманенными глазами обвела присутствующихъ.

Печальныя, вытянутыя, какъ на похоронахъ, лица, опущенные въ землю глаза...

Вотъ стоитъ худая и стройная Юматова. Ея взоры не опущены, какъ у всѣхъ, она смотритъ въ упоръ на Нюту и ея прекрасные, грустные черные глаза говорятъ что-то. Но что? Нюта не можетъ разобрать.

Вотъ заплаканное, распухшее отъ слезъ до неузнаваемости, дѣтское личико Кати.

Вотъ смуглыя, рѣзкія, почти мужскія, черты Клементьевой, ея сердито нахмуренныя брови. Она покусываетъ губы и смотритъ въ полъ на убѣгающую въ глубь комнаты дорожку половика.

Вотъ Мушка-Двоепольская смущенно теребитъ конецъ косынки. Веснущатая, миловидная Симонова, толстая, рыхлая Смурова съ растерянно широко-раскрытымъ ртомъ, сестра-бабушка, высохшая, дряхлая, по-

хожая на призракъ, и еще многія, многія другія, которыхъ не можетъ различить Нюта сквозь туманъ, застилающій ей глаза.

Ни единаго живого звука не слышно въ большой, ярко освѣщенной комнатѣ. Только потрескивающій въ каминѣ коксъ да шумъ вѣтра за окномъ нарушаютъ тишину.

Поэтому невольно вздрагиваютъ сестры, когда неожиданно звучитъ первая фраза начальницы.

— Вербина! Я позвала васъ сюда, чтобы здѣсь, въ присутствіи всей общинной семьи нашей, сказать вамъ, что съ нынѣшняго дня вы не можете оставаться съ нами. Вы исключены изъ состава сестеръ...

Какъ ни была подготовлена ко всему самому ужасному Нюта, но почва заколебалась у нея подъ ногами и вся комната заходила ходуномъ въ сразу помутившихся глазахъ. Она конвульсивно, крѣпко, до боли сжала свои пальцы.

— Вы не можете оставаться съ нами, — звучалъ рѣзкими металлическими нотами все дальше и дальше голосъ Шубиной; — сестра милосердія, заклеймившая себя такимъ недостойнымъ обманомъ, не можетъ оставаться сестрой. Единственно, что я могла сдѣлать для васъ, Вербина, это то, что исторію съ паспортомъ мнѣ удалось замять, затушить, и вы не будете преслѣдуемы административной карой. Сегодня вы переночуете съ нами, а завтра...

— Этого нельзя!.. нельзя!.. это несправедливо, жестоко!—послышался рыдающій голосъ.

— Будьте сдержаннѣе, сестра Розанова, или выйдите, если не умѣете владѣть собою!—еще строже прозвучалъ спокойный, уравновѣшенный голосъ, и мигомъ стихло подавленное рыданіе въ углу.

— Завтра же вы уѣдете отсюда! — продолжала сухо Шубина, обращаясь опять къ Нютѣ. — Вотъ ваши документы; я получила ихъ нынче отъ Марины Іосифовны Трудовой. Желаю вамъ отъ души успокоиться и найти дѣло по сердцу.

— Итакъ, съ завтрашняго дня вы свободны, можете уѣхать отъ насъ—закончила начальница.

— Этого нельзя, Розанова права! Вы не сдѣлаете этого! — послышался съ порога комнаты чей-то, незнакомый Нютѣ, мелодичный голосъ.

Всѣ живо повернулись въ ту сторону, откуда слышался онъ, и однимъ общимъ радостнымъ крикомъ вырвалось изъ груди сестеръ:

— Бѣльская! Сестра Ольга!.. Вернулась Бѣльская! Наконецъ-то!

— Я, друзья мои, я! — снова произнесъ, вѣрнѣе, пропѣлъ мелодичный голосъ. Никогда еще за всю свою жизнь не слыхивала Нюта такого голоса. Изъ глубины прихожей показалась небольшая фигура въ тепломъ пальто, съ платкомъ на головѣ. Нельзя было сказать, стара или молода вновь прибывшая, красива она или дурна. Черты

Вербина! вы не можете оставаться съ нами...

Гос.
Публичная
Библиотека
в
Ленинграде

лица, цвѣтъ кожи—все пропадало, стушевывалось какъ-то въ этомъ не молодомъ и не старомъ лицѣ, съ огромными глазами.

Такихъ глазъ Нюта не встрѣчала никогда. Лучистые, свѣтлые, они тихо сіяли и, сіяя, видѣли, казалось, то, чего не видѣлъ никто изъ остальныхъ людей. Они видѣли правду, видѣли благо, видѣли небо во всей его недоступной красотѣ, боль человѣческихъ страданій, темень и нужду пасынковъ и падчериць жизни, и тосковали общимъ горемъ, и радовались общей радостью, и страдали общимъ съ людьми большимъ человѣческимъ страданіемъ.

Сейчасъ ихъ голубой огонь точно разливался по всему лицу, когда Ольга Бѣльская заговорила снова, наскоро сбросивъ съ себя шубку и размотавъ платокъ:

— Я пришла во-время, подоспѣла какъ разъ, слава Богу! Вся община въ сборѣ—слава Тебѣ, Господи! Вижу снова милыхъ сестеръ, вижу и то, что неладно что-то. Слышала я кое-что, знаю уже многое, все знаю... Можно сказать? Сестра Юматова, Леля, мнѣ писала про дѣвушку эту. — Глаза Бѣльской указали на невольно подавшуюся впередъ, ей навстрѣчу, Нюту.—Да, Леля писала и о томъ, какъ поступила сюда молоденькая барышня изъ „свѣтскихъ“, по фамиліи Трудова, странная такая, тихая, застѣнчивая... И о томъ, какъ пожертвовала собою ради маленькаго итальянца; какъ, сама по-

луживая, истекая кровью, притащила его въ баракъ, и какъ студента горячечнаго спасала, и какъ на свои жалкіе гроши содержитъ мальчика-итальянца. И о томъ, какъ, встрѣтивъ на улицѣ родственниковъ, сама не своя ходила и мучилась, бѣдняжка. Видно, не сладко было на душѣ... Чистая, добрая, отзывчивая душа. Виновна ли она въ томъ, что должна была уйти изъ дому, вырваться подъ чужимъ именемъ изъ ненавистной ей свѣтской жизни? Развѣ она знала, что́ за проступокъ совершала? Развѣ она соображала, что совершаетъ подлогъ, выдавая себя за Трудову и пользуясь ея паспортомъ?.. Вся душа ея рвалась къ подвигу самоотверженія и самопожертвованія; она жизнь свою, не колеблясь, готова была положить за людей, она рвалась трудиться для нихъ, не покладая рукъ, дни и ночи, а мы... мы хотимъ оттолкнуть ее отъ насъ! Ее, вручившую намъ такъ довѣрчиво и просто свою молодую жизнь! Нѣтъ, не дѣло это, сестры, и вотъ что, Ольга Павловна, я скажу вамъ, я, неученая, простая мужичка, приволжская крестьянка: ежели исключите вы изъ среды общинной эту милую дѣвушку, исключите заодно и меня, Ольгу Бѣльскую, заодно съ нею тоже... Земнымъ поклономъ прошу я васъ о томъ.

И, къ немалому удивленію Нюты, сестра Бѣльская опустилась на колѣни и коснулась пола склоненной головой.

Что-то неизъяснимое произошло слѣдомъ за этимъ.

Плачущія сестры окружили начальницу, подняли съ колѣнъ Бѣльскую, чего-то просили хоромъ, хватая руки Ольги Павловны, пожимая и цѣлуя ихъ.

Суровое лицо Шубиной дрогнуло, что-то засвѣтилось въ глубинѣ ея размягченныхъ глазъ. Она горячо обняла стоявшую передъ ней Бѣльскую и произнесла тихимъ, смятеннымъ голосомъ:

— Будь по-вашему, Ольга! Пусть остается сестра Вербина среди насъ... Вы правы, ея добрыя дѣла пересилили опрометчивый, преступный поступокъ,—и начальница протянула руку Нютѣ.

Послѣдняя шагнула впередъ и широко раскрытыми глазами обѣжала сгруппировавшихся вокругъ нея сестеръ, остановила ихъ на Юматовой, съ выраженіемъ благодарности перевела на Бѣльскую и... съ внезапно поблѣднѣвшимъ лицомъ упала безъ чувствъ къ ногамъ сестры Ольги...

□ □

— Милая! Родная! Выпейте это!

Нюта съ усиліемъ открыла глаза. Знакомая, милая комната — десятый номеръ. Вокругъ — встревоженныя, знакомыя лица Юматовой, Розочки, Кононовой и то, другое, мало знакомое, но такое безконечно дорогое— ея смѣлой защитницы Бѣльской.

— Ну что, очнулась, дѣтка? Ну и ладно! Давай знакомиться со мной... Ты ужъ извини, я всѣхъ и кажда-

го „тыкаю", не могу къ„ вы" привыкнуть. Что подѣлаешь? Мужицкая во мнѣ закваска глубоко сидитъ... Розочка, давай-ка сюда, матушка, капелекъ лавровишневыхъ! Напою волнушу нашу... Господь дастъ, совсѣмъ опомнится сейчасъ.

И, присѣвъ на край постели Нюты, Бѣльская бережно поила ее съ ложечки какимъ-то лѣкарствомъ.

Ея глаза сіяли такой лаской и нѣжностью навстрѣчу глазамъ Нюты, что бѣдной, изстрадавшейся дѣвушкѣ невольно подъ этимъ взглядомъ припомнилось другое безконечно родное лицо, далекое дѣтство, материнскія ласки...

И Нюта невольно заплакала, прижавшись къ плечу этой невѣдомой, чужой и уже такой близкой ея душѣ, такъ быстро завладѣвшей ею, этой душой, Ольги.

— Плачь, милая, плачь, голубка!—сказала Бѣльская,— Въ слезахъ топится горе. Легче будетъ, дитятко, когда поплачешь, родная ты моя.

И жилистая, некрасивая, вся въ мозоляхъ, рука сестры гладила прижавшуюся къ ней свѣтлую головку такъ любовно, такъ по-родственному, по-матерински, мягко и нѣжно.

— Спасибо вамъ, спасибо, голубушка, дорогая!— всхлипывая, шептала Нюта.

— Не меня благодари, не меня, а Юмата нашего! Охъ, ужъ этотъ Юматъ, прыткая бабочка, что и говорить. Все повывѣдала, да и мнѣ написала: „Пріѣзжаи,

молъ, сестрица Бѣльская, не то худо будетъ, выручай!“

— Такъ вы для меня это?!

Нюта не договорила и, вспыхнувъ до корней волосъ, смотрѣла на Бѣльскую смущенными, растерянными глазами.

— А то какъ же? Отпросилась отъ своего больного пораньше, благо на поправку идетъ, и вотъ и я. Не могла попасть домой повидать Наташу при жизни, но хоть къ твоему уходу поспѣла...

— Милая вы, хорошая! Спасибо! — шептала Нюта.

— Она святая! — произнесла Розочка. — А если не святая, то, во всякомъ случаѣ, прелесть! И Леля тоже прелесть: знала, что никого, кромѣ сестры Бѣльской, никого не послушается „Шуба“ наша и выписала ее. Молодецъ, Леля! — и она бросилась на шею подругѣ.

— Отъ всей души благодарю васъ, сестра Елена!— протянула ей руку Нюта.

Та смущенно отвела глаза.

— Не могу принимать благодарности, не стою! Каждая на моемъ мѣстѣ сдѣлала бы то же.

— А я же не сдѣлала, я-то прозѣвала, а?—подхватила съ отчаяніемъ въ голосѣ Катя.

ГЛАВА XXII.

БЫСТРОЙ чередою замелькали снова дни, недѣли и мѣсяцы. Рука жизни неустанно вертѣла свое спѣшно вращающееся колесо.

Прошла встрѣча Новаго года съ обычнымъ ужиномъ въ квартирѣ начальницы, прошли крещенскіе студеные дни, прошла масленица, наступилъ Великій постъ. Загудѣлъ призывно-меланхолическимъ звономъ гулкій колоколъ на общинной церкви. Потянулись молящіяся „свѣтскія", мірскія и свои общинныя, въ неизмѣнныхъ сѣрыхъ или коричневыхъ платьяхъ, фигуры, въ бѣлыхъ косынкахъ, въ бѣлыхъ передникахъ, съ алокрасными крестами на груди.

Готовились къ величайшему ежегодному событію въ жизни сестеръ: къ празднику „посвященія".

Въ аудиторіяхъ шли непрерывныя репетиціи, провѣрочныя испытанія курсистокъ.

Въ баракахъ и амбулаторіяхъ тѣ же курсистки работали подъ надзоромъ настоящихъ сестеръ „на практическихъ занятіяхъ".

У окулиста Фока было тихо, чинно и вѣжливо на его „глазныхъ" лекціяхъ. Онъ попрежнему любезно кланялся и вѣжливо улыбался, называя „мейнъ фрейлейнъ" каждую сестру, боясь обидѣть, боясь огорчить чѣмъ-либо своихъ слушательницъ.

Скучновато проходили его лекціи. Зато у доктора Козлова въ его аудиторіи стоялъ дымъ коромысломъ.

Пересыпая шутками, остротами и мѣткими словечками своего неисчерпаемаго репертуара, общій любимецъ умѣлъ говорить увлекательно и интересно о своихъ предметахъ.

Даже неудачливая, флегматичная и простоватая сестра Смурова сумѣла добросовѣстно усвоить всѣ лекціи добряка.

— Берегись, сестрицы, на экзаменѣ забодаю! Ой, вы еще не знаете, какъ умѣетъ бодаться Козелъ!—округляя по-птичьему глаза, кричалъ онъ страннымъ голосомъ на всю аудиторію подъ веселый взрывъ смѣха ученицъ.

Докторъ Аврельскій раздражался и нервничалъ больше, чѣмъ когда-либо.

— Ну, какія изъ васъ сестры выйдутъ? Ну, можно ли такъ суетиться и разсѣиваться? Глядите: вмѣсто бока, вы больному піявку на носъ поставите. Хорошо, нечего сказать!.. Картина да и только!.. Мозгами пошевеливайте, мозгами!—бранился онъ, приводя въ неописуемый трепетъ и безъ того робѣвшихъ „курсистокъ".

Среди всѣхъ этихъ хлопотъ, суеты и треволненій незамѣтно приближался роковой день, совпадавшій въ этомъ году съ первымъ днемъ Воскресенія Христова.

А на улицѣ, за двойными стеклами, голубѣло по весеннему небу. Ярко и неумолимо затопило солнце своими лучами таявшіе снѣга. Звонко чирикали воробьи

на крышахъ, привѣтствуя свѣтлое пробужденіе природы отъ долгаго, зимняго сна.

Шла весна, шла легкимъ, быстрымъ, волнующимъ шагомъ, щедро разсыпая людямъ улыбки, радость, надежды и привѣтъ...

□ □

Подошла Страстная недѣля.

Весна, дружная и теплая, въ этомъ году установилась неожиданно и скоро.

Еще болѣе заунывно и тягуче запѣлъ большой колоколъ, призывая молящихся. На двѣнадцати евангеліяхъ, слушая глубоко проникновенныя слова священнаго писанія, Нюта, стоя въ рядахъ сестеръ, вспомнила среди молитвъ о томъ, что должно было случиться съ нею черезъ трое сутокъ...

Она—сестра.

Настоящая, „посвященная“, крестовая сестра. Исполнится завѣтная мысль. День посвященія закрѣпитъ ее навсегда въ эту среду, среду, отдающую себя всю безъ остатка на служеніе людямъ, для утишенія ихъ страданій и духовныхъ нуждъ.

Все складывалось теперь такъ, какъ давно о томъ мечтала дѣвушка.

Ея родственники Махрушины оставили ее въ покоѣ, примирились съ „совершившимся фактомъ“, какъ писала генеральша. Бабушка, которой Нюта послала длинное сер-

дечное письмо съ подробнымъ описаніемъ всего происшедшаго съ нею, прислала ей благословеніе на трудный путь. Это письмо, какъ святыню, берегла Нюта, нося на груди подъ лифомъ платья. Теплыя, любящія строки, написанныя дрожащей старческой рукой, высказанная въ нихъ горячая увѣренность въ силы и чистую душу Нюты лучше всякаго бальзама уврачевали раны, нанесенныя судьбою въ первые мѣсяцы пребыванія дѣвушки въ стѣнахъ общины.

Полная сладкаго трепета, полная самыхъ жгучихъ надеждъ, ждала Нюта торжественнаго часа.

И вотъ этотъ часъ наступилъ...

Въ пятницу исповѣдывались, въ субботу причащались „крестовыя сестры“; вновь же посвящаемыя должны были принять посвященіе на Свѣтлой заутренѣ въ Великую Пасхальную ночь.

Ровно въ половинѣ двѣнадцатаго ударилъ колоколъ въ Исаакіевскомъ соборѣ. Ему отвѣтили тотчасъ же со всѣхъ петербургскихъ колоколенъ безчисленные гулкіе колокола. И пошелъ „малиновый“ перезвонъ торжественной и радостной Пасхальной ночи. Неизъяснимою радостью, волною необъяснимаго, юнаго, молодого, ликующаго чувства дохнуло на весь православный міръ столицы вмѣстѣ съ этими торжественными звуками колоколовъ.

Радость залила проснувшуюся землю, радость освѣтила пробужденную яркимъ ея свѣтомъ ночь, радость

засыпала незримыми для глазъ цвѣтами все живое въ этотъ часъ на землѣ.

□ □

Въ группѣ шести посвящаемыхъ сестеръ, среди ярко освѣщенной безчисленными огнями пасхальныхъ свѣчей церкви, стоитъ Нюта.

Шесть взволнованныхъ, трепетныхъ, въ коричневыхъ платьяхъ и черныхъ передникахъ съ красными крестами на груди, фигурокъ, ликующихъ и свѣтлыхъ, молятся со всѣми вмѣстѣ въ эту дивную ночь.

Взоры всѣхъ присутствующихъ прикованы къ нимъ, къ этимъ шести женщинамъ и дѣвушкамъ, вступающимъ на избранный ими путь

Огромная, нарядная толпа „свѣтскихъ“ смотритъ на эти скромныя фигуры. Лица мужчинъ въ блестящихъ мундирахъ и изысканныхъ фракахъ, глаза дамъ въ свѣтлыхъ, роскошныхъ туалетахъ—все это обращено на нихъ, на этихъ шесть женщинъ и дѣвушекъ, отдавшихъ себя, обрекшихъ всю свою жизнь на подвигъ милосердія и добра.

А на обоихъ клиросахъ прекрасные, звучные голоса пѣвчихъ выводятъ всегда желанное и радостное:

— Христосъ Воскресе!

Нюта невольно поднимаетъ руку, нащупываетъ гладкій, глянцевитый квадратикъ мягкаго шелка у себя на груди.

Крестъ!

Желанный, святой, прекрасный символъ. Символъ ея самоотреченія, символъ принесенія въ жертву людямъ ея молодыхъ силъ, ея юной, едва пробуждающейся жизни.

Этотъ крестъ, подъ величайшей тайной для всѣхъ, а пуще всего для нея, Нюты, нашила ей Розочка своими маленькими ручонками.

— Вотъ, Нюточка, носите съ Богомъ! — говорила она.—И помните: четыре иглы сломала и шесть разъ палецъ уколола, все старалась, чтобы глаже приладить... Вотъ...

— Милая! — невольно мысленно приласкала ее Нюта.—Всѣ вы милыя, добрыя, золотыя у васъ сердца. И я теперь ваша, совсѣмъ ваша.

— „Мама! Родимая!—глубже и слаще, мучительнѣе пронизала ее мысль.—Видишь ли ты оттуда изъ далекаго, невѣдомаго міра радость твоей Нюты? Ты молишься за нее, родная, и вотъ услышаны твои молитвы, мама, твоя Нюта счастлива, счастлива вполнѣ!“..

Тихія, умиротворенно-радостныя подходили „посвященныя“ къ святой чашѣ съ причастіемъ. Ихъ лица радостно сіяли, счастливо горѣли глаза... пламенѣли щеки...

Старенькій, почтенный, двадцать пять лѣтъ прослужившій въ общинѣ, отецъ Симеонъ вышелъ сказать слово „посвящаемымъ“.

— Сестры, дѣти мои духовныя!—зазвучалъ подъ сводами храма теплый, дрожащій старческій голосъ.— Нелегкую задачу приняли вы на себя, тяжелое бремя возложили на плечи. Не для радости, не для веселья и утѣхъ пришли вы въ нашу тихую обитель любви и мира. Скорби людскія, страданія, немощи тѣлесныя,— вотъ что окружаетъ васъ здѣсь, и обреченныя на великую безкровную жертву во имя Господне, вы, забывъ себя, свою личную жизнь, должны отнынѣ поставить себѣ цѣлью быть помощницами и утѣшительницами всего страдающаго человѣчества. Жертва безкровная. Подвигъ высокій и прекрасный... Благословляю васъ идти на него, сестры, дочери мои духовныя; оглянитесь вокругъ себя: сколько больныхъ, немощныхъ, недужныхъ, искалѣченныхъ тянутся къ вамъ въ приступѣ злого недуга, обуреваемые страданіемъ, истекающіе кровью, покрытые ранами, зіяющими болячками, согнутые въ три погибели подъ бременемъ ужасныхъ болѣзней. И все это ждетъ отъ васъ помощи, врачебной и духовной, и еще болѣе духовной, нежели врачебной, сестры... Милосердіе, чуткость, доброта, кротость, самоотверженность, стойкость, энергія и трудолюбіе должны отнынѣ быть вашими спутниками на землѣ. Вспомните Христа страдающаго, Христа, на великую жертву обреченнаго, и уподобьтесь Ему. Великимъ примѣрамъ самоотверженія и кротости слѣдуйте, сестры... Я счастливъ, что нынѣшній день посвященія совпалъ съ великимъ праздни-

комъ Воскресенія Христова. Не есть ли въ этомъ новый, глубокій, великій смыслъ? Не указываетъ ли вамъ Самъ воскресшій Спаситель міра умереть духовно для прежней жизни и воскреснуть для новаго пути, пути самоотреченія на почвѣ милосердія и добра? Христосъ Воскресе, дѣти! Въ великую ночь Святой Пасхи Христовой привѣтствую васъ, вновь посвященныя сестры всего больного, страдающаго человѣчества. Ступайте смѣло и прямо къ вашей цѣли, и да будетъ возможно легче вашъ тяжелый, тернистый путь. Многія лѣта вамъ, сестры! Да хранитъ васъ Господь Милосердный! Аминь.

— Многая лѣта, многая лѣта, — запѣли голоса на клиросѣ.

Слезы текли по лицу Нюты, но она не вытирала, даже не замѣчала ихъ. Счастливая улыбка застыла на ея лицѣ, глаза лучились счастьемъ.

— Господи,—пѣло въ душѣ ея пѣснью ликующей весны,—Господи, даю Тебѣ слово, Великій и Милостивый Творецъ, что отнынѣ я приложу всѣ силы, все стараніе мое для большого избраннаго дѣла. Я буду работать до самозабвенія, Господи, чтобы оправдать возложенное на меня довѣріе. Я постараюсь быть достойной имени общечеловѣческой сестры. Благослови меня, Господи! Благослови меня!..

Окончилась служба, и потянулись чередою къ кресту для кропленія святой водой сестры.

„Посвященныхъ“ окружили съ поздравленіями, объятіями, поцѣлуями. Ольга Павловна, съ серьезнымъ, сосредоточеннымъ лицомъ, и высокая попечительница общины благословляли и цѣловали новыхъ сестеръ. Кругомъ христосовались, разговаривали шопотомъ, привѣтствуя другъ друга.

Всюду кипѣла жизнь. Огни свѣчей казались мертвыми пятнами въ разсвѣтѣ молодого весенняго утра.

— Сестры, разговляться! Въ столовую!—послышался сдержанный шопотъ,—батюшка куличи и пасхи пришелъ святить...

И вся огромная толпа высыпала на паперть. Торжественная служба кончилась, церковь опустѣла...

□ □

— Батюшки мои, какъ заважничала! И здороваться не хочетъ! Ну, что я говорилъ? Хороши онѣ только до тѣхъ поръ, пока въ аудиторіяхъ на репетиціяхъ передъ нами дрожатъ отъ страха. А какъ „посвятятся“—такъ и вотъ оно!.. Что для нея стѣна барачная, что докторъ Козловъ, все едино... Дожилъ до Свѣтлаго праздничка, нечего сказать! Христосъ Воскресе, сестрица Вербина! Кому я сію нотацію прочелъ, а?

Нюта, дѣйствительно, ничего не видѣвшая и не слышавшая въ своемъ восторженно-приподнятомъ настроеніи, не покидавшемъ ея съ начала этой ночи, остановилась, услыша свое имя, и подняла сіяющіе глаза.

Она проходила мимо группы докторовъ, стоявшей у пасхальнаго стола, въ ожиданіи розговѣнъ.

Валентинъ Петровичъ, веселый, улыбающійся, какъ всегда, протягивалъ ей руку.

— Небось, два пальца подавать намъ нынче будете, крестовая сестрица, а?

Нюта взглянула на его добродушно-гримасничавшее лицо и засмѣялась.

— Ахъ, Валентинъ Петровичъ, простите! Я васъ не замѣтила, здравствуйте!

И вспыхнувъ, и еще больше сіяя своими преображенными отъ радости глазами, проговорила искренно, отъ души:

— Ахъ, я такъ счастлива, такъ счастлива! Весь бы міръ обняла, ей Богу!

— Ну, весь міръ-то не нужно, а со мной, старикомъ, похристосоваться слѣдуетъ, да-съ! Христосъ Воскресе, сестрица!

— Воистину Воскресе!

Нюта привстала на цыпочки и троекратно поцѣловалась со старикомъ.

— А меня забыли? Небось, тоже не замѣтили,— послышался за нею веселый голосъ Семинариста.

— Васъ трудно не замѣтить, вы городской думѣ по плечо будете, — сострила пробѣжавшая мимо Розочка.

— Это что-жъ, въ обиду прикажете принять? —

загудѣлъ своимъ мягкимъ баритономъ докторъ Ярменко, удерживая за руку шалунью.

— Какая ужъ обида! Вотъ вамъ пасхи принесла, кушайте на здоровье... Только не уроните, ради Бога, она священная.

И Катя совала въ руки Ярменко тарелку съ творожной пасхой, наложенной въ такомъ огромномъ количествѣ, что Ярменко, при всемъ его завидномъ аппетитѣ, безпомощно развелъ руками.

— Господи, помяни царя Давида и всю кротость его!..—воскликнулъ онъ, широко раскрывая глаза.—Да что это, сестрица, вы меня либо за акулу прожорливую изволите считать, либо... либо думаете, что я сюда прямо изъ Индіи, на манеръ голодающаго индуса пріѣхалъ! Ей-Богу! Порція хоть куда!

— Ладно! Кушайте, а мало будетъ, еще прибавлю,— звонко разсмѣялась Катя и исчезла въ толпѣ гостей.

— Вотъ она, дѣтка милая, поздравляю! Твой день нынче, точно именинница ты. Давай поцѣлуемся по-простецки, по-крестьянски, родная! Христосъ Воскресе!

И крѣпкія тѣсныя объятія охватили Нюту! Это была Бѣльская. Ея большіе глаза, глаза „не отъ міра сего“, какъ о нихъ говорили въ общинѣ, смотрѣли на смущенную дѣвушку. Эта, всѣми почитаемая, имѣвшая огромное вліяніе въ общинѣ женщина, имя которой произносилось не иначе, какъ съ глубокимъ благоговѣніемъ не только сестрами, но и начальствомъ, съ чьимъ

мнѣніемъ считалась сама Ольга Павловна, эта женщина сыграла огромную роль въ Нютиной судьбѣ.

Вновь быстрымъ вихремъ пронеслась въ мысляхъ Нюты съ поражающей яркостью давно пережитая въ декабрѣ мѣсяцѣ сцена: сцена приговора надъ нею и неожиданное заступничество этой чудной, „святой“, какъ ее называли, Бѣльской. И, исполненная трепета, вся олицетвореніе благодарности, Нюта прильнула къ ней:

— О, спасибо вамъ, дорогая, прекрасная!.. Спасибо сердечное!.. Если бы не вы... не видать мнѣ вовѣки этого креста...

И она быстро нагнулась, цѣлуя мозолистую, сильную рабочую руку сестры...

□ □

— Sorella, васъ зовутъ!

— Кто, Джіованни?

— Подите и увидите!

Лицо мальчика улыбается таинственно и лукаво.

Ему не велѣно говорить кто, и онъ всячески старается придержать свою болтливость.

Руки маленькаго итальянца полны, карманы тоже. Шоколадныя, сахарныя яйца,—подарки сестеръ, —очень приходятся по вкусу Джіованни. У него липкія губы и грязные пальцы.

Онъ охотно христосуется со всѣми этими добрыми,

ласковыми „сореллами“ и еще болѣе охотно принимаетъ отъ нихъ подарки—пасхальныя яички.

При первомъ же заявленіи о томъ, что ее спрашиваетъ кто-то, проситъ въ швейцарскую, Нюта блѣднѣетъ. Вдругъ кто-либо оттуда, отъ Махрушиныхъ? Опять приглашеніе, настойчивое и нудное, вернуться къ нимъ. Теперь, когда красный крестъ уже нашитъ на ея груди и однимъ своимъ видомъ придаетъ ей мужество и силы!.. О, никогда, никогда!

Она опрометью влетаетъ въ швейцарскую, готовая дать отпоръ, самый энергичный, самый рѣшительный на всѣ требованія „оттуда“.

Но тамъ легкое, радостное „ахъ“, полное неожиданности, срывается съ ея губъ.

— Вы?

— Собственной персоной! Пришелъ поздравить васъ въ вашъ великій день, сестра Вербина, сестра Анна...

— Нюта! — смущенно подсказываютъ губы дѣвушки.

— Сестра Нюта, если позволите. Да! И сказать вамъ, что всю эту ночь я думалъ о васъ... Я былъ въ церкви, видѣлъ васъ, такую свѣтлую, радостную, ликующую! Если бы вы знали, какое трогательное личико было у васъ тамъ!.. Я переживалъ торжественный моментъ посвященія вмѣстѣ съ вами, былъ счастливъ за васъ... Примите отъ меня пустякъ, цвѣты, сестра Нюта, и помните, что, кромѣ этихъ цвѣтовъ, Николай

Кручининъ готовъ отдать жизнь за васъ по одному вашему требованію. Онъ другъ вашъ и должникъ до могилы.

И молодой медикъ протянулъ заалѣвшейся румянцемъ дѣвушкѣ что-то, завернутое въ бумагу. Дрожащими руками сорвала обертку Нюта. Четыре крупныя, бѣлыя, какъ снѣгъ, сверкающія алмазными каплями воды, розы нѣжнымъ, тонкимъ благоуханіемъ улыбнулись зардѣвшейся дѣвушкѣ.

Она спрятала въ нихъ раскраснѣвшееся лицо.

— Благодарю васъ, — шепнули ея губки, а рука крѣпко сжала руку молодого человѣка.

— Такъ друзья? Навсегда друзья? — точно спрашивалъ онъ, и его открытое, мужественное лицо довѣрчиво улыбалось Нютѣ.

— Конечно...—она взглянула на него и вдругъ неожиданно разсмѣялась веселымъ счастливымъ смѣхомъ.

— Какіе мы смѣшные, право. Я, по крайней мѣрѣ. Завербовала васъ въ друзья, цвѣты отъ васъ принимаю, а какъ васъ зовутъ — не знаю... На дощечкѣ у постели стояло: Николай Кручининъ, а какъ по отчеству?

— И не надо знать, какъ по отчеству! Николай я, пусть для васъ Николаемъ и буду. Коля Кручининъ и баста. Ну, а адресъ мой еще не потеряли, лѣтній? — лукаво прищуривъ свои красивые голубые глаза, освѣдомился онъ.

— Нѣтъ! — разсмѣялась Нюта.

— Ну, а коли нѣтъ—отдыхать къ намъ пожалуйте въ первый же отдыхъ. Даете слово? Мать-старуха и Соня васъ наизусть выучили по моимъ письмамъ. И любятъ-то заочно какъ, страсти Божіи. Ждутъ, не дождутся... Пріѣдете, спасительница моя?

— Пріѣду, Николай... Николаи... Вотъ дальше и не знаю...

— Просто Коля,— подсказалъ Кручининъ.

— Ну, Коля; будь по-вашему, — согласилась Нюта, и оба разсмѣялись веселымъ, свѣтлымъ, молодымъ смѣхомъ.

— А за розы спасибо еще разъ,—и, кивнувъ головкой, сіяя улыбкой и счастьемъ, лучами разлившимся изъ ея сѣрыхъ глазъ, Нюта быстро пошла изъ швейцарской, прижимая къ груди своей бѣлые, нѣжные, ласково благоухающіе цвѣты...

Николай Кручининъ вышелъ изъ подъѣзда общины съ сердцемъ, настроеннымъ особенно свѣтло и ликующе.

ГЛАВА XXIII.

ВЕСНА.

Она пришла, подкралась незамѣтно нѣжнымъ ласкающимъ маемъ, теплымъ ароматичнымъ воздухомъ, запахомъ медвянымъ и сладкимъ, дуновеніемъ

первыхъ шелестовъ первой зеленой листвы, рокотомъ рѣчныхъ волнъ, стремительныхъ и ясно-студеныхъ, птичьимъ гомономъ, улыбками благодушно и празднично настроенныхъ людей.

Больничный садъ ожилъ, преобразился. На желтыхъ дорожкахъ, подъ зелеными шатрами старыхъ дубовъ и липъ, замелькали выздоравливающіе въ своихъ сѣрыхъ халатахъ.

Послышался робкій, еще слабый, еще пронизанный стрѣлами недуга смѣхъ. Изможденныя, блѣдныя лица потянулись навстрѣчу веснѣ и солнцу, расцвѣтающей зелени, медвянымъ запахамъ молодого мая.

Цѣлый день (а дни стояли теплые, какъ лѣтомъ, почти жаркіе и ясные съ моремъ солнца, затопившимъ старый садъ) проводили больные на воздухѣ. Въ баракахъ распахнулись двойныя рамы и запахъ лѣкарства и дезинфекціи умиралъ, побѣждаемый дыханіемъ весны и расцвѣтающихъ липъ.

По вечерамъ, когда заходило солнце и больные отправлялись на покой, имъ на смѣну появлялись скромныя, сѣрыя фигурки въ бѣлыхъ или пестрыхъ рабочихъ передникахъ, съ неизмѣнными косынками на головахъ.

Впрочемъ, сестры предпочитали ту часть сада, перерѣзанную зданіемъ общины, которая выходила на рѣку.

Здѣсь пышнѣе разрослись деревья и кусты, здѣсь

цвѣли липы, и ихъ запахъ, сладкій, вяжущій и мистически-прекрасный кружилъ голову, наполняя ее роемъ весеннихъ, радостныхъ сновъ.

□ □

Вечеръ... На скамьѣ у ограды цѣлое общество.

Солнце только что скрылось, но кроваво-пурпурный отблескъ его еще играетъ на зелени деревьевъ, на бѣлыхъ, словно изъ воска вылѣпленныхъ цвѣтахъ.

Они, эти обычно бѣлые цвѣты, такіе медвяно-душистые, такіе нѣжные, теперь стали алыми, какъ кровь.

За оградой—набережная. Тамъ ходятъ люди, тамъ иной міръ, иныя переживанія.

Дальше рѣка не то поетъ, не то плачетъ, не то радуется, освобожденная отъ зимняго сна, какъ спящая красавица, разбуженная королевичемъ-маемъ...

Сестры притихли, молчатъ. Ихъ человѣкъ восемь на длинной качалкѣ-скамейкѣ: блѣдная Юматова, Катя Розанова, Нюта, толстая Кононова, мушка Двоепольская, сестра Іорданская, этой весной посвященная молоденькая сестра нѣмка Клеменсъ, простоватая Смурова.

Молчатъ. Даже Катя, обычно шаловливая, рѣзвая, какъ птичка, притихла.

Долго, долго длится это молчаніе.

Оно сковало и самый садъ съ его расцвѣтшими липами и кустами, съ его пряными запахами мая, съ улыбкой умирающаго солнца.

И вдругъ раздается красивый свистъ, легкое щелканье, и разливается трель, упоительно манящая, наполнившая сразу своими звуками милый, притихшій задушевный садъ.

— Боже мой, соловей, соловей! У насъ здѣсь, въ Петербургѣ, соловей! Господи, да откуда же онъ взялся?.. Господа! ущипните меня, ради Бога, чтобы я проснулась. Мнѣ кажется, я заснула и вижу во снѣ!—шепчетъ Розочка, и глаза ея полны восторга.

— Очень охотно!

— Съ особеннымъ удовольствіемъ! — и съ двухъ сторонъ сестра Кононова и Двоепольская щиплютъ шалунью.

Но Розочка застыла. Она точно не слышитъ, не чувствуетъ ничего.

Глаза ея широко раскрыты и горятъ, какъ звѣзды.

— Точно въ сказкѣ,—лепечетъ дѣвочка-сестра,—точно въ сказкѣ! Эти бѣлыя липы, этотъ вечеръ, закатъ и соловушка. Соловушка, милый, родной, откуда ты взялся, скажи?

Но вмѣсто соловья, внезапно, грубо и рѣзко ворвавшись въ тишину, отвѣтили другіе звуки. Дребезжащіе звуки разбитой шарманки наполнили собою весь садъ.

— Джіованни, разбойникъ, глупышъ! Уберите его отъ меня или я его съѣмъ!—кричитъ, вскакивая съ мѣста, какъ ужаленная, Розочка и неистово машетъ

рукою.—Онъ спугнулъ сказку, спугнулъ сказку, злодѣй этакій!

Но сердиться на злодѣя нельзя. Онъ такъ милъ, этотъ маленькій Джіованни. Его кудри отросли за зиму, глаза пріобрѣли прежній свѣжій, здоровый блескъ. Онъ вертитъ одною рукою ручку разбитой шарманки, другою посылаетъ воздушные поцѣлуи всѣмъ этимъ милымъ „сорелла“, къ которымъ привыкъ, какъ къ роднымъ.

Теперь уже не одна его „sorella“ Нюта заботится о немъ. Каждая изъ сестеръ старается внести на содержаніе Джіованни часть получаемой грошевой суммы. Мальчикъ одѣтъ просто и прилично, обѣдаетъ онъ съ сестрами въ столовой, спитъ въ свѣтлой маленькой комнаткѣ въ квартирѣ начальницы „Sorella madre“ *), какъ онъ называетъ Ольгу Павловну, и учится читать и писать у Нюты по-русски, чтобы осенью поступить въ городскую школу.

— Джіованни, милый, молчи! Я дамъ тебѣ апельсинъ, если ты замолчишь, голубчикъ Джіованни.

Ого! Это здоровый аргументъ.

Джіованни послѣ sorella Нюты, sorella madre, стараго паппо Антипа и другихъ сестеръ, больше всего любитъ апельсины.

Катя Розанова пресерьезно увѣряетъ всѣхъ, что это „патріотическая“ любовь. Джіованни апельсины

*) Сестра-мать; старшая сестра.

напоминаютъ его цвѣтущую южную родину, гдѣ прямо въ саду, на яркомъ солнцѣ, зрѣютъ и наливаются эти роскошные плоды.

Впрочемъ, самъ Джіованни гораздо лучше знаетъ, почему онъ любитъ ихъ такъ.

— Лови, на!

Оранжево-красный плодъ летитъ въ мальчика. Онъ его ловко подхватываетъ налету, суетъ въ карманъ и посылаетъ Катѣ свое „grazzia“, т.-е. благодарность, вмѣстѣ съ воздушнымъ поцѣлуемъ. Потомъ—лукаво-задорная улыбка. Смуглая ручонка хватаетъ ручку шарманки, и снова дребезжащіе растерзанные звуки Santa Lucia наполняютъ садъ.

— Ахъ, ты такъ-то, надувать меня! Постой же, я доберусь до тебя!

Катя вскакиваетъ со скамьи съ такой стремительностью, что скамья-качалка поддаетъ во-всю, и толстая Кононова, не разсчитавшая этого движенія, летитъ на дорожку, къ общему смѣху сестеръ.

— Вотъ я тебя, постой!

Джіованни мгновенно обрываетъ „Лючію“ и бросается въ бѣгство.

Катя, какъ на крыльяхъ, летитъ за нимъ.

— Вотъ я тебя, постой ты у меня, постой, пострѣленокъ!—запыхавшись выкрикиваетъ она.

Но Джіованни ловокъ и проворенъ, какъ маленькая обезьянка.

Они обѣгаютъ чуть ли не въ десятый разъ садовую площадку, прыгаютъ черезъ скамьи и кусты.

— По травѣ нельзя! Тебѣ говорятъ, нельзя!—кричитъ въ увлеченіи неистовой гонкой Розочка и простираетъ впередъ руки, чтобы схватить Джіованни.

— Наконецъ-то, попался! Ну и будетъ же тебѣ,— восторженно выкрикиваетъ она, охватывая, какъ ей кажется, плечи ребенка...

И, о ужасъ!

Веселый взрывъ хохота оглушаетъ Розочку.

— Боже мой! Это не Джіованни. О, какой скандалъ! Это докторъ Аврельскій.

Катя, не подозрѣвая ошибки, обняла его за ноги и держитъ не выпуская.

Аврельскій тщетно старался освободиться.

— Да пустите вы меня, наконецъ, сестрица, что я— горячечный, что ли, что вы оцѣпили меня? Меня держать не надо! Иду съ самыми мирными намѣреніями, а вы меня цапъ-царапъ, и готово!

— Простите, ради Бога, простите, Александръ Александровичъ!

— То-то, простите! Чуть ногъ не сломала, а теперь простите. Уморила бы хирурга, кто бы спасибо сказалъ?

Аврельскій говоритъ сердито, желчно, своимъ рѣзкимъ отрывистымъ тономъ, но глаза его, скрытые за стеклами очковъ, чуть улыбаются Катѣ, смущенное лицо которой опущено съ виноватой миной.

— Ну, ладно, Господь съ вами! Давайте мириться, такъ и быть,—ворчитъ Аврельскій.—А я къ вамъ съ новостью, сестры,—обводя глазами поверхъ очковъ столпившихся вокругъ него сестеръ, прибавляетъ докторъ.—Нежданно-негаданно къ намъ гостья ѣдетъ. Ѣдетъ прямо изъ Азіи незваная и пренепріятная гостья. Вотъ нынче пакетъ получилъ, предписаніе строжайшее отъ начальства, очистить помѣщеніе для гостьи этой и назначить для встрѣчи ея достойнѣйшихъ изъ васъ. Н-да! Непріятная гостья! Но что дѣлать...

— Что такое, Александръ Александровичъ? Что такое?

Аврельскаго окружили плотнѣе. Вокругъ него замелькали встревоженныя лица, глаза съ выраженіемъ пытливаго вопроса устремились въ лицо врача.

— Какая такая гостья? Кто?

Старый докторъ обвелъ глазами молодыя, разрумяненныя нетерпѣніемъ лица и, поднявъ надъ головою пакетъ съ казенною печатью, проговорилъ своимъ рѣзкимъ голосомъ, отрывисто, по обыкновенію, роняя фразы.

— Азіатская холера изволитъ шествовать къ намъ.. Вотъ какую гостью предстоитъ намъ встрѣтить, милѣйшіе коллеги...

ГЛАВА XXIV.

КАКЪ-ТО странно было видѣть жизнерадостный праздничный расцвѣтъ природы и рядомъ тутъ же участвовать въ приготовленіи къ встрѣчѣ ужаснѣйшей и страшнѣйшей изъ заразныхъ болѣзней.

Праздникъ жизни, весны, солнца и счастья сочетался съ темнымъ призракомъ кошмарныхъ несчастій, мучительныхъ страданій и ужаснѣйшей изъ смертей.

„Азіатская гостья“, о которой говорилъ докторъ Аврельскій, это одна изъ тѣхъ слѣпыхъ, роковыхъ, по своей случайности, жестокихъ болѣзней, которая уноситъ несчастную жертву съ сокрушающей силой, среди нечеловѣческихъ страданій, въ наикратчайшій срокъ.

Она чудовищно-безжалостна, эта болѣзнь. Какъ злая вѣдьма изъ дѣтской сказки, появляется она, неистово и безобразно корчится, кривляется, дразнитъ своимъ уродливо-гадкимъ лицомъ и убиваетъ, насмѣявшись и натѣшившись вволю, убиваетъ немилосердно, не считаясь съ возрастомъ и здоровьемъ намѣченныхъ жертвъ.

Отъ нея одно спасеніе—осторожность. Осторожность, доходящая до педантизма, въ пищѣ, въ образѣ жизни, въ способахъ оградить себя отъ заразы. Осторожность и чистота.

Смерть — почти единственный конецъ жестокой по своей силѣ азіатской холеры. Наука борется съ нею,

наука находитъ силы противостоять ужасной болѣзни, изобрѣтая прививки, уменьшивъ процентъ смертности до предѣловъ возможнаго. И все же она мучительна и ужасна по своей всесокрушающей, жестокой, роковой силѣ. Ужасна, какъ смерть, сплетенная съ нею цѣпкимъ, братскимъ объятіемъ на ужасъ и гибель людей.

□ □

Въ концѣ больничнаго сада спѣшно достраиваютъ помѣщеніе, изолированное отъ другихъ жилыхъ построекъ общины и бараковъ.

Это новое жилище для „нея“, для страшной гостьи, такой нежеланной, презираемой всѣми, угнетающей всѣхъ однимъ уже слухомъ о ней, неумолимымъ и грознымъ, несущей мученіе, гибель и смерть.

Это страшное, изолированное отъ всѣхъ помѣщеніе выросло быстро, въ нѣсколько недѣль.

Черный крестъ на стѣнѣ, запахъ дезинфекціонныхъ средствъ, надпись надъ дверьми „холерный баракъ“ и это большое, длинное, казарменнаго типа, зданіе уже при одномъ взглядѣ невольно заставляли вздрагивать людей.

Къ іюлю мѣсяцу зданіе было уже вполнѣ готово.

А страшная гостья уже шла. Съ убійственной скоростью подвигалась она по Волжскимъ губерніямъ. Съ часу на часъ ожидали ее въ Петербургѣ. Она шла, сокрушая и кося немилосердно на своемъ пути.

Знойное, жгучее, какъ нарочно, въ этомъ году лѣто способствовало успѣху жуткой гостьи. Ея серпъ собиралъ обильную жатву, ея коса косила съ поражающей быстротою.

Она приходила, нагромождала ряды крестовъ и могилъ и уходила, сопровождаемая стонами, слезами и проклятіями осиротѣвшихъ по ея милости людей.

Она приближалась. Ее ждали съ трепетомъ, съ холоднымъ ужасомъ, со страхомъ, леденящимъ души. Ждали жестокую, неумолимую, безразсудную, уродливую гостью.

□ □

Уже закраснѣлись деревья дубовъ и липъ въ небольшомъ общинномъ саду, и часть листвы упала съ нихъ на прямыя желтыя дорожки, а знойное, совсѣмъ точно южное, лѣто и не думало покидать сѣверныхъ краевъ.

Страшная гостья замедлила свой шагъ и бушевала на Волгѣ.

Ея появленія ждали въ серединѣ августа, когда назрѣли первые, нѣжные, молодые плоды.

Всѣмъ сестрамъ въ общинѣ сдѣлали прививки. Всюду вывѣсили бѣлыя доски съ рѣзкими черными на нихъ надписями о запрещеніи пить сырую воду. Въ баракѣ шли послѣднія заготовки. „Гостью“ ждали съ часу на часъ.

□ □

Снова вечеръ.

Но не весенній, медвяный вечеръ только что пробудившагося мая, а прохладный, мягкій августовскій, предвѣстникъ холодной уже по-осеннему ночи.

Но пока еще ясно и тепло.

Такъ ясно и тепло, что сестры сидятъ въ однихъ платьяхъ на знакомой качалкѣ, притихшія, молчаливыя, въ сгустившихся сумеркахъ наступающей осенней ночи.

Тамъ, за высокой бѣлой оградой, горятъ на набережной фонари, горятъ мертвенно и неясно. Здѣсь кусты и деревья, какъ таинственные призраки, тонутъ въ темнотѣ. Сейчасъ на качалкѣ-скамьѣ только трое—„Троица нераздѣльная“, какъ называютъ сестры Нюту, Катю Розанову и Елену Юматову. Сидятъ, тѣсно прижавшись другъ къ другу, и изрѣдка перекидываются фразами между собой...

— Вотъ и лѣто прошло, и „ея“, слава Богу, нѣтъ,—говоритъ Катя.—Можетъ быть, „она“ и не дойдетъ до насъ.

— Ахъ, милыя, сегодня я работала на пріемѣ, въ амбулаторномъ. Мужичекъ пришелъ и яблоко ѣстъ гнилое. Я ему говорю:—„Бога ты побойся, холера, говорю, не за горами, а ты гниль этакую ѣшь. Ты, я говорю, и воду пьешь, можетъ быть, сырую?“ „Пью“, говоритъ, а самъ смѣется. „Глупый ты, говорю, глупый, смерти ты не боишься, холера вѣдь тебя можетъ схватить“.—„Ладно, говоритъ, не схватитъ! Кому на роду написано,

тотъ и безъ нея, матушка, помретъ, а кому нѣтъ судьбы такой, значитъ, тотъ и жить будетъ до самой смерти". Этакіе глупыши! Этакая логика! И не переспорите ихъ!

— Леля, сестра Юматова,—неожиданно обращается Нюта къ своей сосѣдкѣ.—Вы давно обѣщали разсказать мнѣ о Бѣльской. Разскажете сейчасъ? Да?

— Кто это „вы"?—роняетъ Елена, и черные глаза ея странно мерцаютъ въ полутьмѣ.

— Ты... Никакъ не привыкну, прости Леля,—вспыхнувъ, поправляется Вербина.—Не сердись!

Онѣ давно пили „брудершафтъ" клюквеннымъ квасомъ (другихъ напитковъ въ общинѣ не полагается имѣть) съ Розановой и Юматовой. Но она, Нюта, до сихъ поръ не можетъ привыкнуть говорить „ты" этой высокой, серьезной, всегда грустно-замкнутой женщинѣ, пережившей такую ужасную драму въ жизни. Съ Розочкой совсѣмъ другое дѣло. Онѣ почти однолѣтки съ веселой Катей, и отношенія ихъ такъ же просты, несложны, какъ у двухъ юныхъ институтскихъ подругъ.

Юматова кладетъ на плечо Нюты свою худую, тонкую руку, яркимъ пятномъ бѣлѣющую въ темнотѣ, и говоритъ своимъ, чуть надорваннымъ, бархатистымъ голосомъ:

— Видишь ли, Нюта, Ольга Бѣльская, простая крестьянка. Дочь бѣднаго, почти нищаго мужичка. Волжанка родомъ. Давно, лѣтъ семнадцать-восемнадцать тому назадъ, такая же жестокая холерная эпидемія

свирѣпствовала на Волгѣ, и всю семью Ольги унесло, стерло съ лица земли въ три-четыре дня. Дѣвушка осталась круглой сиротой. Пріѣхала сюда въ Петербургъ на заработки, поступила простой служанкой въ больницу. Тутъ-то и начинается рядъ подвиговъ этой избранной души. Безграмотная, простая крестьянка, она силою своего большого прекраснаго сердца сумѣла завоевать всеобщія симпатіи ласковымъ обхожденіемъ съ больными и неустаннымъ сверхъ-человѣческимъ какимъ-то самоотверженіемъ и усердіемъ въ трудѣ. Ее повысили рангомъ, сдѣлали сидѣлкой. Приходилось теперь дни и ночи проводить у постели больныхъ, умирающихъ. И тутъ еще болѣе раскрылась чистая, великая душа Бѣльской. Случилось, что въ больницу привезли медленно умирающаго какою-то затяжною болѣзнью богатаго старика. Его сдали на руки Бѣльской. Она болѣе года ухаживала за нимъ, дни и ночи, дни и ночи. Ни одного слова упрека, ни одной жалобы, ни малѣйшаго ропота не срывалось съ ея губъ у постели этого тяжело больного, капризничавшаго, какъ ребенокъ, требовавшаго ея неустаннаго присутствія при немъ. Онъ умеръ, а послѣ его смерти узнали, что все свое крупное состояніе этотъ одинокій старикъ оставилъ своей сидѣлкѣ. И что? Она широко воспользовалась богатствомъ, внезапно, точно съ неба, упавшимъ на ея голову. Она роздала его въ одинъ мѣсяцъ нуждающимся бѣднякамъ, оставивъ себѣ нѣсколько сотъ рублей для безбѣднаго существованія въ

продолженіе года. А въ этотъ годъ, Нюта, родная моя, она сѣла за книжку, какъ дѣвочка-малолѣтка, пригласила учительницу и подъ ея руководствомъ прошла курсъ начальной городской школы. Потомъ поступила въ нашу общину сидѣлкой, непрестанно учась, занимаясь въ свободные дни. Ей предложили въ скоромъ времени поступить въ ряды испытуемыхъ, затѣмъ курсистокъ. Наконецъ, ее посвятили, и простая приволжская крестьянка стала сестрой. Что было потомъ—ты уже слышала здѣсь, въ общинѣ, конечно. Гдѣ только вспыхивала эпидемія, гдѣ разражалась какая-либо жестокая болѣзнь, сестра Ольга неслась туда. Ангеломъ кротости и милосердія являлась она тамъ, гдѣ стонали, терзались, страдали люди. Забывая себя, не покладая рукъ, работала она для страдающихъ ближнихъ. Я встрѣтилась съ нею на войнѣ. Ахъ, Нюта! Не хватаетъ словъ описать тебѣ то свѣтлое, чарующее впечатлѣніе, которое она произвела на меня. Ты видѣла ея глаза? Въ нихъ какая-то неземная сила. А ея улыбка!.. Я видѣла ее у операціоннаго стола, у постели умирающаго, на полѣ сраженія, когда, во главѣ санитарнаго своего отряда, она подбирала раненыхъ подъ градомъ шрапнелей и бомбъ. Знаешь ли, она первая пристыдила меня, когда я искала смерти. „Стыдись своего желанья,—говорила она,—съ окончаніемъ войны не окончится возможность труда и работы на пользу людямъ. Есть другой путь, ступай къ намъ...“ И привела меня сюда съ собой, за эту ограду,

въ эту обитель труда и мира, гдѣ я въ усиленномъ трудѣ забываю горе потери дорогихъ сердцу. Вотъ она какая, наша Бѣльская, наша святая сестра.

Юматова кончила. Рука ея, лежавшая на плечѣ Нюты, тихо дрогнула, по бѣлѣвшемуся въ полумракѣ лицу скользила неясная улыбка. И всѣ трое замолчали снова, думая объ одномъ и томъ же, о свѣтломъ обликѣ сильной, мощной и самоотверженной дѣвушки, сумѣвшей найти полную радость въ совершаемомъ ею подвигѣ на землѣ...

□ □

— Слушайте, слушайте! Ахъ, Боже мой! Какъ это красиво!..

И, затихшая было, Розочка стиснула изо всѣхъ силъ руки своихъ сосѣдокъ по скамейкѣ.

— Вы слышите? Это вѣдь арія изъ „Демона“! Какая прелесть!

Въ дальнемъ углу сада вспыхнулъ огонекъ. Кто-то сидѣлъ на скамьѣ за кустами.

И мощный, мягкій бархатный баритонъ разливался, будя тишину молодой осенней ночи.

Голосъ пѣлъ арію Демона, и красивая волна звуковъ неслась за ограду.

— Боже мой, Боже мой!—повторяла восхищенная Розочка.

Голосъ невидимаго пѣвца крѣпъ съ каждой минутой, царствуя надъ этой ночью, надъ позлащенной листвою

августовской природы, надъ блестящими огнями звѣздъ на далекихъ бархатныхъ небесахъ.

— «Клянусь я первымъ днемъ творенья,
Клянусь его послѣднимъ днемъ...»,

звучалъ голосъ изъ чащи, наполняя неясной, сладкой радостью сердца трехъ слушательницъ, притихшихъ на скамьѣ.

— Это Ярменко! Ахъ, какъ хорошо, божественно! Эта ночь, эти золотыя звѣзды, тишина и одинъ этотъ голосъ, красивый! О, пойте же, пойте еще и еще, милый, милый семинаристъ, — шептала, какъ въ забытьѣ, Розочка, запрокидывая головку и вперивъ въ небо восторгомъ свѣтившіеся глаза.

— Кто знаетъ, можетъ быть, мы всѣ умремъ скоро, черезъ недѣлю! Придетъ „она“, ужасная, роковая старуха-смерть и убьетъ насъ всѣхъ. Но сегодня, сегодня праздникъ золотыхъ звѣздъ, этой теплой, царственной ночи и твоихъ пѣсенъ, милый семинаристъ.

Но голосъ оборвался сразу, точно кто-то вспугнулъ невидимаго пѣвца.

— Сестры, вы здѣсь? Къ Ольгѣ Павловнѣ, скорѣе. Она ждетъ, и всѣ ужъ собрались въ столовой. Сейчасъ будутъ выборы и назначенія въ холерный баракъ. Сегодня первыя тридцать заболѣваній,—разорвалъ тишину внезапно громкій басъ Кононовой.

И очарованіе грезы, рожденное пѣснью, ночью, пол-

ной красоты и звѣздъ, замѣнилось кошмаромъ ужаснаго, надвигающагося призрака несчастія.

□ □

Въ столовой были уже собраны всѣ сестры, имѣвшіяся налицо въ стѣнахъ общежитія. Среди нихъ мелькали темные сюртуки докторовъ, военная тужурка доктора Аврельскаго еле виднѣлась въ густой толпѣ сестеръ, что-то усиленно кричавшихъ, что-то доказывавшихъ старшему врачу.

Другія насѣдали на Козлова, шумя, волнуясь, не слушая на этотъ разъ призывовъ къ спокойствію со стороны Ольги Павловны и Маріи Викторовны, выбившихся изъ силъ въ неустанномъ стараніи призвать къ порядку расшумѣвшуюся паству.

— Меня, Валентинъ Петровичъ, меня!—звучало настойчиво въ одной группѣ.

— Нѣтъ, меня! Вы же обѣщали, въ первую же эпидемію обѣщали!—прерываясь, напоминалъ чей-то молодой голосъ.

— Докторъ Аврельскій, Александръ Александровичъ, ради Бога, зачислите меня—Двоепольскую! Я умру, Александръ Александровичъ, если вы меня не назначите... Умру...

— Тогда и меня, и меня, пожалуйста, докторъ Козловъ. Миленькій, хорошій, добрый...

— Постойте! Дайте сообразить, сестрицы... Эхъ, вы,

суета какая. Ей Богу же, сосредоточиться нѣтъ возможности никакой... Васъ всѣхъ имѣется налицо цѣлая сотня, а надо шестерыхъ сестеръ, всего только шесть... Поймите!

— Голубчикъ, миленькій, меня, меня!!!

Молодежь изъ себя выходила, позабывъ въ эту минуту все, кромѣ своего безумно-остраго стихійнаго желанія попасть на эпидемію, въ холерный баракъ.

Пожилыя, заразившіяся энтузіазмомъ молодыхъ, застѣнчиво вначалѣ предлагали было свои услуги, а потомъ, разойдясь, тоже все болѣе и болѣе настойчиво упрашивали докторовъ.

— Нѣтъ, это изъ рукъ вонъ, что такое! Шутъ знаетъ... Толкучка какая-то, рынокъ... Я такъ не могу-съ,—неожиданно вышелъ изъ себя Аврельскій, и его желчное лицо, по которому бѣжали крупныя градины пота, багрово покраснѣло отъ негодованія.—Я такъ не могу-съ... Да что же это такое? Вонъ Розанова, въ великомъ усердіи своемъ, мнѣ пуговицу, извините за выраженіе, на сюртукѣ оторвала. Чѣмъ пуговица провинилась, что ей, сестрѣ Розановой, желательно попасть въ холерный баракъ, скажите вы мнѣ на милость?

Но никто не могъ сказать „на милость“ въ эту минуту доктору Аврельскому ничего, кромѣ того, что всей этой сотнѣ самоотверженныхъ женщинъ и дѣвушекъ, ничуть не думая объ опасности, хотѣлось попасть во

что бы то ни стало въ заразный баракъ и отдать себя цѣликомъ уходу за холерными, всѣ свои силы, здоровье и самую жизнь.

Розочка, красная, какъ піонъ, съ дико вытаращенными глазами, вертѣвшая въ забывчивости, въ пылу просьбы, серебряную пуговицу докторской форменной тужурки, теперь смотрѣла на оторванную пуговицу дикими глазами и, стараясь перекричать всѣхъ и все, охрипшимъ голосомъ твердила:

— Меня, меня, голубчикъ, родненькій, миленькій Александръ Александровичъ, меня, меня зачислите... Мнѣ бы ужасно хотѣлось поработать въ холерномъ баракѣ... Непремѣнно меня зачислите...

— Ну, вотъ! Не угодно ли? Ну, не одержимая ли это, скажите мнѣ, тьфу!—окончательно вышелъ изъ себя докторъ Аврельскій.

Надъ шумѣвшей, волнующейся толпой сначала робко и несмѣло, потомъ громче и слышнѣе прозвучалъ нѣжный, но сильный голосъ:

— Сестры! Сестры, успокойтесь! Надо же рѣшить, наконецъ! Тише, сестры! Я должна сдѣлать вамъ одно предложеніе отъ имени Ольги Павловны. Тише, сестры! Прошу слова!—и Бѣльская замахала носовымъ платкомъ надъ головою.

— Тише, тише! Слушайте! Сестра Бѣльская говоритъ хочетъ, сестра Бѣльская! — послышались призывающіе къ порядку голоса.

И толпа разомкнулась, принявъ Бѣльскую въ свой кругъ.

Ольга Павловна хорошо придумала, выпустивъ общую любимицу въ видѣ какъ бы парламентера въ это бушующее море расходившихся страстей.

Въ большой столовой при первыхъ же звукахъ голоса сестры Ольги, какъ по мановенію волшебнаго жезла, все смолкло.

— Сестры,—снова зазвучалъ нѣжный, сильный голосъ Бѣльской,—кто хочетъ идти въ баракъ, встаньте по правую сторону отъ входа у обѣденнаго стола, кто не хочетъ—по лѣвую.

Едва только успѣли смолкнуть звуки послѣдней фразы, какъ мгновенно толпа сестеръ бросилась на правую половину комнаты.

— Всѣ, всѣ желаемъ, всѣ до единой!—раздались взволнованные голоса.

— А кто же останется у насъ, въ амбулаторныхъ и своихъ баракахъ? Скажите мнѣ, кто?

Голосъ Ольги звучитъ теперь сурово, строго, но глаза лучистые, свѣтлые, какъ два солнца, изливающіе огонь, полны ласковаго укора.

Да! Кто останется на прежнемъ посту?

Она права, эта свѣтлая, святая Бѣльская. Права и сейчасъ, какъ всегда.

Кто же останется въ амбулаторіяхъ и баракахъ?

Тишина воцарилась на минуту въ большой сто-

ловой, тишина, наполненная смущеніемъ и раскаяніемъ.

И среди нея, непоколебимый и твердый, прозвучалъ снова голосъ:

— Пусть докторъ Аврельскій самъ назначитъ, кого надо, въ холерный баракъ. Мы довѣряемъ ему.

— Мы довѣряемъ ему,—эхомъ отозвалось въ толпѣ сестеръ.

— Спасибо, сестра Бѣльская. Выручили, голубушка,— и обычно желчный, раздражительный, но неописуемой доброты, Аврельскій выступилъ впередъ.

О, какъ сильно забились и застучали сердца присутствующихъ! Сколько паръ глазъ молодыхъ и старыхъ впились въ Аврельскаго, словно гипнотизируя его волю, безъ словъ силясь внушить ему, назвать себя, каждая себя.

— Сестра Бѣльская, — раздается въ наступившей тишинѣ голосъ старшаго доктора,—прошу васъ принять на себя начальство надъ баракомъ. Вы ничего не имѣете противъ этого назначенія, Ольга Павловна?

— Разумѣется! Я могу только благодарить васъ за выборъ, — получился со стороны сестры-начальницы твердый отвѣтъ.

— Спасибо, что не забыли, Александръ Александровичъ,—и Бѣльская крупными шагами подошла къ Аврельскому и стала подлѣ него.

— Сестра Клементьева! Могу я васъ просить въ помощницы сестрѣ Бѣльской?

Смуглое лицо и цыганскіе глаза Клементьевой вспыхнули, какъ порохъ.

— Благодарю!

— Сестра Юматова, вы ничего не имѣете?

— О!

Это „о“ срывается такъ искренно и сильно, что невольно вызываетъ свѣтлую улыбку на лица присутствующихъ.

— Сестра Кононова, вы?

— Ахъ, ты, Господи! Да я душой и тѣломъ... Чѣмъ отблагодарить не знаю... Ей Богу, одолжили, докторъ!

— Сестра Вербина!

Нюта вспыхиваетъ, потомъ блѣднѣетъ и опять, вспыхнувъ, заливается густымъ алымъ румянцемъ, румянцемъ нежданной и огромной радости. Полно, не ослышалась ли она? Возможно ли такое счастье, ей, молодой, „вчерашней“ еще сестрѣ, такой неопытной, еще незакаленной, какъ онѣ всѣ, въ жестокой жизненной битвѣ!

Глаза всѣхъ присутствующихъ обращены на нее.

— Счастливица, счастливица! — слышится вокругъ нея придушенный шопотъ.

Она идетъ, не слыша ногъ подъ собою, сіяя счастливой улыбкой, огнемъ дѣтски-ясныхъ ликующихъ глазъ.

— Я постараюсь оправдать ваше довѣріе, докторъ; возьмите мои силы, жизнь... Я такъ счастлива...—беззвучно произносятъ ея губы, а сердце то бьется, то за-

мираетъ въ груди. Нюта до боли сжимаетъ руку Юматовой, рванувшейся къ ней навстрѣчу.

— Сестра...

Докторъ Аврельскій останавливается на минуту, обѣгаетъ взоромъ толпу сестеръ, съ мучительнымъ ожиданіемъ вперившихъ въ него взоры.

— Меня! Меня! Назовите меня! Во имя Бога, меня!— казалось, говоритъ каждая изъ нихъ.

Изъ толпы выбѣгаетъ Розочка.

Лицо ея красно, какъ кумачъ, глаза полны мольбы, губы дрожатъ, трепещутъ, и вся она трепещетъ, исполненная неудержимаго стремленія идти на подвигъ, роковой, страшный, жуткій.

— Докторъ,—внѣ себя лепечетъ она, съ мольбою простирая къ нему руки,—назначьте меня, умоляю... Если я плохая работница на вашъ взглядъ, я всегда сильна, весела, вынослива, жизнерадостна, я буду подкрѣплять всѣхъ шутками и веселымъ своимъ видомъ и утѣшать и поддерживать въ тяжелыя минуты. Я буду нѣчто въ родѣ эфира, морфія, камфоры для вашего барака... Голубчикъ, миленькій, ради Бога!.. Или я умру, какъ Богъ святъ, умру съ тоски и горя!

На минуту легкое колебаніе отразилось на лицѣ старшаго врача.

Онъ сурово-строго взглянулъ на Катю.

— А суетиться не будете?

— Нѣтъ...

— А шалить?

— Нѣтъ... Ей Богу же нѣтъ... Голубчикъ...

— А слушаться меня и доктора Ярменко будете?

— Нѣтъ! Не буду! Ей Богу же нѣтъ! Честное слово, нѣтъ.

— Что-о-о-о?!!

На желчномъ, нервномъ лицѣ Аврельскаго отразился ужасъ.

Сестры прыснули отъ смѣха, несмотря на торжественность минуты.

— Розочка, Катя! Что ты говоришь?

Тутъ только Розанова сообразила, что она отвѣтила невпопадъ.

— Ахъ, ну вотъ! Теперь все пропало!—съ искреннимъ отчаяніемъ вырвалось у дѣвочки сестры, понявшей свою ошибку.

Неуловимая улыбка пробѣжала по губамъ Аврельскаго и утонула въ глазахъ его за стеклами очковъ.

Онъ ласково взглянулъ на смущенно поникшую передъ нимъ худенькую фигурку.

— Ну, Богъ съ вами! Ступайте и вы!—тихо проронилъ онъ, окинувъ глазами Катю.

Та, съ трудомъ сдерживая радостный крикъ, рванулась къ группѣ, изъ которой ей улыбались радостныя лица Нюты, Бѣльской, Кононовой и печально кроткое личико ея Лели.

□ □

— Счастливицы, избранныя! Счастливицы!—неслось слѣдомъ за ними, когда онѣ выходили всѣ шестеро, спѣша по своимъ уголкамъ сдѣлать послѣднія распоряженія, собрать бѣлье, самыя необходимыя вещи и написать письма роднымъ на всякій случай.

Ради этого „случая“, то-есть смерти, могущей унести ихъ каждую минуту изъ зараженнаго барака, онѣ и отговѣли наскоро, въ общинной церкви, исповѣдавшись и пріобщившись за ранней обѣдней, и нѣжно простились съ общиной, съ сестрами и начальствомъ. Потомъ, забравъ свои немудреные пожитки, прошли въ баракъ, гдѣ имъ предстояло пробыть долгое время, а можетъ быть, и не выйти оттуда живыми никогда...

И когда тяжелая дверь холернаго помѣщенія, выходящая въ садъ, захлопнулась за ними, Розочка конвульсивно сжала руку Нюты и шепнула ей дрогнувшимъ голоскомъ:

— Точно могила, правда?

— Могила... да... но за нею съ завтрашняго дня открывается новая жизнь, еще полнѣе и ярче своимъ трудомъ для тѣхъ, кому мы будемъ необходимы, какъ воздухъ, Катя!

Розанова съ удивленіемъ взглянула на свою пріятельницу. Въ застѣнчивомъ обычно тихомъ личикѣ Нюты теперь было что-то новое, твердое, какъ бы состарившее и окончательно преобразившее это, еще недавно такое юное, дѣтское лицо.

Полное презрѣніе къ опасности и смерти было на писано на немъ.

ГЛАВА XXV.

ПЕРВОЮ санитарная карета привезла въ баракъ корчившуюся въ судорогахъ дѣвочку изъ шляпочнаго магазина, подобранную на мостовой Она наѣлась гнилыхъ яблокъ, запила ихъ сырою водою и теперь хрипло и дико вскрикивала въ приступахъ болей.

Никакія усилія докторовъ и сестеръ не могли спасти несчастную: болѣзнь была захвачена слишкомъ поздно, и дѣвочка умерла.

Пріѣхали санитары съ гробомъ, осыпаннымъ дезинфекціонной известью, и увезли маленькій трупъ.

Эта первая смерть произвела глубокое, потрясающее впечатлѣніе на „барачныхъ“ сестеръ.

Напрасно докторъ Аврельскій, завѣдывавшій холернымъ отдѣленіемъ, и Ярменко утѣшали, говоря, что они безсильны помочь тѣмъ больнымъ, доставка которыхъ запаздываетъ въ сравненіи съ быстрымъ теченіемъ болѣзни.

Въ тотъ же вечеръ привезли сразу десять человѣкъ рабочихъ съ какого-то судна, за ними восемь женщинъ изъ цеховой прачечной мастерской—и началась безумная, по своему спѣшному кипѣнію, огневая работа.

Сестры—однѣ взволнованныя, трепетныя въ душѣ, по виду спокойныя, невозмутимыя, блѣдныя; другія—съ багровыми пятнами румянца на щекахъ, работали безъ устали. Рѣзкимъ голосомъ отрывисто бросалъ свои приказанія докторъ Аврельскій, звучалъ мягкій бархатный баритонъ семинариста или громкій выкрикъ Клементьевой, налетавшей съ „лета“ на ту или другую оплошавшую сестру.

И надъ всѣмъ этимъ—мягкое, свѣтлое сіяніе лучистыхъ Ольгиныхъ глазъ.

Тутъ, въ часы безумной работы, поняла Нюта впервые всю силу обаянія этой необыкновенной души.

Она подходила къ самымъ опаснымъ больнымъ, корчившимся въ предсмертныхъ судорогахъ, умирающимъ, и съ неизмѣннымъ лучезарнымъ сіяніемъ большихъ свѣтлыхъ глазъ на худомъ загорѣломъ крестьянскомъ лицѣ, облегчала ихъ страданія, вырывая ихъ подчасъ изъ самыхъ объятій смерти.

Ни единаго рѣзкаго слова не слыхали отъ нея сестры, а между тѣмъ тамъ, гдѣ находилась она, былъ самый центръ болей, ужаса, страданій. Но и другія сестры не отставали отъ нея.

Какъ герои-бойцы на полѣ битвы, отбивали онѣ съ поразительнымъ мужествомъ, терпѣніемъ и энергіей всѣ приступы ужаснаго, сильнѣйшаго въ милліонъ разъ врага.

Этотъ врагъ не дремалъ: страшная холера дѣлала свое сокрушающее дѣло съ поразительной точностью и

быстротой. Каждый день появлялись санитары въ баракѣ и увозили пропитанные обеззараживающей известью трупы умершихъ.

На смѣну имъ, санитарная, подъ краснымъ крестомъ, карета доставляла десятки новыхъ, живыхъ, корчившихся людей, мучительно страждущихъ, съ перекошенными отъ боли лицами.

Простой, темный народъ, несмотря на всяческія предостереженія властей города, ѣлъ сырые овощи, плоды, пилъ некипяченую воду, имѣя своимъ оправданіемъ полное недовѣріе къ холерѣ. Но, помимо всего этого, тысячи бѣдняковъ гибли въ силу ужасныхъ условій жизни: бѣднота селилась въ сырыхъ, темныхъ, грязныхъ помѣщеніяхъ, не имѣя возможности устраиваться лучше, ѣла несвѣжіе продукты, купленные за гроши, и отравлялась ими. Грязь и дурная пища создавали лучшій очагъ для ужасной гостьи, и она не замедляла являться въ подвалы и жалкія каморки петербургской бѣдноты.

Неустанная, кипуче самоотверженная работа врачебнаго персонала была иногда безсильна бороться съ проявленіями жесточайшаго изъ недуговъ, но, въ нерѣдкихъ случаяхъ, больные выздоравливали даже послѣ особенно сильныхъ припадковъ и ихъ отправляли въ здѣсь же устроенный изоляторъ, гдѣ они отбывали установленный карантинъ, въ то время какъ все ихъ платье и бѣлье подвергали строжайшей дезинфекціи.

Послѣ жаркаго, необычайно удачнаго лѣта наступила промозглая, сырая дождливая осень, ничуть не способствовавшая прекращенію болѣзни, а, напротивъ того, создавшая еще болѣе благопріятную почву для ея дальнѣйшаго распространенія, въ особенности среди рабочаго и бѣднаго люда.

Въ баракъ доставляли все новыхъ и новыхъ больныхъ. Часть ихъ, болѣе счастливая, изъ числа выздоравливающихъ, выходила въ изоляторъ; за другою пріѣзжали черные фургоны, которые свозили умершихъ въ нарочно для нихъ приготовленныя холерныя кладбища.

Дни и ночи работали доктора и сестры, не жалѣя силъ и здоровья, охваченные однимъ горячимъ желаніемъ, одной неутомимой жаждой отстоять у злостной, алчной, безобразной старухи возможно большее количество жертвъ.

□ □

— Нюта, милая, выйди на минутку. Тебя ждетъ сюрпризъ.

— Сюрпризъ?

— Ну да, сюрпризъ... Въ коридорѣ.

И, бросивъ вскользь одну изъ своихъ лукаво-шаловливыхъ улыбокъ, Катя Розанова исчезаетъ мгновенно, словно проваливается сквозь полъ.

Эта Катя Розанова настоящее сокровище для холернаго барака. Это—„красное солнышко“, какъ прозвалъ

ее самъ сумрачный Аврельскій. Лучи ея милой улыбки, ея жизнерадостно улыбающееся личико не измѣняютъ ей даже въ самыя трудныя минуты жизни.

Глядя въ это милое, свѣжее дѣтское личико, легче какъ-то переносить мучительнѣйшія изъ человѣческихъ страданій, легче, кажется, умирать на этихъ маленькихъ, нѣжныхъ ручкахъ, такъ ласково, заботливо гладящихъ всклокоченные волосы одичавшихъ отъ болей больныхъ.

Она кажется ангеломъ, слетѣвшимъ въ тьму страданій, эта прелестная, розовая, бѣлокурая дѣвочка съ блестящимъ взоромъ васильковыхъ глазъ.

— Розанова, что-жъ вы? Ушла и пропала. Гдѣ горячіе мѣшки съ овсомъ? Ахъ, ты, Господи, умерли вы, что ли?

Голосъ Клементьевой срывается отъ негодованія, цыганскіе глаза готовы съѣсть Катю.

Руки у нея заняты, она сейчасъ только сдѣлала подкожное вспрыскиваніе извивающемуся, какъ угорь, въ приступахъ муки мальчику-разносчику и ждетъ припарокъ.

— Сейчасъ, сейчасъ, несу!

Звонкій голосокъ Розочки звучитъ какъ колокольчикъ. Милая дѣвочка кажется волшебной феей, слетѣвшей въ баракъ. И безобразный колпакъ—предохранитель заразы—и безформенный халатъ, пропитанный дезинфекціей, не безобразятъ ея.

— Несу! Несу!

— Богъ знаетъ, что такое! На цѣлый часъ провалились! Давайте!

И сестра Клементьева грубо вырываетъ изъ рукъ смущенной Розочки припарку съ овсомъ. Около работаетъ Юматова. Она только что обложила горячими мѣшками и бутылками привезенную десять минутъ тому назадъ дѣвушку, очевидно изъ прислугъ, и вмѣстѣ съ докторомъ Ярменко хлопочетъ надъ нею.

Дѣвушка, полная, здоровая, съ избыткомъ силъ и энергіи, кричитъ пронзительно и громко на всю палату каждыя три минуты:

— Ой, ой, матушки, смертушка моя пришла! Докторъ-батюшка, сестрица-матушка!.. Ой, не могу! Моченьки нѣтъ, помираю, батюшка, ой, помираю!

— Тише, милая, тише; всѣхъ больныхъ перепугаешь; Господь съ тобою, не умрешь. У тебя еще слава Богу...

Она наклоняется къ дѣвушкѣ, дѣлаетъ быстро вспрыскиваніе, приказываетъ подоспѣвшей сидѣлкѣ Аннушкѣ готовить ванну и идетъ дальше къ Нютѣ.

На рукахъ Нюты пожилая женщина, худая, изможденная, съ почернѣвшимъ лицомъ и закатившимися отъ муки страданій глазами. Подлѣ ея кровати стоитъ Аврельскій. Лицо его хмуро, сосредоточенно, губы что-то нервно жуютъ. Онъ держитъ руку больной, слушаетъ пульсъ. Больная не кричитъ, но стонетъ. Не то свистъ, не то стонъ срывается съ ея губъ, быстро холодѣютъ конечности, холодѣютъ, несмотря на то, что

Нюта, вооруженная фланелью, обливаясь потомъ, оттираетъ ихъ.

Еще хрипъ, еще стонъ, и все стихло...

— Кончено, — говоритъ Аврельскій, — здѣсь нечего больше дѣлать! Протелефонируйте санитарамъ, сестра.

И выпускаетъ похолодѣвшую руку умершей.

Нюта, какъ въ полуснѣ, повинуется ему.

— Опять смерть, еще и еще! Господи, за что это?— проносится въ загорѣвшемся мозгу дѣвушки.—Зачѣмъ столько скорби въ мірѣ? Зачѣмъ она, Нюта, безсильна помочь такъ, какъ бы хотѣлось ей? Зачѣмъ она такъ ничтожна, такъ безсильна и слаба? Такъ ужасно слаба!

Машинально, привычными, быстрыми шагами направляется Нюта къ крошечной комнаткѣ въ коридорѣ, гдѣ помѣщается телефонъ.

На сердцѣ больно, тоскливо.

За сегодняшнее утро умерло уже четверо. Опять санитары, черный фургонъ, гробы...

Ужасно, ужасно!

— Сестрица Нюта! Вы ли это?—неожиданно раздается надъ уныло склоненной головой Вербиной знакомый голосъ.

— Ахъ, Кручининъ!.. Коля! Вы здѣсь! Какимъ образомъ?

Нюта останавливается, какъ вкопанная, и глядитъ, узнавая и не узнавая его въ одно и то же время.

Онъ, дѣйствительно, измѣнился за лѣто. Возмужалъ,

загорѣлъ, отросла бородка, въ лицѣ намѣтилась новая черточка—энергіи, упорства, затаенной силы. Форменный докторскій сюртукъ—онъ не въ халатѣ—тоже не мало измѣняетъ его.

— Ахъ, да, съ производствомъ васъ!—вспоминаетъ Нюта и жметъ руку молодому врачу.

— Спасибо! А я къ вамъ... Лѣтомъ на эпидеміи у насъ въ губерніи практиковался, теперь прикомандировали къ вамъ. Будемъ вмѣстѣ работать съ нынѣшняго дня... Рады?

— Ахъ, Господи, рада, конечно!—помимо воли срывается съ ея губъ.

Дѣйствительно, она рада этой встрѣчѣ, такъ рада, что и сама удивляется себѣ. Этотъ молодой, симпатичный докторъ, съ его энергичнымъ, открытымъ и смѣлымъ лицомъ, кажется ей такимъ близкимъ, роднымъ, братомъ единственнымъ и любимымъ. И страннымъ кажется то, что она такъ мало и рѣдко сравнительно вспоминала его за лѣто. А сейчасъ! Кажется, нѣтъ человѣка ближе ей этого милаго, энергичнаго Коли, съ задумчивой лаской смотрящаго ей въ лицо.

Сладко замираетъ проснувшееся сердце, румянецъ заливаетъ ей щеки. Но вслѣдъ затѣмъ блѣднѣетъ Нюта, вспоминается цѣль прихода сюда въ коридоръ: телефонъ, черный фургонъ смерти, санитары.

— Ахъ, Коля, Коля! Зачѣмъ столько горя на землѣ?—шепчетъ она побѣлѣвшими отъ волненія губами. — Зачѣмъ?

— Затѣмъ, что въ радости и счастьѣ люди забываютъ правду или угнетаютъ другъ друга. Люди враждуютъ между собой. Страхъ за жизнь—лучшее очищеніе. Боязнь грядущаго горя возвращаетъ къ правдѣ и чистотѣ,—убѣжденно звучитъ надъ головой Нюты молодой голосъ.

— Сестра Вербина, въ баракъ! Новую партію больныхъ привезли!.. Скорѣе!.. Самыхъ „тяжелыхъ“ привезли, скорѣе, скорѣе!..

Запыхавшаяся Аннушка вылетаетъ въ коридоръ.

— Скорѣе, сестрица! Васъ просятъ...

Вотъ оно! Начинается опять чужая мука, безсиліе помочь... Смерть и опять смерть,—и вихрь мыслей кружится въ головѣ Нюты.

— Вотъ что, Коля! Поговорите по телефону, надо санитаровъ вызвать, покойницкій фургонъ. Поскорѣе, голубчикъ, а я бѣгу, простите.

И наскоро бросивъ эту фразу молодому врачу, Нюта исчезаетъ за дверьми палаты.

□ □

— Кто это?

Что-то знакомое и вмѣстѣ съ тѣмъ чужое мелькаетъ Нютѣ въ этомъ почернѣвшемъ лицѣ съ судорожно сведенными отъ невыразимыхъ мукъ чертами, въ этихъ маленькихъ глазкахъ, теперь дико расширенныхъ съ остановившимися зрачками.

Больного крючитъ и подбрасываетъ каждую минуту

въ ужасныхъ приступахъ недуга. Сведенные изогнутые пальцы, точно когти огромной птицы, судорожно зацѣпляютъ и царапаютъ ногтями простыню. Дикій вой, въ которомъ нѣтъ ничего человѣческаго, оглашаетъ палату.

Это воетъ не живой человѣкъ, это воетъ самъ торжествующій, расходившійся въ своемъ рьяномъ веселы страшный недугъ.

Жутко, страшно смотрѣть на этого больного, на его сведенныя руки и ноги, на всклокоченную голову обезумѣвшаго, вслѣдствіе непосильной физической муки, человѣка, на его блуждающіе съ дико вытаращенными зрачками, глаза.

Кто онъ? Нюта не знаетъ, не можетъ догадаться, припомнить. Но лицо это ей не совсѣмъ невѣдомо и чуждо, нѣтъ.

Подбѣжавшая Розочка выкрикиваетъ неожиданно:

— Да вѣдь это Дементій Карповъ! Нашъ служитель бывшій! Помните?

Такъ вотъ это кто!...

Въ сердце Нюты врывается мгновенный сумбуръ. Какой-то вихрь, знойный и жгучій, кружитъ ея мысли, голову, все ея существо.

„Дементій Карповъ, ея врагъ, заставившій ее пережить столько невыразимыхъ страданій!“

Что-то больно сжимаетъ грудь, волна быстро смѣняемыхъ и самыхъ разнородныхъ ощущеній разливается по ней, по всему духовному существу Нюты.

Она быстро обводитъ глазами маленькую группу сестеръ, окружившихъ только что доставленную новую дюжину больныхъ мужчинъ и женщинъ, и останавливаетъ ихъ на Бѣльской.

— Сестрица, голубушка, поручите этого больного мнѣ.

— Полно, Нюточка! Сегодня съ ночи у тебя шестеро „тяжелыхъ“ перебывало! Смотри, ты едва держишься на ногахъ, отдохни хоть чуточку. Пусть сестра Коно...

— Нѣтъ, нѣтъ!—не давъ договорить „старшей“, прерываетъ ее молящимъ голосомъ Нюта.—Позвольте мнѣ, поручите мнѣ.

Лучистые глаза Бѣльской на минуту задерживаются на поблѣднѣвшемъ лицѣ Нюты, такомъ возбужденномъ и просящемъ. Она машетъ рукой:

— Богъ съ тобою, дѣтка! Дѣлай, какъ хочешь! Только себя-то береги, береги себя... Господь съ тобою.

Нюта уже не слышитъ окончанія фразы.

— Аннушка, ванну,—командуетъ она,—самую горячую, какъ только можно терпѣть... 35°–36° градусовъ... Поскорѣе...

Она сама дѣлаетъ ванну, сама окружаетъ горячими припарками не переставшаго ни на минуту стонать и кричать Дементія, помогаетъ служителямъ перенести его обратно въ постель.

Ея движенія увѣренны, смѣлы. Несокрушимой энергіей вѣетъ теперь отъ всей ея, словно выросшей, фи-

гурки. Она дѣлаетъ вспрыскиваніе, вливаетъ больному сквозь конвульсивно сжатые зубы лекарство и, машинально опустившись на колѣни подлѣ его кровати, ждетъ дѣйствія врачебныхъ средствъ.

Припадокъ возобновляется съ прежней силой. Она съ настойчивымъ упорствомъ повторяетъ свои пріемы,— припарки, вспрыскиванія, вливаетъ насильно въ ротъ капли.

Ярменко, замѣтившій издали энергичную, изступленную борьбу этой молоденькой дѣвушки съ жестокимъ врагомъ, подходитъ къ койкѣ Дементія и долго глядитъ въ его почернѣвшее лицо.

Низко наклоняется къ его искаженному лицу и Нюта.

— Дмитрій Ивановичъ, скажите, выживетъ онъ?— срывающимся голосомъ спрашиваетъ она.

— Врядъ ли! Развѣ вы не видите этого лица?

О, Нюта видитъ, видитъ отлично, лучше, нежели кто-либо другой, но смутная надежда все еще живетъ въ ея сердцѣ. А можетъ быть, а вдругъ ей, Нютѣ Вербиной, удастся путемъ усиленныхъ заботъ, энергіи, ухаживаній и леченія воскресить Дементія, отнять его у подступающей къ нему, уже дико торжествующей смерти?

Ахъ, если бы могло это случиться! Ей это необходимо, Нютѣ, какъ воздухъ, какъ хлѣбъ. Если умретъ Дементій, унесетъ съ собою свою темную, нераская-

вшуюся душу, она не найдетъ себѣ ни минуты покоя, она будетъ думать, что недостаточно энергично отстаивала его, что не сдѣлала всего для его спасенія...

Нѣтъ, нѣтъ! Она будетъ бороться, сколько хватитъ силъ, съ ужасной, жестокой холерой.

Быстро, какъ одинъ взмахъ чьихъ-то невидимыхъ крыльевъ, прошелъ день, наступилъ вечеръ, ночь съ ея темнымъ покровомъ, ночь отдыха для всего міра, ночь усиленной работы здѣсь, въ баракѣ, для докторовъ и сестеръ.

Дементій затихъ. Его дикій стонъ не нарушалъ безмолвія ночи, но еще страшнѣе кажется его лицо, застывшее въ своемъ мертвенномъ покоѣ съ вытаращенными глазами. Боли, судороги ногъ, все прекратилось вмѣстѣ съ другими характерными признаками жестокаго недуга, но лицо его, багрово-красное, съ надувшимися жилами, пугаетъ Нюту.

— Коля Кручининъ!—позвала она проходившаго своего друга.—Что это? Вы не видите, Коля!

— Да, скверно,—и молодой врачъ назвалъ мудреное латинское названіе болѣзни.—Надо...—онъ объяснилъ, что надо было дѣлать. И Нюта съ прежнимъ рвеніемъ принялась за работу.

Къ утру багровое лицо поблѣднѣло, дыханіе стало ровнѣе и глубже. Сведенныя недугомъ черты больного снова выпрямились.

Дементій впервые вздохнулъ глубоко и, сознательно

взглянувъ на озабоченно склоненное надъ нимъ лицо дѣвушки, попросилъ пить.

— Спасенъ, отходила-таки! Боже мой, какое счастье!— и слезы обожгли загорѣвшіеся глаза Нюты.

— Чудо, да и только! Да вы просто волшебница, сестра Вербина! Подняла-таки, можно смѣло сказать, со смертнаго одра,—услышала Нюта за своими плечами голосъ доктора Аврельскаго.

— Или святая,—тихо, чуть слышно, прибавилъ другой голосъ, задушевно-мягкій и такой родной Нютѣ.

И Николай Кручининъ, знавшій еще въ дни его пребыванія въ тифозномъ баракѣ исторію Дементія, восторженными глазами смотрѣлъ на милую дѣвушку, сумѣвшую вырвать у смерти своего злѣйшаго врага.

ГЛАВА XXVI.

ВСЕ быстрѣе и быстрѣе проносилось время.

Среди хлопотъ, въ пылу рабочей горячки, незамѣтно мелькали часы, дни, цѣлыя недѣли.

Листья въ саду совсѣмъ опали, устилая пестрымъ ковромъ дорожки и куртины.

Осень входила все больше и больше въ свои права. Студеные утренники покрывали лужи на улицахъ легкимъ налетомъ ломкаго, какъ бы стекляннаго льда. Въ холерномъ баракѣ топили печи и чугунки, разставленныя по коридору и въ палатахъ.

Ждали уменьшенія эпидеміи съ первыми холодными днями. Но пока она все еще свирѣпствовала, не прекращаясь. Правда, не такъ часто уже наѣзжалъ черный фургонъ за умершими, не такъ часто попадались больные съ мучительно выраженной формой болѣзни; чаще уводили служителя и сидѣлки въ дезинфекціонную и карантинную палаты выздоравливавшихъ, нежели увозились въ длинныхъ деревянныхъ гробахъ-ящикахъ трупы погибшихъ.

Зато новое несчастіе караулило сестеръ—отъ одного изъ больныхъ заразилась Кононова.

Это былъ какой-то ужасный вихрь, случайный и страшный, по своей всесокрушающей силѣ. Еще утромъ гудящій, всѣмъ хорошо знакомый басъ доброй толстухи гремѣлъ по палатѣ, и она, съ необыкновеннымъ для ея тучной фигуры проворствомъ, носилась отъ одной койки къ другой, а въ полдень она уже лежала съ почернѣвшимъ, вытянувшимся лицомъ, сведеннымъ судорогой невыразимаго страданія, корчась отъ боли и силясь удержать мучительные стоны, рвавшіеся изъ груди.

Запрокинувъ голову, стиснувъ зубы, осунувшаяся въ какіе-нибудь два-три часа до неузнаваемости, сестра-„просвирня“ съ рѣдкимъ терпѣніемъ переносила мучительныя операціи вспрыскиванія въ истерзанное и безъ того уже недугомъ тѣло.

Ее окружилъ почти весь имѣвшійся составъ докторовъ и сестеръ. Были приняты всѣ мѣры къ ея спа-

сенію, но на этотъ разъ обычное завидное здоровье Кононовой сыграло злую шутку надъ этой крѣпкой, сильной, словно изъ камня вылитой, женщиной.

Сильная натура не побѣдила смерти.

Послѣднія минуты ея были ужасны.

Съ почернѣвшимъ лицомъ, съ подернутыми неживою пленкой глазами, закатившимися глубоко въ орбитахъ, Кононова молила надорвано и глухо между нестерпимыми приступами страданій:

— Помолитесь обо мнѣ, сестрички... руку мнѣ подайте... кому не противно... обнимите меня...

— Кому не противно? О, Господи!—и всегда все переживающая особенно глубоко и чутко, впечатлительная Нюта рванулась къ умирающей, обвила ея шею и прижалась послѣднимъ поцѣлуемъ къ ея губамъ.

— Сестра Вербина! Что вы?!

Чьи-то сильныя руки схватили Нюту и почти грубо отбросили отъ постели умирающей. Вокругъ нея тѣснились поблѣднѣвшія лица, побѣлѣвшія губы шептали ей:

— Безуміе какое! Вы заразиться могли!

— Зато она счастлива, видя, что ею не брезгуютъ, ее любятъ,—произнесла въ отвѣтъ трепещущая Нюта и тихонько указала присутствующимъ на лицо умирающей.

По этому лицу промелькнуло что-то похожее на улыбку удовлетворенія.

И запекшіяся темныя губы не то прошептали, не то вздохнули:

— Спасибо!

И съ этимъ „спасибо“ улетѣла изъ измученнаго тѣла окрыленная душа.

Кононовой, сестры-просвирни, не стало...

□ □

— Ну, кому надо письма писать, либо послушать чтеніе хочется, вотъ она—я.

И Розочка, свѣтлая и ясная по своему обыкновенію, какъ майское утро, ворвалась сверкающимъ солнечнымъ лучомъ въ изоляторъ, гдѣ находились выздоравливающіе больные.

Сейчасъ только эта самая Розочка рыдала до изступленія на панихидѣ по Кононовой, совершенной въ баракѣ въ присутствіи Ольги Павловны, ея помощницы и всѣхъ сестеръ. Всѣ, свободныя отъ дежурствъ въ амбулаторіяхъ и баракахъ сестры, принявъ всевозможныя предохранительно-дезинфекціонныя средства, окуривъ себя формалиномъ, пришли воздать послѣдній долгъ умершей. Потомъ Кононову увезли тѣ же санитары въ ихъ черномъ фургонѣ на заразное кладбище и отъ веселой доброй толстухи, кромѣ воспоминаній, не осталось ничего...

— Вотъ она—я! Говорите, что кому надо.

Не успѣла еще Розочка со свойственной ей живостью порхнуть на кресло, какъ ее окружили со всѣхъ сторонъ.

Худой, высокой дѣвушкѣ изъ мелкихъ модистокъ

хотѣлось послушать о происшествіяхъ, описанныхъ въ „Листкѣ“, хмурому продавцу яблокъ Степану—написать письмо въ деревню, дѣвочкѣ Танѣ остричь ногти на правой рукѣ (лѣвую Таня съ грѣхомъ пополамъ обкромсала своими силами). И всѣхъ по возможности удовлетворяла дѣвочка-сестра.

Она писала письмо Степановой семьѣ въ деревню, стригла ногти Танѣ, читала газету Сашѣ-портнихѣ, дѣлала все то, что просили у нея выздоравливающіе карантинные затворники.

Но вотъ къ ней подошелъ Дементій.

— Сестра-матушка, сдѣлайте Божескую милость, дозвольте попросить сестрицу Вербину сюда позвать.

— Нюточку? Зачѣмъ тебѣ надо ее, Дементій?

— Да ужъ надо, не перечьте, соблаговолите позвать, сестрица...

Худое, ставшее неузнаваемымъ послѣ болѣзни, лицо бывшаго служителя имѣло теперь какое-то странное, необычайное для него, выраженіе.

Казалось, какое-то твердое, непоколебимое рѣшеніе застыло въ этомъ желтомъ, страшномъ отъ худобы, лицѣ.

Розочка взглянула въ это лицо, важное своей значительностью, и побѣжала за Нютой.

— Иди скорѣе! Тебя Дементій въ изоляторъ зоветъ!

Нюта поспѣшила въ карантинное отдѣленіе, предварительно окуривъ себя струею формалиноваго газа, ради

предостереженія отъ заразы выздоравливавшихъ больныхъ.

Едва ея миніатюрная фигурка въ широкомъ длинномъ халатѣ и въ полотняномъ колпакѣ-шапочкѣ, покрывавшемъ голову, появилась на порогѣ карантинной, какъ Дементій, пошатываясь отъ слабости, всталъ со своего мѣста и, сдѣлавъ два-три шага, тяжело рухнулъ къ ногамъ Нюты, безсвязно лепеча:

— Сестрица, родименькая, голубушка, святая! Прости ты меня, окаяннаго, за все давнишнее, зимнее... Христомъ Богомъ прости!.. Господь покаралъ меня за мой грѣхъ... Муки лютыя принялъ за него, а ты, голубка чистая, бѣлая, за все мое зло меня же отходила, выняньчила... Все я узналъ, отъ больныхъ узналъ, отъ доктора Кручинина, его благородія... Сказалъ мнѣ нынче: „Молись за сестру Вербину, Дементій, кабы не она— лежать бы тебѣ на холерномъ кладбищѣ...“ Спасительница моя! Святая, чистая душа, чѣмъ мнѣ отплатила? Прости ты меня, Христа ради, какъ Господа Бога тебя прошу, земно кланяюсь тебѣ, ангелъ чистый Господень.

И онъ зарыдалъ, обвивая цѣпкими, дрожащими руками ноги Нюты.

Его большое, худое тѣло вздрагивало и тряслось, слезы градомъ катились по его желтому лицу.

— Господь съ вами, Дементій, голубчикъ! Не плачьте, успокойтесь. Вамъ худо, воды хотите? Я же простила, простила давно!

Худенькая рука Нюты любовно, ласково гладила сѣдые жидкіе волосы этого, какъ дитя рыдавшаго у ногъ ея, человѣка. Она силилась поднять его на ноги, успокоить, какъ умѣла и могла.

— Простила?—залитое слезами, желтое, худое лицо съ робкой мольбой поднялось къ Нютѣ.

— Ну, конечно, давно, голубчикъ!

— А если такъ, если такъ, сестрица,—стремительно поднявшись на ноги, произнесъ Дементій и, отыскавъ глазами образъ, осѣнилъ себя истовымъ широкимъ крестомъ,—если такъ, Богомъ истиннымъ клянусь тебѣ, сестрица, водки отнынѣ въ ротъ не брать, зарокъ даю и на деньги не зариться болѣ. Водка и деньги погубили меня было, проклятыя. Пущай же отнынѣ отгоню я ихъ отъ себя; спасибо еще разъ, сердечное спасибо, сестрица, Ангелъ Божій!

И грубая, закорузлая, исхудалая за болѣзнь, рука сжала тонкіе пальчики Нюты, а горячія губы Дементія стремительно прижались къ этой рукѣ...

□ □

— Господи! Ноябрь на дворѣ снова... А какъ недавно еще, подумаешь, мы сидѣли вечеромъ на скамьѣ-качалкѣ и слушали „Демона“? Горѣли звѣзды на небѣ, тонулъ въ полумракѣ садъ и неслась чудная арія пѣвца. Господи, какъ давно это было, ужасно давно!

И Розочка заломила свои тоненькія ручки надъ головою.

Кручининъ и Ярменко вышли покурить въ коридоръ, Нюта, Катя и Елена Юматова, только что покончивъ съ укладкою больныхъ на ночь (къ счастью, въ эти сутки не наблюдалось опасныхъ), вышли тоже изъ спертой атмосферы палатъ подышать свѣжимъ воздухомъ.

— А теперь, сколько событій за короткое время!— съ новой силой подхватила Катя. Грустно зазвучалъ ея обычно звонкій голосокъ.

— Горячка работы, вѣчное дрожаніе за человѣческую жизнь, постоянный страхъ и эта смерть, сегодняшняя смерть, Кононихи нашей. Господи! Не вѣрится какъ-то! Такая сильная, здоровая, веселая, и умерла. Кто-нибудь другой— не такъ странно, но она, она...

Катя замолкла на минуту и снова заговорила тѣмъ же грустнымъ голосомъ.

— Опять придетъ зима, утихнетъ эпидемія, и мы вернемся туда,—мотнула она головкой по направленію большого бѣлаго зданія общины по ту сторону сада.— Господи! Какъ подумаешь только, я три-четыре мѣсяца не слышала музыки. А Кононова наша, помните, какъ любила ее! Леля Юматова сядетъ за рояль бывало, а Кононова...

Она не договорила и тихо, жалобно заплакала, прильнувъ къ плечу Елены.

— Розочка, сестрица Розанова! Ну, ужъ это не зачѣмъ плакать, не зачѣмъ, голубушка! Ну, хотите я спою вамъ, такъ и быть, Торреадора! Хотите, спою?

И доброе, растерянное лицо Ярменко склонилось надъ Катей.

— А Клементьихи не боитесь? Она намъ пропишетъ за пѣніе-то, а?—и лукаво улыбнулись сквозь слезы влажные васильковые глаза.

— Ни-ни, я шопоткомъ! Или вотъ что. На крыльцо выйдемъ, еще лучше въ садъ. Только накиньте платки и маршъ-маршемъ. Ужъ потѣшу васъ нынче, такъ и быть.

— Чудесно!

И черезъ двѣ минуты крошечная группа молодежи выбѣжала въ садъ.

Прохлада и тишь студеной осенней ночи, ласковый свѣтъ млечно-серебряной луны и золотыя звѣзды на дальнемъ небѣ сразу „настроили“ Ярменко на его „пѣвчій“ ладъ, какъ онъ тутъ же съ улыбкой заявилъ сестрамъ.

И полилась могучая волна захватывающихъ звуковъ. Они вырывались горячо и побѣдно изъ сильной молодой груди и неслись навстрѣчу ночи, навстрѣчу новымъ пробуждающимся, радостнымъ днямъ и робкимъ тихимъ надеждамъ.

Заунывныя, печальныя пѣсни пѣлъ въ эту ночь Дмитрій Ивановичъ.

— Мы точно Кононову отпѣваемъ,—шепнула Елена Нютѣ.

А Нюта!

Она стояла, вся затихшая, странно взволнованная и, не отрываясь, смотрѣла въ пару устремленныхъ на нее, казавшихся загадочными и необычайно красивыми при свѣтѣ мѣсяца, глазъ Кручинина.

Странное ощущеніе пробуждалось въ душѣ Нюты. Было сладко, грустно на сердцѣ, а все тѣло горѣло какъ въ огнѣ, звонъ въ ушахъ, шумъ въ головѣ, и что-то болѣзненно-тяжелое, придавившее точно камнемъ все хрупкое существо Нюты.

— Что это, кажется, я больна! Не можетъ быть.. — вихремъ пронеслось въ ея мысляхъ, и вдругъ острый, рѣжущій приступъ боли охватилъ ее.

Она дико вскрикнула и, упавъ на дорожку сада, забилась въ конвульсіяхъ, охваченная умопомрачительнымъ приступомъ болей...

ГЛАВА XXVII.

СЪ той самой минуты, какъ Николай Кручининъ принесъ изъ сада сведенную судорогами Нюту и положилъ ее на койку въ палатѣ, всѣ какъ-то сразу поняли весь ужасъ дѣйствительности.

Нюта заразилась отъ умиравшей Кононовой. Нютѣ грозила вѣрная смерть.

Какъ менѣе сутокъ тому назадъ вокругъ постели Кононовой, такъ и сейчасъ у кровати Нюты сосредоточился весь врачебный персоналъ.

Какъ сегодня утромъ съ замираніемъ сердца смотрѣли присутствовавшіе съ послѣднимъ робкимъ проблескомъ надежды въ лицо Кононовой, такъ сейчасъ ночью глядѣли въ лицо Нюты.

Это лицо чернѣло и видоизмѣнялось съ каждой секундой на виду у всѣхъ. Страшныя судороги, повторявшіяся съ каждымъ приступомъ боли, совершенно преображали его. Худенькое тѣло Нюты корчилось и извивалось въ непосильныхъ, жестокихъ, нечеловѣческихъ мукахъ.

Съ ужасомъ ждали сестры неизбѣжнаго конца...

Докторъ Аврельскій, блѣдный какъ смерть, съ лицомъ, облитымъ потомъ, работалъ подлѣ умирающей. Вспрыскиваніе за вспрыскиваніемъ, припарки за припарками, горячія ванны, кислоты внутрь—ничто не помогало.

— Одинъ Богъ только можетъ спасти ее, одинъ только Богъ!—тяжело вздыхая, сказалъ Аврельскій, безпомощно сжимая руки.

Николай Кручининъ вышелъ впередъ.

— О, это будетъ величайшая несправедливость въ мірѣ, если она умретъ! Поручите мнѣ больную, коллега!—тихо и скорбно сорвалось горячимъ протестомъ съ его дрогнувшихъ устъ.

— Мой молодой другъ! Въ такихъ острыхъ, тяжелыхъ случаяхъ заболѣванія наука безсильна. Мы имѣемъ дѣло съ рѣдкимъ осложненіемъ,—Аврельскій назвалъ латинскимъ терминомъ болѣзнь.

— О, Боже,—простонала возлѣ Юматова.

— Нѣтъ, нѣтъ! Этого не должно быть! Нюта не умретъ! Не должна умереть!—вырвалось изъ груди Розочки съ конвульсивнымъ рыданіемъ.

— Молчать, сейчасъ же молчать!—грознымъ шопотомъ произнесъ Аврельскій, багрово краснѣя своимъ желчнымъ лицомъ.—Вы можете напугать ее, и она умретъ раньше времени!

И онъ бережно склонился надъ корчившейся въ судорогахъ, ничего уже не видѣвшей и не слышавшей Нютой.

— Да, надежды нѣтъ...—глухо произнесъ онъ спустя минуту.

— Поручите мнѣ больную, коллега!

Голосъ Николая Кручинина звучитъ скорѣе повелительно-властно, нежели мольбою. Въ немъ нѣтъ просьбы: здѣсь требованіе, требованіе—продиктованное чувствомъ.

Съ той самой минуты, какъ ему разсказали о самоотверженномъ поступкѣ этой дѣвушки, когда, забывъ себя, Нюта спасала его отъ катастрофы въ ночь его горячечнаго безумія, онъ полюбилъ эту дѣвушку, полюбилъ со всею силою своей честной, благородной натуры и не переставалъ въ разлукѣ думать о ней. Весь міръ, всю свою дальнѣйшую дѣятельность, всю свою жизнь онъ не могъ уже представить себѣ безъ Нюты. Неотступно стоялъ передъ нимъ ея свѣтлый образъ, ея кроткое,

милое личико, ея серьезные, дѣтски-вопрошающіе чистые глаза.

Работать рука объ руку съ нею, работать для страждущихъ, отягощенныхъ недугами людей, всю жизнь,— вотъ о чемъ мечталъ за послѣдніе мѣсяцы этотъ смѣлый духомъ и чистый помыслами юноша-врачъ.

И теперь надежды его должны рухнуть! Такъ нелѣпо, такъ дико и непужно, силою призрачнаго случая, капризомъ измѣнчивой судьбы!

Нюта умираетъ, онъ можетъ лишиться ея съ минуты на минуту. Скоро, скоро, можетъ быть, сейчасъ...

— Нѣтъ! Этого быть не можетъ! Сестра Розанова права! Она должна жить во что бы то ни стало, и она будетъ жить, будетъ!—срывается съ его губъ властнымъ крикомъ, крикомъ борца-воителя, бросающагося въ послѣдній бой.

И опустившись на колѣни, онъ склонился надъ больной, пощупалъ ея пульсъ, посмотрѣлъ въ лицо, глаза, затѣмъ, съ лихорадочной поспѣшностью, началъ работать.

Теперь уже не онъ слушаетъ приказанія старшаго коллеги, теперь Аврельскій повинуется, какъ мальчикъ, ему. И не одинъ Аврельскій,—Ярменко, сестры, сидѣлки,—все сгруппировалось вокругъ него и Нюты.

Онъ отдаетъ приказанія коротко, рѣзко, какъ власть имущій. Его слушаются безропотно. Должно быть есть въ немъ сейчасъ что-то, въ этомъ юношѣ, что-то дающее право распоряжаться мудрыми, опытными людьми.

Нюта плоха. Корчи, судороги, приступы болей повторяются снова.

— Еще усиленное вспрыскиваніе,—говоритъ какъ бы самъ съ собою Кручининъ, его глаза дико блуждаютъ, и по его блѣдному, какъ полотно, лицу катятся градомъ капли холоднаго пота.

— Еще удвоенная доза прививки!—срывается съ его устъ, а глаза его блуждаютъ, какъ у безумнаго.

— Я не могу разрѣшить вамъ этого!—неожиданно желчно закипаетъ Аврельскій.—Ея сердце не выдержитъ, и такъ мы злоупотребляли больше, чѣмъ слѣдуетъ, вспрыскиваніями... Сердце не вынесетъ, она умретъ...

— Коллега! Она умретъ и такъ... Вы, какъ опытный старый врачъ, видите это... Здѣсь рискъ безспорный: или ускоренная смерть—избавленіе отъ этихъ лютыхъ страданій, или шприцъ съ удвоенной порціей спасетъ ее.

— Не выдержитъ сердце! Исходъ понятенъ!—упрямо твердитъ старшій врачъ.

— Коллега! Александръ Александровичъ! Слушайте,—и голосъ Кручинина поднимается до стона:—эта дѣвушка мнѣ дороже жизни, я не перенесу ея смерти и все же рискую сдѣлать послѣдній, роковой шагъ...

— Какъ вашъ начальникъ, я вамъ это запрещаю!—волнуясь, говоритъ Аврельскій.—Стойте, стойте! Надо выслушать сердце... Безумный! Что вы?!

Кручининъ склонился надъ Нютой...

— Пока будемъ возиться съ сердцемъ, она умретъ.

И прежде нежели кто-либо успѣваетъ удержать его руку, Кручининъ быстро наполняетъ шприцъ усиленной дозой жидкости, стоявшей тутъ же въ стеклянной колбочкѣ, и погружаетъ его длинную иглу въ тѣло Нюты.

— Готово! Теперь она будетъ жить! Должна жить!

Его глаза горятъ, какъ свѣчи, ярко, нестерпимо, когда онъ говоритъ это и, скрестивъ руки на груди, глядитъ въ потемнѣвшее лицо больной. Всѣ взоры присутствующихъ устремляются туда же съ затаенной робкой надеждой, съ невольнымъ страхомъ предчувствія конца. Помимо общечеловѣческой жалости къ каждому страдающему человѣку, всѣмъ имъ безконечно дорога эта дѣвушка, сумѣвшая завоевать за короткое сравнительно время всеобщія симпатіи, довѣріе и любовь. „Лишь бы выдержало сердце, лишь бы!“— проносится тревожная мысль въ каждой головѣ...

— Безуміе, безуміе! Такой дозы достаточно, чтобы убить вола, а онъ... да проститъ ему Богъ!—лепечетъ отрывисто и чуть внятно Аврельскій.

И снова тишина, мучительная, долгая, полная ожиданія, трепетнаго, жгучаго, полная болей сердца и мукъ души.

Непонятно, сколько времени прошло со времени рокового вспрыскиванія. Можетъ быть часъ, а можетъ и три минуты. Потеряно вполнѣ представленіе о времени, мѣстѣ... обо всемъ.

Казалось, остановилось время, исчезло мѣсто... Все поглотила всепобѣждающая, всеобъемлющая пропасть безконечности ожиданія, отчаянія и слабыхъ надеждъ.

И вдругъ легкій сдавленный шопотъ Розочки прорѣзаетъ безмолвіе мертвой тишины:

— Смотрите, смотрите! Она отходитъ...

— Смерть!

— Нѣтъ, жизнь, жизнь! Она оживаетъ, наша Нюта! Она оживаетъ!

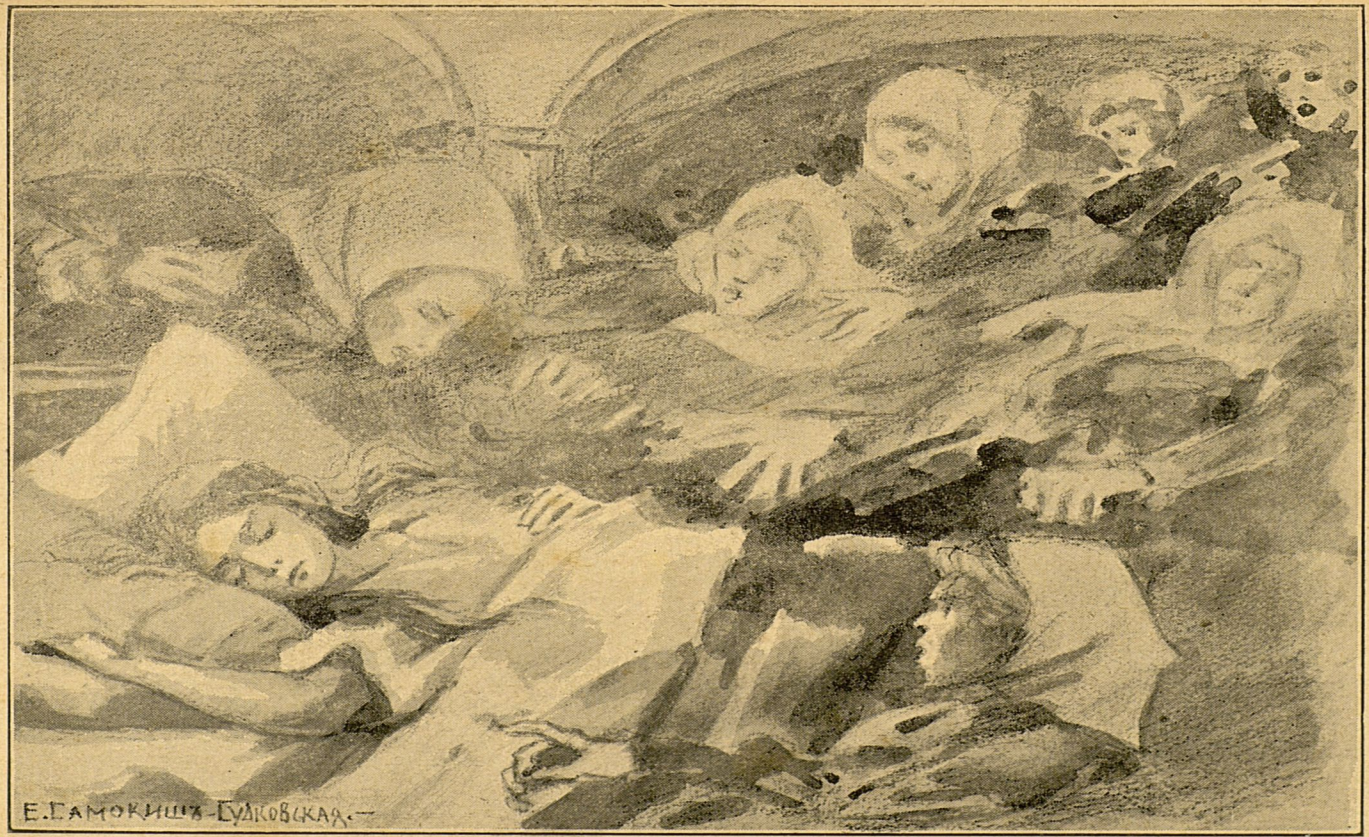
И Николай Кручининъ бросается снова къ больной. Судороги прекратились, скорченное тѣло выпрямилось, легкая испарина показалась на лицѣ, отражавшемъ въ ту минуту какое-то внутреннее переживаніе, тревожное, но блаженное. Сгущался и таялъ кошмаръ: чьи-то наклоненныя фигуры... заботливыя, испуганныя лица... благословляющія протянутыя руки...

Постепенно лицо больной приняло болѣе спокойное выраженіе, глаза открылись и мутнымъ, но уже сознательнымъ взоромъ обводятъ всѣхъ...

Сердце выдержало страшный искусъ. Нюта спасена...

Докторъ Аврельскій протянулъ руку Кручинину.

— Мой молодой коллега! Спасибо вамъ за дикій рискъ, за безумный пылъ, за горячку юности, за все, за все! Я старикъ, признаться, не осмѣлился рискнуть такъ дерзко. Больную сестру спасли вы, исключительно вы, спасибо вамъ!



На лицѣ отражалось какое-то внутреннее переживаніе ..

И онъ горячо обнялъ взволнованнаго, потрясеннаго, но безумно счастливаго Николая.

□ □

— Я не знаю, чѣмъ вамъ отплатить, Коля, чѣмъ, не знаю. Вы спасли мою жизнь!

— Точно такъ же, какъ вы когда-то спасли мою, Нюта.

— Нѣтъ! Это не то! Опасность вашей жизни еще врядъ ли была поставлена на карту, тогда какъ моя... Боже мой, какъ подумаю, чѣмъ вы рисковали тогда! Что было бы, если бы дѣйствительно... Ахъ, Коля, Коля! Какая мужественная, какая сильная живетъ въ васъ душа! Никогда не смогу отблагодарить васъ, Коля.

Они стоятъ оба у большого окна амбулаторіи. Пріемъ только что кончился, и Нюта прибираетъ склянки и инструменты.

Николай Кручининъ прошелъ къ ней сюда изъ общежитія, не найдя дѣвушки дома.

Вотъ уже мѣсяцъ, какъ упраздненъ холерный баракъ. Зловѣщая гостья ушла изъ города, оставивъ лишь незначительный хвостъ за собою—единичные случаи, не страшные никому.

Съ первыми днями новаго года „холерныя“ сестры вернулись домой, въ общину, и прежняя общинная жизнь съ ея дежурствами въ амбулаторіяхъ и въ бара-

кахъ, потекла по невозмутимо ровному руслу Нютина пути.

Она разнообразится только въ часы посѣщеній Кручинина, забѣгающаго теперь довольно часто въ скромную келейку десятаго номера.

И съ каждымъ приходомъ молодого человѣка Нюта убѣждается все больше и больше, насколько дорогъ ей этотъ милый, благородный Коля, какъ сильно и нѣжно любитъ она его...

И сейчасъ знакомое радостное чувство точно поетъ въ ея сердцѣ. Слушая мягкій задушевный голосъ молодого врача, встрѣчая его смѣлые голубые глаза, Нюта испытываетъ несказанную тихую радость. Онъ стоитъ передъ нею такой ясный, честный, открытый, такой сильный и бодрый духомъ и говоритъ, глядя ей прямо въ глаза:

— Я не смѣю принимать вашей благодарности, Нюта, я исполнилъ только мой долгъ. Но если вы ужъ такъ великодушны и желаете вознаградить меня во что бы то ни стало, то отплатите мнѣ ужъ большой отплатой, Нюта. Прошу васъ: вы приписываете мнѣ спасеніе васъ отъ смерти, и я широко пользуюсь этимъ и прошу награды: жизнь за жизнь... Отдайте мнѣ вашу жизнь, Нюта, отдайте мнѣ самое себя, будьте моей женой... Не на праздную, беззаботную, свѣтскую жизнь зову я васъ за собой, не на веселье и суету праздника жизни... Нѣтъ, Нюта, мы оба скромные, маленькіе жрецы

великаго храма человѣческаго благополучія и должны приложить все наше здоровье, весь нашъ трудъ, всѣ наши силы и самую жизнь, да, и самую жизнь для утишенія стоновъ, воплей и мукъ страдающаго человѣчества. Сплетемъ же наши молодыя жизни въ одну, Нюта, чтобы съ удвоенной силой бороться противъ горя человѣческихъ мукъ. Да, Нюта! Ты, согласна? Согласна откликнуться на мой призывъ? Скажи, отвѣть!

Онъ ждалъ ея отвѣта, впиваясь въ лицо дѣвушки загорѣвшимся взглядомъ.

— Ну, Нюта, да? Скажите же „да“, Нюта!

Его ласкающій голосъ вливался ей прямо въ сердце. Въ самую душу смотрѣли его добрые, любящіе глаза.

Вся зардѣвшаяся было отъ счастья, Нюта подняла трепещущія руки, закрыла ими лицо и тихо, жалобно заплакала совсѣмъ по-дѣтски.

— Родная моя! Что съ вами? Я обидѣлъ васъ?—съ испугомъ склонился надъ нею Кручининъ.

— Ахъ, Коля, Коля!—сквозь слезы лепетала она.— Нельзя этого, нельзя! Я сестра, крестовая сестра, поймите. Я дала обѣтъ передъ алтаремъ, великій обѣтъ самоотреченія. Вы знаете—я посвященная, крестовая сестра, и стыдъ мнѣ, стыдъ будетъ, если я брошу общину. Что скажутъ сестры? Какъ взглянутъ онѣ на меня? Та же Розочка, эта маленькая волшебница, имѣющая право болѣе всѣхъ насъ быть любимой и затаившая между тѣмъ здѣсь, въ этихъ стѣнахъ, свою юную кра-

соту, Елена, Ольга Павловна, что скажетъ сестра Бѣльская, нашъ общій ангелъ-хранитель?.. „Вотъ,—скажетъ она,—прилетѣла, повертѣлась и опять улетѣла, вышла замужъ и горя ей мало...“

— Нѣтъ! Ты жестоко ошибаешься, дитятко, не то скажетъ Бѣльская, совсѣмъ не то,—прозвучалъ неожиданно надъ головою Нюты знакомый голосъ.

Быстро отнявъ руки отъ лица, Нюта вспыхнула отъ смущенія, увидѣвъ подлѣ знакомую скромную фигурку и свѣтлые, лучистые глаза.

— Вотъ что она скажетъ тебѣ, старуха Бѣльская, моя чистая, милая Нюта. Ступай за нимъ, дитя,—скажетъ она,—ступай туда, куда онъ поведетъ тебя, моя дѣтка. Туда, откуда слышатся стоны и скорбь страждущихъ людей. И двѣ свои юныя силы вы сольете въ одну сильнѣйшую и положите ее къ ногамъ страдающаго человѣчества... Одна сила—хорошо, двѣ—лучше... Поддерживая одинъ другого, вы будете смѣло ступать по избранному вами тернистому пути, и легче вамъ вдвойнѣ будетъ бороться, легче пробиваться по терніямъ вашей нелегкой дороги. Подайте же другъ другу руки, дѣти. Протяни ему твою руку, Нюта, и помни одно: не подъ однимъ крестомъ милосердія, не въ стѣнахъ общины только ты призвана дѣлать добро, сѣять помощь твою людямъ, родная моя. И свободная, на волѣ, за этими бѣлыми стѣнами, ты принесешь не менѣе необходимой людямъ помощи милосердіемъ и трудомъ...

А теперь поцѣлуй меня, моя Нюта. И ты, сыночекъ, ужъ не побрезгуй моимъ крестьянскимъ поцѣлуемъ. По-простецки я, по-мужичьи, любя ее, и тебя полюбила... Не взыщи.

И она обняла Кручинина, прильнувшаго къ ея рукѣ жаркимъ, признательнымъ поцѣлуемъ.

ГЛАВА XXVIII.

—Ой, ой, ой! Не двигайся пожалуйста, не крути головою, вотъ немножечко еще тутъ и прекрасно... А теперь цвѣты. Ахъ, ты, Господи, гдѣ же цвѣты? Мушка, Танечка, сестра Двоепольская, Господи Боже мой! Да вы на коробкѣ сидите, ну, вотъ... еще здѣсь надо пришпилить. Теперь ужъ совсѣмъ хорошо. Ну, скажите мнѣ теперь по совѣсти, ну, не красавица она, нынче, наша Нюта?

И, закончивъ сложную работу—прическу головы невѣсты, Катя Розанова отходитъ назадъ и, наклонивъ на-бокъ голову, съ чувствомъ полнаго удовлетворенія любуется Нютой.

Въ своемъ бѣломъ скромномъ подвѣнечномъ платьѣ (подарокъ жениха), въ длинной тюлевой фатѣ-вуали, съ вѣнкомъ флеръ-д'оранжа на бѣлокурой головкѣ, Нюта въ самомъ дѣлѣ прелестна. Прелестна не только молодостью, свѣжестью, вѣющей отъ всего ея существа,

а и тѣмъ особеннымъ выраженіемъ сосредоточенной серьезности, которое не покидало ея весь день.

Сегодня день ея свадьбы и вмѣстѣ съ тѣмъ отъѣзда ея, Нюты, изъ общины туда, въ далекій, невѣдомый и глухой край, гдѣ свирѣпствуетъ эпидемія сыпного тифа и куда спѣшатъ они съ Николаемъ приложить свои руки, силы, знанія и трудъ. Тамъ они нужны, необходимы. Ихъ ждутъ тамъ, обоихъ.

Вотъ почему въ двѣ недѣли срока они справились оба со своими дѣлами, вотъ почему такъ „скоропалительна“, по выраженію доктора Козлова, ихъ не совсѣмъ обыкновенная свадьба.

— Ну, готова, повернись!

Нюта поворачивается, какъ кукла, по первому требованію Розочки.

Она едва ли понимаетъ то, что требуется отъ нея, она глубоко взволнована, потрясена, но не только потому, что насталъ такой торжественный день ея жизни. Ея свадьба—это лишь ступень къ новой борьбѣ, къ новой дѣятельности на общее благо, неукротимо-кипучей, энергичной до самозабвенія.

Вокругъ нея толпятся сестры, громко восторгаясь, любуясь ею. Ея некрасивое личико сегодня почти прекрасно, прекрасно своимъ одухотвореннымъ выраженіемъ готовности на грядущій подвигъ. Она почти не слышитъ суетни предсвадебной сутолоки, озабоченной, милой суетни Розочки, не слышитъ и тихихъ наставле-

ній грустной Юматовой, какъ и что надо отвѣчать священнику во время вѣнчанія.

— Ахъ, Кононихи-то нашей нѣту! Она такъ Нюту любила. Порадовалась бы за нее наша толстуха!—вспоминаетъ кто-то изъ сестеръ.

— Да!

Минутное молчаніе. Точно тихій ангелъ печали пролетѣлъ и задѣлъ всѣхъ своимъ темнымъ крыломъ.

— Sorella! Sorella! Тамъ il cavaliere *) въ коридорѣ,—врываясь ураганомъ въ комнату, выпаливаетъ Джіованни.

— Какой cavaliere? Что ты брешешь?

— Lo sposo! Signore Kolia! **)—блестя глазами, сообщаетъ Джіованни, и слезы внезапнымъ фонтаномъ брызжутъ у него изъ глазъ.

Онъ бросается съ размаха къ Нютѣ, обнимаетъ ее такъ, что чуть не сдергиваетъ фату, къ великому отчаянію Розочки, и лепечетъ рыдая:

— Sorella mia... Sorella Нюта, bene mia... Уѣдетъ, увезетъ signore Kolia sorella mia. А Джіованни останется одинъ. Горе Джіованни!

— Полно! . Полно, мальчикъ мой! Полно, голубчикъ! Пусть Джіованни не боится: его сорелла Нюта никогда не забудетъ его. Пусть учится прилежно въ школѣ Джіованни и пишетъ почаще своей сореллѣ,—лаская

*) Кавалеръ.
**) Женихъ, господинъ Коля.

мальчика, утѣшаетъ его Нюта;—весною сорелла Нюта пріѣдетъ за своимъ Джіованни и увезетъ его въ усадьбу къ доброй старушкѣ, синьорѣ матери синьора доктора Коли, и къ его сестрѣ. Тамъ лѣсъ, рѣка, цвѣты, тамъ чудесно и привольно будетъ рѣзвиться Джіованни.

И, прижавъ къ себѣ маленькаго итальянца, Нюта обвела глазами присутствующихъ.

— Пожалуйста, въ память обо мнѣ, не оставляйте его до весны, пока я не устрою его въ домѣ мужа.

— Глупенькая! И она еще проситъ! Понятно и ясно какъ день,—и Розочка весело закивала своей бѣлокурой головкой. Увидѣвъ же въ этотъ моментъ Кручинина, закричала:

— Ахъ ты, Господи, вы зачѣмъ? Проваливайте, проваливайте, ради Бога! Развѣ не знаете—жениху не полагается видѣть въ день вѣнчанія до церкви невѣсты, — и она замахала руками навстрѣчу просунувшейся въ дверь головѣ Кручинина.

— Но я не по своей волѣ, я... — оправдывался тотъ.

— Я его привела сюда, хочу ихъ здѣсь благословить обоихъ. Ольга Павловна тамъ ихъ при всѣхъ благословлять будетъ, я ихъ здѣсь, дѣтушекъ моихъ родненькихъ, сама какъ мать... За Колину матушку отсутствующую, за Нютину бабушку вотъ,—и Бѣльская съ серьезнымъ, почти строгимъ лицомъ и особенно свѣтло-лучащимися глазами, небольшимъ, наскоро сня-

тымъ съ шеи образкомъ благословила преклонившихъ передъ ней колѣни Нюту и Николая.

— Господь съ вами, дѣти! Будьте всегда такъ же чисты и тверды, какъ теперь, идите прямо и бодро къ великой цѣли, несите вашу жертву безъ страха на великій алтарь, будьте счастливы, поддерживая другъ друга. Дай вамъ Боже силы, энергіи и здоровья!.. А теперь спѣшите. Ольга Павловна и Александръ Александровичъ ждутъ съ образами въ пріемной.

— Милая, родная! Спасибо за все!—и Нюта прильнула къ груди Бѣльской.

— Твоя покойная мать радуется на небѣ,—чуть слышно отвѣтила та, пропуская впередъ молодую невѣсту.

□ □

То же счастливое, радостно-тихое, серьезное спокойствіе было въ душѣ Нюты и во время вѣнчанія. Сосредоточенно смотрѣли на образа иконостаса ея большіе, вопрошающіе, серьезные, сѣрые глаза.

Бодрая, ясная, увѣренная въ своемъ грядущемъ счастьѣ, стояла она подлѣ Николая, такого же сосредоточенно спокойнаго и задумчиваго, какъ и она сама.

Въ то время какъ голоса пѣвчихъ выводили на клиросѣ побѣдно-ликующіе, красиво-торжественные стихи свадебныхъ напѣвовъ, въ душѣ Нюты слагалась тихая, благодарная молитва:

— Господи, чѣмъ могу я отплатить за то счастье,

которое Ты даровалъ мнѣ? Возьми мои силы, мой трудъ, мою жизнь, Господи! Отдай ихъ моимъ страдающимъ братьямъ и сестрамъ... Больше этого я ничего не могу дать Тебѣ.

И лицо ея тихо сіяло тѣмъ же сосредоточенно грустнымъ и свѣтлымъ выраженіемъ непоколебимой готовности отдать всю себя на служеніе великимъ цѣлямъ.

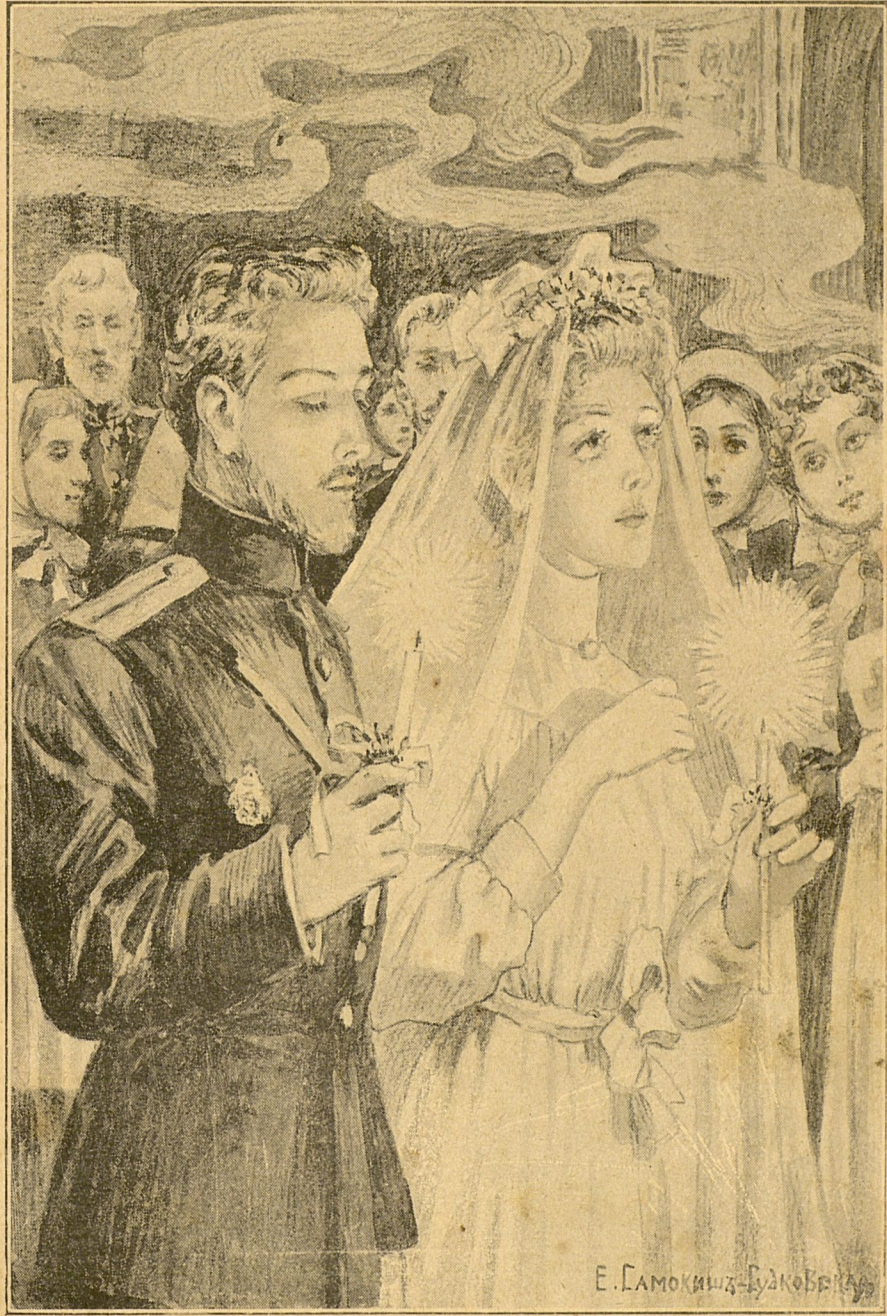
— Батюшки мои! Вотъ такъ свадьба, прости Господи! точно на похоронахъ!—возмущался докторъ Козловъ, держа вѣнецъ надъ головою Нюты.—Слышите вы, царевна Неулыба, если вы не сдѣлаете мнѣ сейчасъ счастливаго, подобающаго случаю лица, я вамъ корону сію златую на лобъ надѣну,—грозилъ онъ, опуская совсѣмъ низко къ лицу Нюты золотой вѣнецъ.

— Ахъ, ты, Господи! Ну, говорилъ же я, что нельзя меня въ шафера было ставить, — тихо возмущался Ярменко, ходя вокругъ аналоя слѣдомъ за женихомъ и въ пятый разъ наступая на шлейфъ невѣсты.—Ей Богу, что-то оборвалъ. Какъ Богъ святъ... Ухъ!

Кончилось вѣнчаніе... Такіе же сосредоточенные, спокойные, словно замкнутые въ своемъ счастьѣ, выслушавъ напутствіе отца Симеона, вышли слѣдомъ за черно-кудрымъ, одѣтымъ въ новый костюмъ, Джіованни, несшимъ образъ, новобрачные.

Въ большой пріемной Шубиной поздравляли ихъ, пили за ихъ здоровье.

Въ обычно холодномъ, окаменѣвшемъ въ своемъ



Нюта бодрая стояла подлѣ Николая...

спокойствіи лицѣ сестры-начальницы мелькало сегодня что-то необычайное, новое, чуждое ему, этому всегда спокойно замкнутому лицу.

И неожиданныя слезы выкатились изъ глазъ Ольги Павловны, когда, благословивъ и обнявъ Нюту, она передала ее съ рукъ на руки ея молодому мужу.

— Ввѣряю вамъ сокровище, докторъ, рѣдкое сокровище на землѣ,—произнесла она дрогнувшимъ голосомъ,—и увѣрена, что вы сдѣлаете счастливой нашу общую любимицу Нюту. Она стоитъ того.

Его честные, правдивые глаза сказали лучше словъ, что испытывала въ эти минуты взволнованная и радостная душа молодого человѣка.

□ □

Ихъ провожала вся община на вокзалъ въ этотъ ясный январьскій полдень. Казалось, само солнце привѣтствовало, съ особенной радостью, молодую чету у преддверія новой жизни. Его яркіе золотые лучи заливали платформу и большую толпу провожавшихъ. Сестры, начальница, доктора, Джіованни,—всѣ они столпились у поѣзда, который долженъ былъ навсегда увезти Нюту отъ нихъ.

Сама Нюта, въ своемъ „свѣтскомъ“ синемъ платьѣ, скромномъ жакетѣ и круглой мѣховой шапочкѣ, въ послѣдній разъ окидывала взглядомъ всѣ эти знакомыя, близкія, дорогія ей лица. Они всѣ казались

растроганными и грустными. Даже обычно приторно-любезное выраженіе исчезло съ лица Маріи Викторовны, и его замѣнила тихая грусть.

Всѣмъ было до боли жаль разставаться съ Нютою, милою Нютою, сумѣвшею стать такой необходимой всѣмъ здѣсь.

Докторъ Козловъ давалъ послѣднія инструкціи уѣзжавшимъ:

— Смотрите же, предосторожностью не извольте манкировать. Пылкія у васъ головы, знаю. Горячка, молодость, что и говорить. Зря-то не суйтесь въ пекло, поберегите себя, силъ даромъ не тратьте, холостыхъ зарядовъ чтобъ ни-ни... Сдержанно, стойко, бодро—вотъ девизъ. Рисковать не надо, ну, да ужъ ладно... И въ заключеніе не забывайте насъ, пишите, какъ тамъ справитесь. Непремѣнно!

— Да, да, пишите!—подхватили сестры.

Джіованни, уткнувшись въ муфту Нюты, тихо плакалъ, прижимаясь къ ней.

— Пріѣдетъ, не обманетъ сорелла?

— Конечно, дорогой мальчикъ.

Тихо напѣвалъ Ярменко вполголоса любимую пѣсню Нюты:

«Укажи мнѣ такую обитель!»

— Громче, громче, Дмитрій Ивановичъ, милый!—такъ и всколыхнулась Розочка, вся загораясь восторгомъ.

— Да что вы, побойтесь Бога, сестрица, всю вокзальную администрацію перепугаемъ и публику разгонимъ.

— Ахъ, ты, Господи! Какъ жаль!

И дѣвочка-сестра снова кинулась къ Нютѣ.

— На первой же станціи снимитесь и всѣмъ намъ карточки пришлите!—повелительно наказывала она новобрачнымъ.

— Мамочки мои! Первая станція Колпино будетъ. Могу себѣ представить, какъ ихъ тамъ изобразятъ! Упрощеннымъ способомъ выйдетъ: не то лягушками, не то козлами,—засмѣялся Ярменко.

— Прошу безъ личностей и полегче насчетъ козловъ,—съ комической гримасой вставилъ добродушный докторъ.

Сестры засмѣялись выходкѣ Козлова, но засмѣялись сдержанно, не весело какъ-то, подавленныя властью наступавшаго момента разлуки.

— А гдѣ же докторъ Аврельскій? Александръ Александровичъ гдѣ?—спохватился кто-то.

— Онъ ѣхалъ со мною на извозчикѣ, внезапно велѣлъ остановиться и какъ сквозь землю провалился въ одну минуту,—сообщалъ Семочка, лукаво улыбаясь обступившимъ его сестрамъ.

— Батюшки мои! Это что же такое?—и докторъ Козловъ воззрился впередъ, разводя въ недоумѣніи руками.

Вся толпа провожавшихъ послѣдовала его примѣру.

По доскамъ дебаркадера спѣшилъ Аврельскій, со-

храняя на желчномъ лицѣ обычное свое раздражительно недовольное выраженіе.

Въ его рукахъ былъ огромный букетъ бѣлыхъ, нѣжныхъ цвѣтовъ.

— Вотъ вамъ отъ стараго ворчуна дань его уваженія къ сестрѣ-человѣку,—произнесъ онъ, останавливаясь передъ Нютой и протягивая ей букетъ, — и прошу вѣрить: въ жизни моей ни единой душѣ не поднесъ ни единаго цвѣточка, не зналъ даже, гдѣ и какъ ихъ покупаютъ, а вамъ... чудесный вы человѣкъ, сестра Вербина, тьфу... сестра Кручинина... счелъ долгомъ поднести... Дай вамъ Богъ счастья,—и онъ крѣпко сжалъ руку Нютѣ и затерялся въ толпѣ, не слушая ея благодарностей.

Непріятнымъ, неожиданнымъ звукомъ прорѣзалъ воздухъ звукъ вокзальнаго колокола.

— Третій звонокъ! Садитесь, садитесь!

Послѣдніе рукопожатія, поцѣлуи, напутствія...

Въ послѣдній разъ сжимаютъ Нюту крѣпкія судорожныя объятія Розочки, поспѣшно креститъ Юматова, съ рыданіемъ цѣлуетъ Джіованни, кланяются Козловъ и Аврельскій.

— Прощайте! Господь съ вами, пишите! Непремѣнно пишите! И почаще! Счастья и успѣха во всемъ! Ждемъ васъ весною!

При помощи мужа, Нюта быстро, на ходу уже, вскакиваетъ въ вагонъ.

Поѣздъ трогается медленно, нехотя, словно умышленно

замедляя ходъ, съ цѣлью продлить послѣднія минуты передъ разлукой.

Изъ окна вагона Нютѣ видны еще провожающіе ее друзья... Вонъ мелькаетъ заплаканная рожица Джіованни, полные слезъ глаза Розочки, грустная улыбка Елены, благословляющая издали рука Ольги Павловны, кивающая голова Козлова безъ шляпы, желчное лицо Аврельскаго, франтоватый Семочка, Фикъ-Фокъ, поминутно шаркающій ногами, и раздается послѣдній крикъ густого, бархатнаго, пѣвучаго баритона семинариста:

— На эпидеміи увидимся... Я весною махну туда... И спою вамъ тамъ, спою Торреадора...

Его не слышно, но по лицу понятно, о чемъ онъ кричитъ.

Но вотъ поѣздъ прибавляетъ ходу, исчезаетъ знакомая толпа, только Розочка за руку съ Джіованни еще бѣгутъ нѣкоторое время наравнѣ съ вагономъ. Еще немного—исчезаютъ и они...

Нюта быстро откидывается въ глубь дивана, на минуту закрываетъ глаза, подавленная горестью разлуки, удерживая съ силой закипавшія въ нихъ слезы... Когда она открываетъ ихъ снова, ея взглядъ, подернутый необычайной беззавѣтной преданностью и любовью, встрѣчаетъ любящіе, встревоженные глаза мужа.

— Мнѣ было жаль ихъ покидать, Николай... Не сердись, мой милый, за минутную слабость и дай мнѣ руку,—говоритъ она окрѣпшимъ, бодрымъ, сильнымъ,

увѣреннымъ голосомъ.—Дай мнѣ твою руку и смѣло впередъ, къ новому труду, къ новой жизни!..

— И къ старой, завѣтной, давнишней цѣли, моя Нюта!—отзывается молодой врачъ, сжимая пальцы жены и глядя ей въ лицо взглядомъ, исполненнымъ увѣренности въ ея и свои, въ ихъ общія силы...

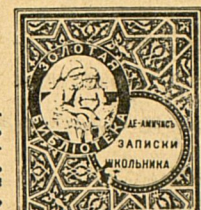
А поѣздъ мчитъ ихъ все дальше и дальше, унося къ новымъ подвигамъ, жертвамъ, къ новому труду на почвѣ милосердія и любви къ страдающему человѣчеству...

КОНЕЦЪ.

ЗОЛОТАЯ БИБЛІОТЕКА

НОВАЯ КОЛЛЕКЦІЯ КНИГЪ ДЛЯ ДѢТЕЙ

въ изящныхъ изданіяхъ, въ оригинальныхъ золототисненыхъ переплетахъ.



ЦѢНА КАЖДАГО ТОМА 1 Р. 50 К.

Эта новая коллекція книгъ для дѣтей разныхъ возрастовъ, предпринятая Товариществомъ М. О. Вольфъ, имѣетъ цѣлью дать въ руки дѣтей наиболѣе выдающіяся и популярныя произведенія такъ-называемой «литературы для дѣтей», русской и иностранной, а также классическія произведенія европейскихъ писателей, приспособленныя къ дѣтскому возрасту, въ изящныхъ иллюстрированныхъ изданіяхъ, по чрезвычайно дешевой цѣнѣ.

ВЫШЛИ ВЪ СВѢТЪ СЛѢДУЮЩІЯ КНИГИ:

ПОЛНОЕ СОБРАНІЕ БАСЕНЪ КРЫЛОВА, съ біографіею и словаремъ *М. Н. Николь-скаго*, съ портретами, видами памятника и могилы Крылова. Съ 32 рисунками Н. Ольшанскаго и П. Веллингерста. Изд. второе.

ВЕСЕЛЫЕ РАЗСКАЗЫ. *В. Буша.* Перев. *К. Н. Льдова*, съ 498 рис. въ текстѣ. Изд. второе.

ТЫСЯЧА и ОДНА НОЧЬ. Арабскія сказки. Въ обработкѣ для русскихъ читателей. *А. Аванасьева-Чужбинскаго.* Съ рисунками.

НОРВЕЖСКІЯ СКАЗКИ П. ХР. АСБЬЕРНСЕНА. Переводъ *О. М. Микаровой*, съ 25-ю отдѣльными картинами и 47 политипажами въ текстѣ.

РУССКІЯ НАРОДНЫЯ СКАЗКИ, съ 3 рисунками въ текстѣ и 28 отдѣльными картинами *Аннинскаго, Панова, Теихеля и др.* Изд. второе.

ЛУЧШІЯ СКАЗКИ АНДЕРСЕНА, съ 130 рис. и 7 отдѣльн. картинами. Изданіе третье.

ИЗБРАННЫЯ СКАЗКИ БРАТЬЕВЪ ГРИММЪ. Переводъ *Е. И. Песковской*, съ предисловіемъ *П. М. Ольхина*, съ 78 рисунками въ текстѣ. Изданіе третье.

СКАЗКИ ГАУФА, съ 21 иллюстрац. и 20 отдѣльными картинами. Изданіе второе.

СКАЗКИ ПЕРРО, съ 46 иллюстраціями *Густава Доре*. Изданіе второе.

ДОНЪ-КИХОТЪ ЛАМАНЧСКІЙ. Сочиненіе *Сервантеса*, переведенное. Передѣланное для дѣтей *А. Гречемъ*, съ 79 рис. *Густава Доре*. Изданіе второе.

ПРИКЛЮЧЕНІЯ МЮНХГАУЗЕНА. Первый полный перев. на русскомъ языкѣ *Е. Песковской*, съ иллюстраціями *Густава Доре*. Изданіе второе.

РЕЙНЕКЕ-ЛИСЪ. Соч. *Вольфганга Гете*, примѣн. къ дѣтскому возрасту *М. Песковскимъ*, съ автотипн. рис. въ текстѣ и 7 отдѣльн. картин. Изданіе второе.

ПУТЕШЕСТВІЯ ГУЛЛИВЕРА по многимъ отдаленнымъ и неизвѣстнымъ странамъ свѣта. Соч. *Джонатана Свифта*, переводъ съ англійскаго *М. Никольскаго*. Съ біографіей автора, 39 отдѣльн. картинъ и 35 рис. въ текстѣ. Изданіе второе.

СОНИНЫ ПРОКАЗЫ. Сочин. *графини Сегюръ*, урожд. Ростопчиной. Переводъ съ французскаго, съ 33 рисунками въ текстѣ и 15 отдѣльн. картинъ. Третье изданіе.

ПРИМѢРНЫЯ ДѢВОЧКИ. Сочиненіе *графини Сегюръ*, урожд. Ростопчиной. Переводъ съ французскаго. Съ 20-ю рисунками. Изданіе второе.

КАНИКУЛЫ. Сочиненіе *графини Сегюръ*, урожд. Ростопчиной. Переводъ съ французскаго. Съ рисунками. Изданіе второе.

ЗОЛОТАЯ БИБЛІОТЕКА

ХИЖИНА ДЯДИ ТОМА. Сочин. *Бичеръ-Стоу*, примѣненн. къ дѣтскому возрасту *М. Несковскимъ*, съ 101 рис. въ текстѣ и 13 отдѣльн. картин. Изданіе второе.

МАЛЕНЬКІЙ ЛОРДЪ ФАУНТЛЕРОЙ. Разсказъ для дѣтей. *Ф. Г. Бернеттъ*. Съ 24 рисунками *Р. Г. Берчъ*. Изданіе второе.

ЗАПИСКИ ШКОЛЬНИКА (Gnore). Сочиненіе *Де-Амичисъ*, съ предисловіемъ *М. Л. Петровскаго*, съ 15 рис. въ текстѣ и 32 отд. картинами. Изданіе третье.

МАЛЕНЬКІЯ ЖЕНЩИНЫ или Мегъ, Джо, Бетси и Эми. Повѣсть *Луизы Олькотъ*, съ 89 рисунками.

МАЛЕНЬКІЙ ЧЕЛОВѢКЪ. Исторія одного ребенка (Petit Chose) *Альфонса Доде*, переводъ М. Л. Лихтенштадтъ, 73 иллюстрац. Изданіе второе.

ПРИНЦЪ и НИЩІЙ. Разсказъ для юношества всѣхъ возрастовъ *Марка Твэна*. Переводъ *Н. С. Вѣтвина* съ 146 рисунками.

ПРИКЛЮЧЕНІЯ ТОМА СОЙЕРА. Повѣсть для юношества всѣхъ возрастовъ *Марка Твэна*. Переводъ М. Николаевой. Съ 65 рисунками.

ПРИКЛЮЧЕНІЯ ГЕККЕЛЬБЕРРИ ФИННА. Повѣсть для юношества всѣхъ возрастовъ *Марка Твэна*, перев. графини А. З. Муравьевой. Съ рисунками.

МАЛЕНЬКІЯ ЖЕНЩИНЫ, СТАВШІЯ ВЗРОСЛЫМИ. Повѣсть *Луизы Олькотъ*. Переводъ *Е. Г. Тихомандрицкой*. Съ 70 рисунками.

СКАЗКИ ТОПЕЛІУСА. Переводъ со шведскаго *М. П. Благовѣщенской*. Съ портретами и рисунками.

БОСОНОЖКА Повѣсть *Бертольда Ауэрбаха*. Переводъ съ нѣмецкаго подъ ред. *В. М. Чулицкаго*. Съ рис. *В. Вотье*.

ПИНОККІО. Приключенія деревяннаго мальчика *Ч. Коллоди*. Переводъ съ 480-го итальянскаго изданія *К. Данини* подъ ред. *С. И. Ярославцева*. Съ рис. *Е. Мацанти* и *Г. Магни*.

ДѢВОЧКА-РОБИНЗОНЪ. Леля на необитаемомъ островѣ. Повѣсть для юношества въ 2-хъ частяхъ съ англійскаго. 4-е русское изданіе подъ ред. *И. Бѣлозерскаго*. Съ 17 рисунками.

СВЯТОЧНЫЕ РАЗСКАЗЫ. *Ч. Диккенса*. Переводъ съ англійскаго *Е. Г. Тихомандрицкой*. Подъ ред. и съ предисловіемъ *М. М. Бродовскаго*. Съ портретомъ автора и 49 рисунками.

ТРОЕ ВЪ ОДНОЙ ЛОДКѢ (не считая собаки). Разсказъ *Джеромъ К. Джерома*. Переводъ съ англійскаго *Е. Тихомандрицкой*. Съ 20 отд. рисунками *А. Бену*.

МАЛЕНЬКАЯ ПРИНЦЕССА (Приключенія Сары Кру). Повѣсть для дѣтей *Ф. Г. Бернеттъ*. Переводъ съ англійскаго *А. Н. Рождественской*. Съ иллюстраціями *Г. Пиффарда*.

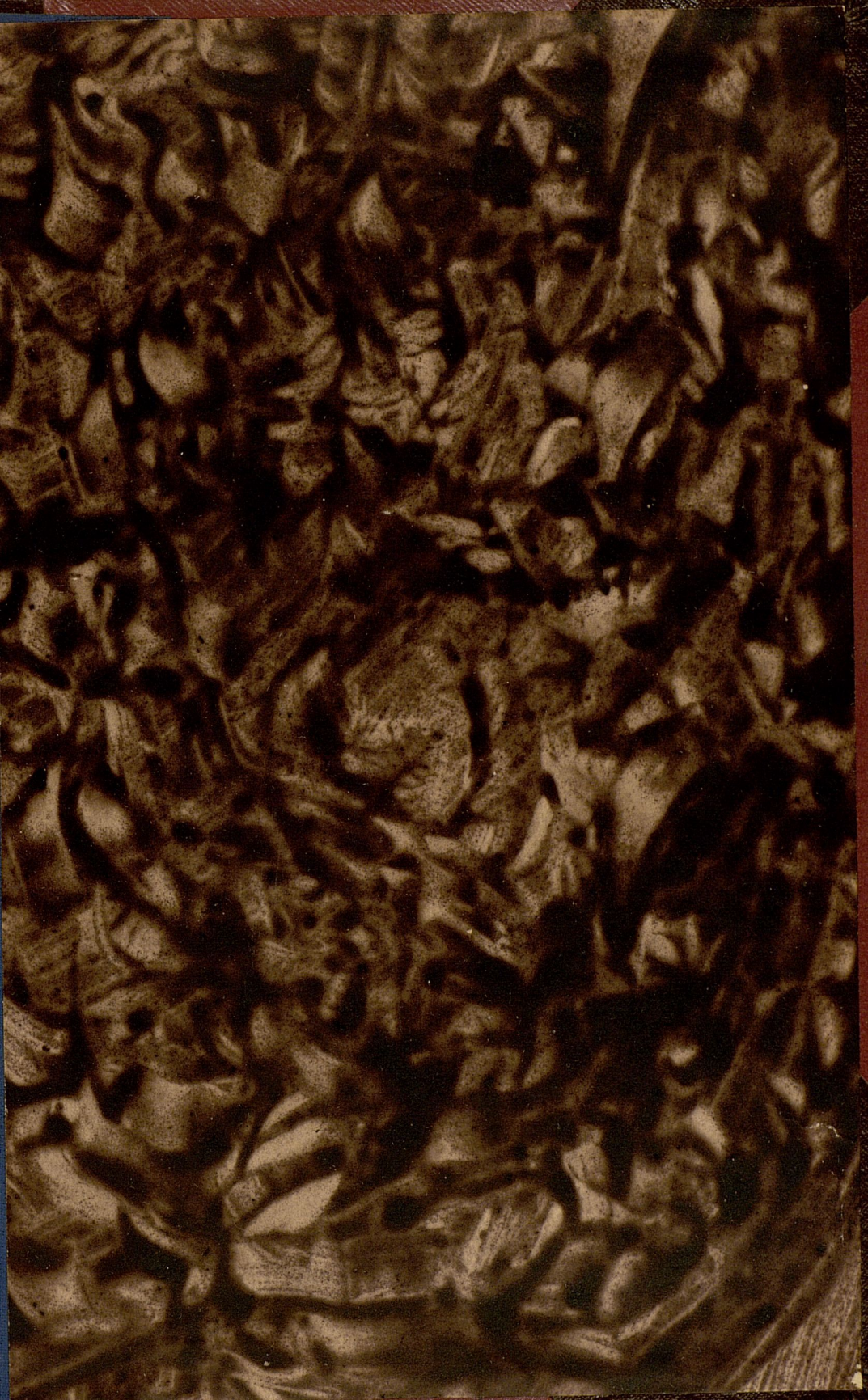
ДОБРЫЙ МАЛЕНЬКІЙ ЧЕРТЕНОКЪ. Повѣсть для дѣтей *графини Сегюръ, урожд. Ростопчиной*. Переводъ съ французскаго подъ редакціею *С. И. Ярославцева*. Съ иллюстраціями *Г. Кастелли*.

СЕРЕБРЯНЫЕ КОНЬКИ. Исторія одного голландскаго семейства *П. И. Сталь*. По англійскому подлиннику *Мэри Мэнъ Доджъ*. Переводъ *А. Н. Рождественской*. Съ рисунками *Т. Шулера*.

СКАЗКИ КОРОЛЕВЫ. *Карменъ Сильва*. Переводъ *А. И. Яцимирскаго*. Съ рис. *Фидуса*.

БЕЗЪ СЕМЬИ. Исторія одного маленькаго человѣка. *Гектора Мало*. Переводъ съ французскаго *А. Н. Рождественской*. Съ рисунками.

МАЛЕНЬКІЕ МУЖЧИНЫ. *Луизы Олькотъ*. Переводъ *А. Рождественской*. Съ рисунками.



37.407.12.